

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Демшин Ярослав
Факультет любви

Ярослав Демшин

ФАКУЛЬТЕТ ЛЮБВИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67913703

SelfPub; 2022

Аннотация

Тем, кто любили в 90-х, посвящается эта книга. В книгу включены другие рассказы и повести, составляющие цикл произведений о дружбе, предательстве и любви.

Содержит нецензурную брань.

Ярослав Демшин

Факультет любви

Любви и приключениям нашей молодости посвящается.

– Привет, – она подошла сзади и положила руку на плечо.

Наша оживленная беседа в ожидании поезда с одногруппниками, уезжающими в стройотряд на комбинат, прервалась. Я повернулся, незнакомая девушка в джинсовке с рюкзаком и сумкой стояла рядом и улыбалась.

– А я тебя знаю! Твоя шутка на КВНе про девчонок была прикольной, – продолжала она. – Люда. Кравцова. Филфак.

Она убрала руку с моего плеча и протянула её мне, я неловко пожал, удивлённо оглянувшись на товарищей по группе. Те тоже стояли с удивленными мордами, а Серый незаметно показывал большой палец и скривил губы, типа, норм деваха.

– Ну, привет, – сказал наконец я.

– А я записалась в твою бригаду, ты же бригадиром будешь? – Люда продолжала разговор, не обращая ни какого внимания, как будто вокруг никого не было.

– Ну, – тупо ответил я. – Буду. Бригадиром.

– Ты же не против?

– Нет, – сказал я и чуть не схватил «петуха» голосом.

– А шутка была смешная, – сказала она уходя. – Мы всем

факультетом ржали, сам придумал?

Я только кивнул, потому что в горле у меня от неожиданности пересохло. Знакомиться со студентками филфака на железнодорожном вокзале мне еще не приходилось. Люда махнула мне рукой и ушла к своим девчонкам. Повернувшись к своим парням, меня чуть не снесло воздушным потоком. Это не был смех, это было ржание миллиона коней на выпасе.

– Нуууууу, товарищ начальник, вам – самое вкусное!

– Ну, бригадир, шастьесамов руки приплыло!

– Не! Как так-то! А почему не мне?

– Дааааа, надо было в КВН идти...везёт кэвээнщикам...

– На его месте должен быть я!

– Усы отрасти сначала, как у бригадира!

– Зачетная краля! Фигуристая!

– Спроси, бригадир, у неё подружки есть?

– Ээээх! Атаман! Нас на бабу променял!

Мне пришлось всё это выслушать, качая головой, посмеиваясь и приговаривать:

– Ну вы и уроды...твари...

– Ну, что, – Серый высунул горлышко бутылкипортвейна из рюкзака. – Пора, бригадир, пора!

– Открывай! – я махнул рукой, надо было сменить тему, да и разве зря мы взяли двадцать бутылок портвейна?

Я взглянул в сторону филфака, Люда заметила это и махнула мне рукой. Вот черт! Подумал я, но стало приятно. Мне

поднесли бутылку с вином.

– Ну, парни! За успех! За нас! И чтоб женщины любили! – сказал я и отхлебнул из горлышка.

– Зачетный тост, а что, всем надо говорить, или просто можно выпить? – спросил Лёха.

– Как хочешь, у нас не застолье.

Бутылка пошла по кругу.

– За третий курс!

– За бином Ньютона!

– За теорему Лагранжа!

– Это почему за неё?

– На экзамене попалась... и наконец-то три поставили!

– За Евклидово пространство!

– А почему за Евклидово? – Лёха постоянно задавал вопросы.

– Потому что оно сходится.

– Куда? – волновался Лёха.

– К кровати! – ответил Серый и все заржали.

Бутылка кончилась.

– Ну? – спросил меня Серый, уже запустив руку в рюкзак.

Все смотрели на меня вопросительно.

– А! Давай!

Раздался вздох одобрения. Вторая бутылка была опустошена быстрее и без тостов – скоро отправляться. Лёха достал батон с изюмом и батон тут же был уничтожен до последней крошки. Я еще раз посмотрел в сторону девчонок филфака –

Люда оживленно разговаривала с подружками. Действительно, красивая, стройная, длинноволосая. Ко мне подошел Серый и пьяно обнял за плечи, тоже посмотрел на Люду. Глубоко, как-то по отечески вздохнул, как будто он что-то знает, а я – нет и предложил мне Беломор.

– Я не курю, – сказал я.

– Я тоже, – сказал Серый и глубоко затаился.

Я взял одну размял и прикурил – нормально, едко, противно. Чем ближе было к отправлению, тем больше студентов доставали папиросы и сигареты. О, как! Перед вагоном курили уже все. Я поискал глазами Люду, ну, конечно! Филфак умудрился достать «Космос» – дорогушие и дефицитные сигареты! По громкой связи что-то сказали про десять минут до отправления, мы начали загружаться. С других факультетов тоже ребята поехали работать, но как я знал они ехали куда-то севернее, кажется в Лесосибирск, мы же ехали в Красноярск, на целлюлозный комбинат. Кого-то из химфака стошнило прямо на ступеньки вагона. Эээх! Химоза! Пити не умеют! Толстая проводница орала и грозила всех высадить, но ей то начинали читать похабные стихи, то огрызались незлобно, то шутили, в конце- концов её довели до слёз и она закрылась у себя в купе. Вагон был общий, матрасов не было, пахло жутко и было жарко. Кое-как уместившись и подложив под голову рюкзаки и сумки и мы двинулись в путь. Ну тут-то и началось! Кто-то захотел чаю, кто-то достал магнитофон, кто-то стал меняться местами целыми ку-

пе, где-то тренькала гитара, где-то явно нетрезвые парни не поделили третью полку, предназначенную для багажа. И все хотели жрать. Вот прямо все! Но была только выпивка. Много. Мы с парнями засадили ещё бутылку. Я нащупал в кармане спецовки кусочек батона и стал долго жевать, пока он не станет сладким, пока не разложиться на углеводы. Ну, по крайней мере так знакомая рассказывала с биохима. Противно запахло копченостями, которые тут же съедались, просто мгновенно! Наша бригада не буянила, не дралась, ни кого в окна не выкидывала, а значит, можно было залезть на полку и поспать. Сон не шел, зато по вагону ходили, шумели, постоянно спрашивали – а кто здесь лежит? дергали за ноги и уходили. Я достал Джека Лондона первую попавшуюся книгу, что схватил перед отъездом, и начал читать, в надежде заснуть на первой странице...

Кто-то аккуратно снял книгу с моего лица, я тихо храпел.
– Тааааак. Нажрался винища и спит! Фу! Ну и запах!

Я открыл глаза, Люда стояла рядом и листала книгу.

– Физмат читает Джека Лондона! Ищет приключения на страницах книги, вместо того, чтобы поинтересоваться, как девушке жестко лежать на этих полках без матраца.

Я оторопел и выпучил на Люду глаза, та даже внимание не обратила на окружающих и их смешки.

–Оу! Моё любимое!

Она села на столик, взяла книгу и начала читать с выражением трагический рассказ о друзьях-предавших друг друга.

Гам и шум постепенно смолкли, гитара замолчала, перестали сёрбовать чаем на всё купе, к нам подтянулись со всего вагона, зашикали друг на друга, невероятная тишина стояла в вагоне. Все слушали рассказ Джека Лондона. До окончания оставалась немного, пошла самая развязка. Люда закрыла книгу, закрыла глаза и продолжила читать наизусть, она рассказывала сцену смерти друзей- неудачников с таким проникновением, что у девчонок, слушающих её, потекли слёзы. Я же, свесив голову с верхней полки, бесцеремонно уставился на её обтягивающие джинсы.

– «...тогда он прислонился к двери и мягко сполз на пол». – закончила она, и все заметили как у неё уже давным-давно из глаз текут слёзы.

Этот миг перед овацией был настолько тихий, что перестали стучать колёса. А затем вагон вздрогнул, все захлопали, девчонки в улыбке сквозь слёзы кинулись к ней на шею. Парни качали головами и посмеивались, восхищаясь. Наверное, это всё-таки было высокое искусство, и для некоторых впервые. Когда немного все успокоились, кто-то крикнул, всхлипывая:

– Ещё!

Люда полистала книгу и начала читать про голодного боксера, проигравшего бой и оставившего свою семью без денег. Дочитав рассказ до середины, она опять закрыла книгу и глаза, из под которых начали капать слёзы. Она негромко рассказывала неудачный боксерский бой и трагические мыс-

ли боксера. В этот раз хлопали и громче и дольше, девчонки размазывали сопли и слёзы по лицу и громко сморкались, кто-то кинул шоколадку.

– Ещё!

– Неееее, всё! – сказала Люда. – Пожалейте мои нервы!

К Люде враскачку подошел наш ловелас Гена, и, потрянув кудрями начал что-то шептать ей на ушко. У Гены была куча отработанных схем по съёму девчонок, и половина из них работала безотказно. Гена этим всегда кичился и нарочито ходил по институту с новой подругой чуть ли не каждый месяц. За это мы никогда не брали его с собой в компанию, а его подружек считали дурами и курицами. Он перестал говорить и посмотрел на Люду, взяв её за руку. На что Люда тоже что-то прошептала ему на ухо, причем сделала это достаточно громко, ну, и, понятно, все услышали, как она его послала. Генка вскинул брови – он редко проигрывал в таких битвах, ещё немного постоял, прикидывая, чем можно парировать, или можно нарваться. Тем временем Люда встала на стол и забралась ко мне на полку.

– Подвинься, – по свойски сказала она, и мне ничего не оставалось, как прижаться к стенке.

Вопрос с Генкой был закрыт окончательно, и по вагону прошел вздох удивления и хохота.

– Тааэээк, надо брать пример с бригадира, пора обзаводиться парой!

– Командиру самая лучшая досталась, ишь как читает! До

мурашек!

– В каком месте у тебя мурашки бегают? Давно проверялся?

– Да, сейчас начнёт ему в уши дуть!

– А ты с Машкой задружи, она считает как калькулятор!

– Да уней и сиськи как кнопки!

– Я сейчас кому-то в глаз дам за кнопки!

– Ну а ты покажи вначале!

Ехали мы весело, шутили беззлобно и сверх меры, пили много.

Около Люды было тепло и приятно, она вкусно пахла молодой женщиной. Я вдыхал этот запах с закрытыми глазами и представлял черте-что.

– Ты спишь? – спросила она.

– Нет.

– А о чем ты думаешь?

– Ох! Тебе лучше не знать.

– А у меня есть сыворотка правды, – и из какого-то кармана брюк он достала гнутую плоскую фляжку.

– У папы стащила, – гордо призналась она. – Коньяк!

– Где коньяк?

– Коньяк?

– У кого коньяк? – послышалось моментально со всех сторон, и люди завертели головами.

Она приснула в кулак, аккуратно отвинтив крышку, отхлебнула и скривилась в гримасе.

– У тебя нет закусь? – не своим голосом спросила она с полным ртом коньяка.

– Первый раз что ли? – спросил я, шаря по карманам. – Вот. Когезийно-дисперсионно-структурированный хлеб.

Она наконец проглотила и уставилась на меня удивленно

– Козеиновый?

– Короче, хлебные крошки, – я высыпал ей в ладошку крошки с изюмом, она отправила в рот и зажмурилась.

– Ммммм. Какое вкусное название, сам придумал?

– Всё придумано уже до нас, нужно только взять, что лежит на поверхности, – расплывчато сказал я.

– Не знала, что на физмате любят философию, – и она протянула мне фляжку.

– На физмате любят комплексный подход, – сказал я и отхлебнул, коньяк был классный, я даже не пил такой ни когда, отхлебнул ещё.

– Я бы не переставал пить такой коньяк по утрам!

– Ты читал «Карлсона»? – удивленно спросила она.

– И почему каждый факультет считает себя самым умным? – я передал ей флягу.

– Разрушим миф?

Я кивнул.

– А как ты пьешь и не морщишься?

– Нууу... я же мальчик, а нам нельзя делать козью морду.

– У меня козья морда?

– Ещё какая! Ты бы себя видела!

Она опять отхлебнула и скривилась.

– Лёха, – сказал я громко своему товарищу снизу. – Там нам шоколадку кидали, не можешь нам передать?

Над полкой медленно всплыло половина виноватого лица Лёхи.

– Нет, – сказал негромко пьяным голосом и показал мне обертку от неё.

Я только вздохнул.

– Ну... мы тоже тут сидим... обнимаемся...

– Всё, Лёха, поставлю тебя в ночную смену. Навечно!

Лёхино лицо также медленно опустилось вниз. Снизу слышался шепот:

– Говорил вам – давайте поделимся! А вы – забудут! Забудут!

– Да чо ты врёшь, кто с тобой обнимается?

Мы с Людой расхохотались от души. Через час я рассказал половину историй, которых знал, после каждой истории мы отхлёбывали по глотку. Люда так хохотала, что чуть два раза не свалилась с полки и один раз приложилась макушкой о третью. Когда я сказал, что истории уже кончились, она отхлебнула большой глоток коньяка и неожиданно приложилась к моим губам. Я почувствовал, как теплый обжигающий напиток течет вместе с её долгим поцелуем. Она оторвалась, сплюнула и сказала:

– Ну и гадость! Ну и гадость! Этот ваш коньяк! Не провай.

Все опять заголосили про коньяк.

Осторожно спустившись, она, шатаясь, ушла к себе в конец вагона. В купе стояла тишина. Да... без тормозов девчонка. Всплыла опять половина лица Лёхи.

– Бригадир... если вы из-за шоколадки обиделись, то я ...

– Лёха, будь человеком, уйди! – мне надо было подумать и осмыслить всё произошедшее.

Пришел Серый из другого купе, лицо у него было помятое и заспанное. Я протянул ему фляжку, он сделал гримасу типа: «ого-го», и отхлебнул, потом, раскрыв и без того свои большие глаза, за которые нравился девчонкам, отхлебнул ещё раз. И со знанием дела побултыхал около уха.

– Немного осталось, где достал такую прелесть?

– Купил за поцелуй.

– Надеюсь, у проводницы. А бутылку мог бы купить за ...? Коньяк больно хороший.

Мы рассмеялись.

– Так только ты бутылку сторговать сможешь, Серый...

Поезд приехал рано, в шесть утра, нестройной помятой толпой, пахнувшей перегаром, мы высыпали из вагона. Я построил свою бригаду, провел переключку, все на месте, живы, не сказать, что здоровы. Приехали автобусы и сопровождающий, увидев нас – ужаснулся, ругаясь, пошел куда-то звонить. Наконец, позвали бригадиров, вернувшись, мы разъяснили ситуацию:

– Ждали вахтовиков, а не нас. Будем жить в женском об-

щежитии, – парни возбужденно загудели. – Теперь плохая новость – оно пустое.

Гул возмущения носился над стройотрядом.

– Хорошая новость, через неделю приедут штукатурки-молдаванки, – толпа загудела одобрительно. – Просили отнестись к ним по- братски.

Толпа студентов загудела.

– И ещё, филфак будет с нами жить.

Похоже, я даже слышал аплодисменты, только не понял с какой стороны. Общежитие было убитое, нового и чистого белья не было кровати сломаны. Комендант встречала нас с выпученными глазами и крошками у рта – завтракала.

– Кто? Какой ещё отряд? Сто человек?? Месяц??? – ей сделалось плохо, но человек показал ей какие-то бумаги и наорал на неё. Лучше ей не стало, но она побежала за ключами и какими-то вещами.

Началось распределение смен и работы. Большой человек вроде успокоился, глядя как мы оперативно составили и графики и распредели людей. Он даже поинтересовался с какого мы факультета, оказалось, что с разных: физмат, филфак, истфак и биохим. Удивленно покачав головой, пробормотал что-то насчет: ну... не зря вам государство стипендию платит. Как тут же нарвался с нашей стороны на: когда будут кормить? Народ голодный! И вообще! Разведя руки в стороны – мол, всё схвачено, пацаны! – он достал из кармана талоны – нате. В любой столовке накормят. На три дня. Распре-

делив талоны, мы пригласили высокого товарища к нам на новоселье сегодня вечером, на что он категорически ответил – нет, и попросил окна не бить, коменданта оставить в живых, потому как в милицию за нас он просить не пойдёт.

– А завтра, товарищи, на работу! Первая смена к шести ноль-ноль!

Я вывесил списки работающих по-сменно. Завтра как раз выходила наша смена. Нас, шесть человек, поставили на упаковку тетрадей. Ну что ж посмотрим, что это такое!

Мы пили и танцевали всю ночь, днем кто-то умудрился отоварить свои талоны на питания: вместо горячего обеда из под полы взял горячительное. Вдобавок мы сперли почти весь бесплатный хлеб из ближайших столовок, и теперь они точно его не будут выкладывать на поднос в открытом доступе. А куски хлеба сушились на подоконнике – мало ли что. Серый умудрился зубами вырвать у комендантши цветомузыку – и теперь была невероятная обстановка. «Отель калифорния!» Под эту музыку хочется плакать и обниматься. Девчонкам плакать, а парням обниматься. Её включали раз десять за ночь. На утро, чуть не падая под трамвай, мы поехали на работу.

Работа была не сложной, но ответственной: пакуй тетради в коробки, да клей бирки. В клеточку – зелёная наклейка, в широкую полосу – синяя, для первоклашек – розовая, и ещё какая-то тетрадь была с косой чертой. Конвейер. Приспособившись, через час, мы уже работали нормально. На

этом участке нас было шесть человек: я, Серый, Лёха. Люда, и две девчонки с филфака. Перед обедом к нам подошел мастер смены. Поглядел на нас, мягко говоря не вежливо, повертел какие-то бумажки небрежно и сказал:

– Эй ты, бегом сюда иди, – обращение было в пустоту, но раз я был главный, то я и подошел, на такое «вежливое» обращение надо было также отвечать.

– Позвольте же узнать, достопочтенный сударь, с кем имею честь разговаривать в столь Богоугодном заведении Вселенского масштаба, – сказал я, театрально окинув руками просто невероятных размеров помещение комбината.

Он остолбенел, все наши расхохотались, ему было ясно, что я не произнес ни одного оскорбительного слова, но что-то обидное всё же сказал, он нахмурил брови, пытаясь сообразить.

– Чо? – переспросил он.

– Хотел бы уточнить, на каком великосветском приёме у нас с вами был брудершафт «Вдова Клико», что вы по братски ко мне обращаетесь на «ты», многоуважаемый? – продолжал я, он молчал, наши укатывались от смеха.

– Ты чо? Самый умный что ли? – он понял, что надо хоть что-то говорить.

– Вы знаете, соплеменник вы мой рода человеческого, так же мне сказали на премудрейшей приёмной комиссии и взяли без экзаменов...

Наши валялись от смеха и ржали, заглушая весь произ-

водственный шум.

– Колька! – крикнул нашему грубияну какой-то седой мужчина, проходящий мимо. – Колька! Мать-перемать-туды-сюды-опять! Лясы точишь? Где накладные! Черт ты в пиджаке!

Мы ржали в голос, до хрипоты, до кашля. Такого фиаско этот Колька явно не ожидал. Красный как рак он отдал нам бумаги и ушел.

– Коля! Отчество твоё как? – крикнул я ему в след сквозь смех.

– Да пошёл ты!

Мы не могли работать ещё полчаса. Оказывается, этот Коля принёс нам талоны! На питание! А мы его вот так! Эээх! Какие мы подлецы! Я так особенно. Нехорошо получилось.

Получив талоны на питание мы пошли в столовую комбината. Это было что то! Огромное пространство, заставленное столами и вкусно пахнет. Тут были и рабочие в халатах и руководители в костюмах, и видимо, само высшее руководство в очень дорогих костюмах и в галстуках, и толстые дамочки с золотыми серьгами. Все обедали в одном месте из одного котла. Мимо нашей нестройной толпы прошел солидный мужчина в пиджаке.

– Кто такие?

– Студенты, – нестройно отозвались мы, глядя на это изобилие.

– Комсомольцы?

– А как же? Все как один!

– Нууу..., – протянул он, глядя на Лёху. – Хоть отъе-
дись. Ишь как вас пообтесало- то. Пьете поди каждый день?

– Не без этого.

– Пейте-пейте, привыкайте. В жизни пригодится.

И ушёл. Дааа... Такой вот начальник, Как потом оказа-
лось – это был главный инженер комбината.

Худой Лёха ещё сбросил пару кило за эти дни, и у него
свалились щёки. В тот день мы с парнями, как драные голод-
ные коты с подворотни, прожрали по два талона. Работни-
ки, глядя на наш заставленный едой стол, только качали го-
ловами и перешептывались – кто такие? детдомовские что
ли? или найдёныши какие? Распихав недоеденные котлеты
и макароны по стаканам, а стаканы по карманам, мы пошли
вдремнуть на десятитонных бумажных рулонах, что катего-
рически запрещалось! Потому как если он покатиться, то от
человека даже мокроты никакой не останется. Но на них бы-
ло удобно и они были тёплые. К концу смены мы с Серым
даже умудрились выполнить дневную норму – счетчик пока-
зывал, сколько упаковок мы скинули вниз, где их грузили.
Девчонки еле-еле сделали половину. В пять часов вечера мы
уже тряслись в трамвайчике до своего общежития.

– Какие планы на вечер? – ко мне подседа Люда.

– Я бы по городу погулял.

– Согласна. Встретимся в клубе!

–???

– Ну, это так товарищ Жеглов говорил, помнишь?

– Аааа! Это где: бабу не проведёшь – она сердцем видит!

Люда рассмеялась и погладила меня по усам.

– Ну рожа у тебя, Шарапов, ой, ну и рожаааааа!

Мы заржали в голос на весь трамвай. Так, под недовольные взгляды уставших пассажиров – в основном это были работники с комбината – мы доехали до дома, перекидываясь цитатами из фильмов...

Мы шли по Набережной Енисея, было прохладно и хорошо. Люда была в каком-то невероятно красивом красном коротком платье, я даже неудосужился переодеться, за что себя сейчас корил и обзывал оборванцем. Людей на набережной было много, кое-кто даже ловил рыбу. Слышался звук баяна, мы подошли к гармонисту, в его кепке лежало немного мелочи. Дед посмотрел на нас красными воспаленными глазами.

– Не идёт сегодня, паря, такие дела, – и он отставил старый, выдавший виды баян, на асфальт.

– Разрешите? – я поднял баян и посмотрел на деда, тот хмыкнул.

– А умеешь?

– Так а чего уметь- твой баян сам играет!

Я посмотрел на кнопки – штук пять не было. Ну, была – не была! Взяв до-мажор, я растянул меха на полную мощь и свернул их с силой так, что аж пыль полетела из решетки. Дед опять хмыкнул и закурил чинарик.

– Ну- ну... покажи себя...

Люда захлопала в ладоши и открыла рот от удивления. Я, как Шариков из кинофильма Бортко начал распевать под мажорные трезвучия:

– Иииииееееээээх! Маааааать! Говори Москавааааа! Разговаривай Раааассеяааа! Сыпь деньги не стесняйся!

Вспомнив, что не зря я два года ходил на хор, и вряд ли кто знает истинный мотив песни Эллы Фиджеральд, я громко запел:

Клеп ю хенд,

Слэп ю синг,

Аллилуйя, аллилуйя!

Эври бадикамэлонг

Эджойн зэ джабилект!

И опять начал сначала, к третьему разу напивая один и тот же куплет, я всё-таки подобрал мотив очень близкий к оригиналу. К этому моменту Люда уже взяла кепку и пошла к народу, который образовался вокруг нас плотной толпой, народ кидал монеты. Я взял септаккорд и запел:

Гаудеамус игитур,

Ювинестуссуууумус...

Гимн всех студентов – Гаудеамус. Мелодия была простая и я быстро подобрал, Люда тоже знала её, и мы, обнявшись,

на латыни спели все куплеты. В конце Люда крепко поцеловала меня под всеобщие аплодисменты. Денег было много – половина кепки. Я поставил баян и взял горсть монет.

– Честно? – спросил я у деда, тот опять только хмыкнул.

Денег хватило на два стакана сухого вина и два пироженных, Люда смотрела на меня восхищенно.

– Вот так удивил, так удивил, – сказала она

– Всё лежит на поверхности, надо только взять.

– Ты это говоришь уже второй или третий раз!

Мы смаковали вино – это был всё-таки не портвейн! – и ели вкуснейшее пироженки.

– Покатаемся на лифте?

– На лифте?

– Ага, бесплатно и интересно.

– Хм... давай...

Мы пошли к самой первой высокой многоэтажке на другом берегу Енисея. В подъезде пахло кошками, нажав кнопку, мы стали слушать, как в глубине шахты двигаются механизмы и тросы. И тут подошла важная полная дама, видимо со своим сыном, лет пятнадцати, тоже упитанным и толстощёким. Он сразу уставился на Людины стройные ноги, и открыл рот. Женщина заметив это, толкнула его в бок. Люда в ответ ему подмигнула, а женщине показала язык. Что-то недовольно пробурчав она первой вошла в лифт и нажала кнопку, мы успели заскочить, прежде чем дверь закрылась. И за это мы решили отомстить этой женщине – на глазах это-

го пухлячка мы слились в таком страстном поцелуе, что я одним глазом увидел, как она ворча, закрывала рукой ему глаза, а он пытался из-под неё вынырнуть и посмотреть на нас. Выйдя где-то посередине, она ворча, потащила за руку своего пятнадцатилетнего сына, а он всё оглядывался и смотрел на нас с открытым ртом. Мы прокатились раза три, не встретив никого больше, и решили залезть на крышу. Ветер был достаточно сильный, но теплый. С крыши было далеко видно, город был, как ладони: вот- Енисей, вот – горнолыжные трассы, вон и вон – мосты, и воон – ещё один строится.

– Поезд!!! – закричала Люда. – Я вижу поезд!!!

Она запрыгала на крыше, как будто видела его впервые, и показывала пальцем куда-то вдаль, я не видел этого поезда, вызывающего столько счастья.

– Самолёт!!! Смотри!!! – и она рукой показала вверх, да действительно самолет заходил на посадку и летел низко.

Однако! Столько счастья вызывает транспорт! Она обхватила мою шею и стала целовать, затем отстранилась и сделалась серьёзной. Одним движением руки она сняла нижнее бельё, оно оказалось такое же красное как платье, привязав его к антенне на крыше, она сказала:

– Это будет наш пиратский корабль, – и расстегнув мне брюки, спросила. – Ты не против?

– Нет, я не против.

Мы занимались стоя на крыше при свете дня тем, чем занимаются супруги в темноте на кровати. Люда крепко вце-

пилаась в меня ногами и руками и тихо стонала в ухо. И вдруг я услышал чьи-то отчетливые голоса:

– Давай! Парень! Жарь её! Ааааа! Молодец! Давай!

Повернув голову, я увидел, как через улицу, на балконе последнего этажа другой высотки, стояли по пояс голые мужики. Они свистели и махали нам руками, чем мы занимаемся – увидеть с их диспозиции было нетрудно...

– Тебе не холодно? Без трусов? – тихо спросил я, когда мы уже гуляли по парку.

– Я боюсь через мост идти, ветер дунет и все увидят мою задницу, – сказала она.

– Ну, надо идти позже, когда твоя прелестная попка не будет блистать в темноте.

–А она правда прелестная? – игриво спросила она.

– Лучше не видел.

–А много видел?

– Нет, не очень.

– Но моя самая лучшая?

– Самая- самая!

Она довольная пошла вперед, виляя бедрами. Из репродукторов в паркеполилась музыка на все времена – Мирей Матье: «Пардоне муа се каприз де он фа...»

– Я знаю эту песню на русском, – сказала Люда и запела, кружась и расставив руки в стороны.

Ты мне прости этот детский каприз,

Ты мне прости и как прежде вернись,

Я так люблю тебя, жизнь без тебя мне не жизнь...

Так, на два голоса, Матье и Люда пели под оркестр Поля Мориа.

Стемнело, мы пошли по направлению к выходу из парка, никого вокруг не было, зажглись фонари. С центральной аллеи мы свернули на боковую и столкнулись с двумя подвыпившими парнями. Один был покрепче, постарше, но и пьянее, второй помоложе и потрезвее. Люда, шедшая впереди, вилявшая своими бёдрами и напевавшая французский мотив, сразу остановилась и забежала за меня. Старший расплылся в пьяной улыбке.

– Побежали отсюда, – прошептала Люда.

Драться я не любил, честно. Интересно, а кто любит, кроме дебилов, что бы тебе зубы выбили, или мозг стрясли за даром?

– Деньги! – проговорил старший.

– Слушай, денег для тебя нет, но ты иди на Набережную, их там тебе накидают.

Мне без разговоров прилетел кулак прямо в зубы. Удар был точный и я сел. Люда завизжала.

– Извинись, – сказал старший

Я сплюнул кровь, пробежался языком по зубам – все на месте.

– Хорошо! Я был не прав! Извини! – сказал я и нащупал в заднем кармане фляжку с коньяком, которую до сих пор носил с собой.

Я сжал её поудобней, благо она была полукруглой, и со всей дури засадил ему по голове. Мне даже показалось, что у него брызнули искры из глаз, хотя это всего лишь блеснула фляга под фонарём. Видимо, он расслабился и не ожидал такого поворота, он, охнув, присел, подогнул колени. Из рассеченной кожи потекла кровь.

– Зарежу! – прошипел я второму, скаля свои зубы в крови и выставив вперед флягу.

Не знаю, что тому почудилось, но только тот, выпучив глаза, молча убежал. Я подошел к первому, тот сидел на корточках, качаясь и держался за голову.

– Руки вверх! Это народный контроль! – громко сказал я, первое, что пришло мне в голову, и приставил ко лбу круглое горлышко фляжки, он испуганно поднял руки.

Я снял с него часы с браслетом.

– Трофеи! – сказал я. – Руки не опускать! Застрелю!

Я старался говорить как можно жестче, но меня разбирал уже смех, хотя передние зубы и рассеченная губа болели. Люда стояла в стороне и наблюдала с каким-то ужасом всё происходящее. Я кивнул ей, и мы быстро побежали мимо тропинок наугад. Выбежали прямо к шоссе. Я посмотрел на неё – у неё был в глазах шок, ужас и страх вперемешку со слезами. Мы отдышались. Я кивнул ей:

– Ты в порядке ?

– Да вот ни фиги не в порядке!

– Сейчас уедем!

Она видела, как я к подошел к парням, стоявшим около машины что-то им сказал, махая в её сторону рукой и показал часы этого хулигана. Один, взяв часы, кивнул головой. Я позвал её. Уже сидя на заднем сиденье Жигулей, она потрогала мою разбитую губу спросила:

– Больно?

– Конечно!

– Что же ты имнаврал такого, что они так быстро согласились нас отвезти? – шепотом спросила она.

Мы неслись по ночному Красноярску.

– Тебе это не понравится.

– И всё же!

– Я сказал, что твой папа побежал за ружьём, когда узнал, что ты беременна и нам надо уносить ноги.

– Ну ты горазд врать! – она уткнулась мне в плечо и захохотала.

– Не плачь, девочка! – раздался голос водителя. – Простит тебя отец, на то и отец! Да и парень я гляжу неплохой, раз по мордеза тебя получил.

Мы еле сдерживали смех. Всю дорогу рассуждал водитель- как хорошо быть всё же послушным ребёнком.

Поднявшись, мы остановились на лестничной клетке обшаги. Мне надо было на третий, ей – на пятый.

– Ну, как тебе прогулка ? – уже весело спросила она

– Я запомню этот день, – сказал я. – Особенно экскурсию по крышам.

Она обвила мою шею руками.

– Я спать хочу, столько событий, – сказала она. – А ты смелый! Драться полез! Да ещё и вор! Зачем часы с него снял?

– Я не смелый, и драться не люблю. А тебе уже жалко этого хулигана?

– Нет... Ну а вдруг это подарок?

– Нет, это не подарок! Он снял их позавчера с несчастного студента в девять вечера.

– А ты откуда знаешь?– она сделала удивленные глаза.

– Придумал, чтобы тебя успокоить, что это не подарок его любимой мамы!

Она расхохоталась.

– Пойдём, я тебе губу полечу.

– Это как?

– А у нас в комнате холодильник есть!

– Да ты чо?

Мы поднялись к девчонкам на пятый этаж и прошли к ней в комнату, с ней ещё заселилось пять девчонок.

– Может ну её, -я не хотел идти к ним в комнату.

– Ты трус? – спросила она.

– Есть немного...

– Чего-то после сегодняшнего вечера я сильно сомневаюсь, что ты ссыкун! – и она, взяв за руку, затащила меня в комнату.

Как же было у них уютно! А комната была такая же, как у нас! Внашей была какая-то паутина, грязно и мусор, а здесь

– прямо как дома! Девчонки играли в карты и читали. Увидев нас они побросали все дела внимательно начали за нами смотреть. Люда наскребла льда из морозилки завернула в белоснежный носовой платок- ну вот откуда он только?! – и приложила к моей губе. По комнате прошел вздох восхищения.

– Людка! Из-за тебя подралисьчто ли?

– Счастливая!

– Расскажите!

– Так это же бригадир!

– Офигеть! Бригадиру из-за Людки харю разбили!

– Видать есть из-за чего!

– Да...Видно, Людка – сладкая!

–Знаете, спасибо, я пойду, – сказал я.

– Нет!!! – заорали все хором. – Пока не расскажите, никто отсюда не выйдет!

И рыжая девчонка, килограмм под восемьдесят, села у дверей натабурет.

– Ну, а со мной справишься? – нагло спросила она.

Я понял, что попал, хотя от холода губа занемела и боль утихла. Я лёг на незастеленную кровать и сказал:

– Я раненый, пусть Люда рассказывает.

Повернувшись на бок, не разуваясь, подложив под голову руку, я заснул, и только сквозь сон слышал как девчонки в ночнушках то взвизгивали от рассказов Люды, то хохотали, то охали и обнимали её по очереди. Ну, вот обнимать- то за

что? Вот уж девчачьи секреты...

С утра успел поглядеть на себя в зеркало – губы у меня и так не были тонкие, а тут ещё и распухли – красавец! Пельмени были ещё те! Со словами «до свадьбы заживёт» меня встретил в ванной Лёха, он испуганно уставился на меня и убежал. Пришел уже с Серым. На все вопросы я только мотал головой и говорил:

– Потом...

Есть было неудобно, горячий чай – тем более. В общем два дня я промаялся. Парни говорили, что Люда ко мне после работы заходила почти каждый час, но я спал и спал и спал и спал. Она даже где-то достала градусник, но этого я ничего не помню, события самой поездки, четыре дня недосыпа и пьянки сделали своё дело. Организм требовал отдыха.

Вдруг в пятницу нас, бригадиров вызывают в профком комбината. Бывают же приятные новости!

– За неделю ваша смена сделала сто пятьдесят процентов плана!

– Да что вы?

– Да! Молодцы! Но главное, – говорят в профкоме. – Что в вашей смене все – комсомольцы! Это главное!

– Согласен, Марксизм – наука! – говорю. – От неё – никуда не деться!

Посмотрел на меня профсоюзный босс так, скептически, вздохнул, но спорить не стал, а выдал нам путевку на шесть

человек на два дня в санаторий «Сосны».

– Только предупреждаю- жратвы, указанной в путевке, нет. Всё съели до вас.

– Но хоть что- то можно в столовке получить?

Вздыхнул он опять, достал талоны на питание и отрезал четыре штуки

– Одни расходы с вами!

– Так нас шестеро!

– Иди уже отсюда!

Три других смены тоже получили такие же путевки.

Когда я сказал нашим про путевку – работе- всё. Девчонки выключили конвейер и сели обсуждать на целый час что надо взять с собой.

К ним встревал возмущенный Лёха.

– Всего на два дня едем! Что брать кроме зубных щеток и презер...

– Ох! Лёха! – и девахи драли ему уши и таскали за волосы, употребляя исключительно обценную лексику, что из их уст получалось даже мило и не грубо, что сказать – филфак, может их даже этому учат, надо спросить.

Счастливые, в шесть утра, мы ехали на «Икарусе» по гладкой дороге до «Сосен», Люда вцепилась в меня с самого начала поездки и не опускала до конца – два дня мы виделись только на работе и почти не говорили. Я начал замечать у ней в лице тревогу, а у меня просто сильно болела голова и хотелось спать.

Домик отдыха был прекрасен, он стоял в такой глубине парка, что мы к нему шли чуть ли полчаса. Тишина. Тишина была просто звенящей. Увидев домик, Лёха побежал занимать себе кровать, Серый, идя под ручку с двумя нашими уже близкими подругами и коллегами по работе на конвейере—Леной и Ксюхой – о чем-то шептался с ними на ушко, те прыскали в кулак, мотали головами и махали руками друг на дружку. Что-то будет... Я нёс рюкзак Люды, сумку Лёхи и свой пакет, где были только полотенце, мыло и зубная щетка. Вчера мы с Серым почти час скреблись и мылись под прохладным душем – куда девается летом горячая вода? – и сегодня выглядели в наисвежайшем виде. На нас были чистые рубашки и даже! новые носки! По случаю купленные у каких-то барыг. Новый рубль так не блестел, как сверкали мы с Серым чистыми и бритыми мордами.

В домике Лёха тут же был выставлен со своей кроватью в дальний угол. Мы сдвинули их по своему разумению – я с Людой к стенке, Серый с Ленкой и Ксюхой три кровати поставил напротив. Мы разлеглись отдохнуть: Серый походил на бая среди гарема. Ну а Лёха... а Лёха обиделся и отвернулся. Отметив приезд, мы с Людой пошли в лес, прихватив недопитую бутылку, два одеяла и пару пирожков. Через пару минуту нас догнал Лёха.

– Я с вами!

– Нафига? Иди вон с Серым гуляй!

– Они меня из дома выгнали и втроём закрылись!

Только отдав Лёхе пирожки, мы отделались от него. Лёжа на песчаном пригорке, мы наслаждались друг другом, попивая вино. Время от времени мы смотрели, как Лёхина фигура бродила то тут, то там в одиночестве, и выискивала нас. Бутылка закончилась, силы тоже. Мы лежали на спине и смотрели в бесконечное небо, Люда тихонько запела, сплетая свои пальцы между моих:

Ты мне прости этот детский каприз,
Ты мне прости и как прежде вернись,
Я так люблю тебя, жизнь без тебя мне не жизнь...

Прошло полдня. Мы решили вернуться в дом. Он был открыт, мы зашли и нашему взору предстала картина полная разврата: голый Серый лежал на животе и храпел как паровоз, по бокам, обняв его, лежали Ленка и Ксюха, слегка прикрыв ноги простынями. Люда стояла посреди комнаты, и тихо матерясь, удивлялась.

– А Ленка вообще-то повышенную стипендию получает, как отличница...

– Но это не мешает ей вести активную половую жизнь, – ответил я.

– И как же они его на это уговорили? – специально громко сказала она, что все проснулись.

Девчонки повернули голову в нашу сторону и заверещали, натягивая на себя простыни. Серый да же не шелохнулся.

– Ушаталиконяшку, – сказал я, и мы вышли.

На встречу шёл грустный Лёха.

– Ну ты чего? Где ходишь? – с серьёзным видом сказала Люда. – Бегом в дом! Там тебя давно ждут! Мы были теперь давай ты!

– А что там?

– Всё тебе скажи! Давай быстрее!

Лёха забежал в дом и в тот же момент там раздался девчачий визг на два голоса, звон битой посуды и падение столовых приборов. Из дома выбежал голый Серый, за ним выскочил Лёха. Люда хохотала, согнувшись пополам. Серый огляделся по сторонам, поняв, что голый, прикрылся руками.

– Чего случилось? – спросил он нас сонным голосом.

– А чего ты выбежал- то?

– А черт его знает...

Лёха стоял и сыпал нам оскорбления, хотя сам ржал тоже. Дверь в доме захлопнулась и было слышно, как повернулся ключ.

– Э! А я? – голый Серый протянул руку по направлению к дому. Мы попадали от смеха.

Ближе к ночи, когда разбитую посуду закопали за домом, а девчонки всё-таки навалили Лёхе – зажав его в угол и наставив засосов на шее- мы неторопливо пили дешёвое вино и варили картошку с тушёнкой. По очереди рассказывали матерные и пошлые анекдоты. Потом решили идти купаться. Голыми. Больше всех, конечно, прыгал Лёха.

– Да! Купаться! Голыми!

Над теплой гладью пруда торчали головы – я и Люда, а в

стороне втроём – Серый и его новые подружки. Лёха грустно плавал один.

– Ааааа! – завопил Лёха. – Меня кто-то в задницу укусил!

Девчонки завизжали и мы выскочили из воды. Лёха во-зился в воде.

– А, не! Это ветка! – он чем-то помахал в темноте.

– Дурак! Дебил! – и другие эпитеты полетели в Лёху вме-сте с камнями.

Мы ушли на ровный песчаный пригорок и накрылись с Людой вторым одеялом, прижавшись мокрыми телами друг к другу. В домик мы вернулись на рассвете. Лёха спал в гамаке за домом – только сейчас заметили! – мы укрыли его своим одеялом. В домике, как и вчера, голый Серый спал с Ленкой и Ксюхой. Мы тихонько прошли на свои места и вырубались до обеда...

Прошла ещё неделя. Нашим любимым с Людой местом стал подоконник в конце коридора на нашем этаже. Он ши-рокий и длинный, мы спокойно залазили на него вдвоём с ногами и о чём-нибудь спорили. Обычно в это время я ви-дел, как двери открывались и кто-нибудь обязательно под-слушивал.

– Да что твой Драйзер! – кричал я. – Это не авторитет!

– А кто же тогда авторитет? – кричала она.

– Купер!

– Кто? – громко насмеялась она. – Этот дешёвый писака?

– Как будто твой Твен не дешёвый! – кричал я в ответ. –

Старый переоцененный пошляк!

– Кааааааак? – её голос уходил вверх от пиано до форте. – А как же духовность и нравственность? А как же десятки тысяч экземпляров? – она махала у меня перед носом руками.

– Просто повезло с переводом на русский язык! – парировал я

Она не знала что ответить, оскалилась и как кошка растопырила пальцы около моего лица. Лёха, сидевший тут уже полчаса, встал со словами:

– Чего – то я ничего не понял, – и ушёл в комнату, но нам было не до Лёхи, решалась судьба мировой литературы. Люди проходили мимо нас вверх и вниз, стояли, слушали, махали руками и уходили. Мы уже оба взмокли.

– Ну а Хэмингуэй? – кричала она. – Этот монстр, эта глыба американской свободы? А? – она сделала довольную моську, мол против Эрнста Миллеровича не попрёшь!

– Параноик с депрессивным расстройством, сублимировал свою судьбу в одном герое- сумасшедшем старике, которым почему-то все восхищаются. Но Нобелевскую премию отрицать не возможно, талант – явный признак пограничного состояния психики. А застрелился он кстати, – я перестал кричать, глядя как её глаза наполняются слезами. – Второго июля. Когда ты привязала красный флаг на крыше... к антенне...

Она хлестнула меня по щеке.

– Не смей так говорить про Хэмингуэя!

Она слезла с подоконника и, всхлипывая, пошла к себе.

– А твой... а твой... Есенин... бабник... и... изменщик... как и Чехов, – и вытирая слёзы, убежала в свою комнату.

Я пришел к себе в комнату, у нас были гости – Лёха на раздеванье играл с рыжей толстой подружкой Люды, которая как-то перегородила мне дверь. Её звали Ира и она пришла с длинной Светой. Та играла в баскетбол и была под два метра ростом. Ира была уже в одном нижнем белье, а Лёха одних штанах, но уже без рубашки. Он играл стоя, всё время дрыгал ногой и нервно закусывал губу. Света, перевесившись через спинку кровати без интереса наблюдала. Тут Ирка кинула карты на кровать.

– Опа! – у неё были одни тузы и короли.

Она ловко сдернула с него штаны вместе с трусами.

– Фууууу! – сморщившись сказала она, глядя на низ Лёхиного живота.

– Ээээээ! – закричал Лёха, хватая штаны одной рукой, мы заржали всей комнатой.

– Да стой ты! – крикнула на него Ирка, и толкнула его кулаком в живот.

– Ты чего... – просипел Лёха.

– Стой, не дёргайся! – Ира что-то подергала у Лёхи и погладила руками. – Светк! Ну как?

Света посмотрела оценивающе на Лёхино достоинство и сморщилась.

– Не, я бы не взяла.

– Это потому что длиннющая как шлагбаум, и тебе надо..–

Ирка ударила себе по сгибу локтя, затем притянула Лёху за уши к себе и что-то долго шептала ему на ухо.

Потом дала ему под дых, пригрозив кулаком, Лёха тяжело задышал и у него полезли глаза на лоб.

– Штаны надень, кавалер! – и она со Светкой ушла, не одеваясь.

Мы немного пошутили над Лёхой, потом он, скрывая улыбку, взял полотенце и ушел в душ. Я взял так и недочитанного Джека Лондона и лёг. Через пятнадцать минут наша дверь была открыта с ноги той же Иррой, как дверь не слетела с петель даже не знаю. Дыша исключительно через ноздри, как бык, Ирка медленно подошла ко мне, все парни привстали, следя за развитием. Светка встала в дверном проеме, она была почти под косяк ростом. Ирка одним ударом выбила у меня книгу из рук, та перелетев комнату, упала в противоположном углу. Она так зло смотрела на меня, что я почувствовал ожог на лице.

– Тааааак! – она как можно больше добавляла металла в голос. – Тааааак! Таааак! Ты зачем девочку обидел? Бригадир! Мать-перемать!

Она обматерила меня для начала всеми словами что знала, и приступила, видимо к основной части.

– Ты! Морда! Как так? Лежит и плачет наша красавица! Ты в курсе, что Хемингуэй у неё в комнате висит? – парни

хохотнули, она осеклась, нерв напряжения был испорчен. – В смысле портрет! Дебилы! С бородой! Да не дебилы с бородой, а портрет с бородой!

Всё! Все ржали. Стальной прут, так жестко начинавший в меня вонзаться рассыпался в пыль от коррозии уточнений. Но Ирка всё ещё пыталась меня хватать за воротник и махать перед носом кулаком, брызгая слюной прямо в лицо.

– Выйдите все, – услышал я знакомый голос. – Пожалуйста.

Все повернулись к двери, там стояла Люда в красном коротком платье.

– Так! – первая сообразила Ира. – Дай-ка мне карты, я вам погадаю! На любовь! Пошли!

Серый собрал карты, подмигнул мне и все пошли в коридор, хорошие всё-таки у Люды подружки. Она стояла около косяка и смотрела на меня, улыбаясь, но со слезами...

– Ты мне прости этот детский каприз...

Весь трогательный момент испортил Лёха – он заперся в комнату с полотенцем на поясе и на мокрой голове, но через секунду был безжалостно вытасчен за шею обратно в коридор Ирккой.

– Что такое? Что такое? – запищал он в полотенце.

– Что-что? Мириться будут...

Через три дня как ни в чём не бывало, мы опять сидели на подоконнике и спорили друг с другом до хрипоты. Наверху играла музыка, была дискотека под заезженный «Романтик».

Народ ходил мимо нас, удивленно вскидывая брови.

– Да Вася Кандинский – гений! – кричал я, чуть при-
встав. – Великолепная геометрия и ничего лишнего! А
сколько знаков! Символов и фактуры!

– Малевич! Только Малевич с его глубиной взгляда в бес-
конечность! – не уступала Люда.

– Нет у него бесконечности! А есть черная фигура с непа-
раллельными сторонами!

– Извини! Но это гениальный «Квадрат»! – кричала Люда

– Что?! – я взвинулся. – Гениальный? Может ты просто
не видела малых голландцев?

– Да твоими малыми голландцами только дырки на обоях
закрывать! – уже орала она на меня. – Ренессанс! Вот это –
эпоха!

Мы оба взмокли, она вытерла пот со лба, я – слюни с усов.

– Как же вы орёте, когда прёте друг друга? – рядом стояла
Ирка, она была пьяна, с бутербродом в руке и слушала нас,
мы не даже не заметили, как она подошла. – Я ничего не по-
няла, но если бы мне Лёха хотя бы половину этого рассказы-
вал, я бы ему.... – она мечтательно зажмурилась и откусила
бутерброд.

Мы повернули голову в её сторону, помолчали, потом по-
вернули обратно.

– Ренессанс? Да он возник на костях! – взревел я

– Предыдущее поколение всегда является удобрением! В
лучшем смысле этого слова! – громко возражала Люда.

Ирка стояла рядом и меланхолично жевала бутерброд, мы продолжали яростно спорить и даже хватали друг друга за одежду.

– Людка, если ты его соберёшься бросать – скажи мне, – доев бутерброд, сказала Ирка и пошла к Лёхе, тащить его на дискотеку.

Мы враз замолчали, сердце билось так, как будто я долго бежал, даже пощупал пульс.

– Ого! Как колотится!

Она повернулась и облокотилась на меня спиной.

– Ты знаешь, что мне хорошо с тобой?

– Догадываюсь...

– Догадывается он... Мне так никогда не было хорошо, ни с кем. Одним надо только меня мацать надо, другие невозможно тупые, третье – ни ума ни фантазии, четвертые слишком послушные, словно я им мама. А с тобой мне так хорошо: и поговорить, что раньше мне вообще не удавалось – двух слов связать не могли, или какие-то всё шутки плоские были. А с тобой можно и поговорить и – она выразилась матом, но это звучало так прекрасно, что было неотъемлемым глаголом в предложении, она зашвыркала носом, утирая слёзы. – И знаешь, что самое обидное, самое гадкое в этой жизни? То, что это уже никогда не повторится! Через десять дней мы разъедемся- и всё! До сентября! Да! Там мы встретимся! Но это будем не мы! Пропадет ковалентная связь – так твоя подруга с биохима говорила?

Я был удивлен – она знала про мою подругу с биохима, правда, уже бывшую. Я молчал, У меня всего был один вопрос.

– Я знаю, – она вытерла слёзы и высморкалась в мою рубашку. – У тебя есть вопрос, может и не один, но почему-то ты его не задаёшь. Почему?

– Боюсь.

– Чего?

– Спугнуть мотылька, который летает между нами.

Она повернула своё зарёванное лицо ко мне.

– Ого! Где взял?

– Нигде, сам придумал.

– Какой же ты... – и она уткнулась в мою шею своим мокрым лицом.

Какой же я кто, я не успел узнать, потому как мимо прошла опять Ирка с Лёхой, которого держала за руку.

– Учись! – начала говорить она Лёхе. – До слёз! До истерик! Во как надо! А ты раз – воткнул, два – вытащил, и это любовь? Ни слова! Ни полслова!

Лёха стоял с опущенной головой и косо смотрел на нас.

– Лёх, – сказал я, – Расскажи Ирке механику твёрдых тел.

– Зачем? Она всё равно ничего не поймёт.

Ирка дала ему подзатыльник.

– Тебе говорят расскажи – значит будешь рассказывать! А то делаешь только мне одну механику!

И они ушли наверх.

– Пошли в душ. Вместе, – предложила Люда.

– Так горячей воды нет, а под прохладной ты замерзнешь.

Она подняла на меня удивленные красные глаза.

– Как нет? Мы всем этажом уже два дня моемся!

– Да? – удивился я. – А нам как сказали, что нет, то мы и не включали кран с горячей водой. Все холодной моемся.

Она расхохоталась

– Одно слово – мужчины!

Я. Забыл. Закрыть. Щеколду. Я подставил своё лицо струям воды и закрыл глаза. Мы ничего не видели вокруг, казалось, мы были в пустом космосе, в невесомости. Весь мир превратился в струи воды и нервы.

– Потом мы пойдём! – этот голос вернул нас из космоса в душевую кабину с исписанными стенами и ободранной дверью. Я и Люда резко повернулись: в проеме стоял уже пьяный Лёха, за ним выглядывала голова Ирки. Они с интересом наблюдали за нами. Люда взвизгнула и спряталась за меня.

– Скажите, что мы за вами, – пьяно проговорил Лёха.

– Извини, Людка! Продолжай! – крикнула её подруга.

Я набрал полный рот воды и пустил в них фонтан, мокрые, они закрыли дверь. Мы продолжили по совету Ирки.

В нашей комнате никого не было: кое-кто уже перебрался к девчонками из филфака, кто-то задружил с молдаванками-«штукатурками», кто-то был в ночную смену. Сдвинув две кровати, мы лежали лицом друг к другу и перешептывались:

– Какой вопрос я боюсь тебе задать? – спросил я.

– Почему я к тебе первая подошла. Вот какой вопрос.

– Да. И почему?

– Помнишь, ты проводил у нас, на филфаке, зимой лекцию? Шарик на ниточке приволок?

– Маятник. Это было вместо зачета. Провести лекцию по механике на другом факультете.

– Ты ещё всякие стрелочки...

– Вектора...

– Во-во. Вектора рисовал.

– Чертил...

– Нуда. Полдоски исписал, потом стёр и давай заново писать, и всё про шарик...

– Маятник...

– Ага. Маятник. А потом когда закончил, что было помнишь?

– Конечно! Кто-то встаёт из ваших и спрашивает: так почему же он качается? Как будто я два часа не объяснял! Вся аудитория ржала!

– Точно! – и Люда захохотала.

Я помолчал, подумал.

– Так это ты была? – я не поверил.

Она залилась смехом до кашля.

– Не обижаешься? – спросила она, когда приступ её смеха прошёл.

– Я был злой после той лекции, ужасно! Я её готовил неде-

лю, всё было выверено, я всё выучил! А вы ржали надо мной!
Кобылы!

Она опять залилась смехом

– Так значит, ты меня не вспомнил?

– Вас там было двести человек и вы все были все на одно лицо, как китайцы! И я был в полном отчаянии после этого!

Она опять закатилась смехом до кашля, до слёз.

– Ты знаешь, мне так ни с кем ещё не было весело, я буду по этому скучать, – сказала она отдышавшись и обняла меня руками и ногами.

– Если замужем я не буду ржать как дура каждый день, – сказала она сквозь сон. – Я заведу себе кучу любовников...

Я попытался тихонько освободиться от её ног, чтобы было поудобней спать, но она только крепче обхватила меня.

– Ты будешь моим любовником? – спросила она одними губами.

– Пожалуй, что нет.

– Жаль... ковалентная связь... распадётся... через ... десять... дней, – сказала она, каждое слово звучало тише предыдущего, изо рта у неё потекла прозрачная слюнка.

Мы ловили каждый свободный миг, и считали, что время принадлежит нам. Работая в ночную смену, у нас оказалось свободное время с часу ночи до шести утра, все быстро побежали спать. Мы же с Людой пошли бродить по полу-пустому комбинату. Это была махина! Забравшись на самый верх, мы смотрели, как одинокая электрокара, размером со спи-

чечный коробок неспешно едет по пустынному цеху. Свернув на какую-то лестницу, мы попали в административную часть. Местами были ковры в коридорах и темные панели на стенках. Нигде никого не было, но кабинеты были открыты. «Приемная». Мы зашли и включили свет, огромный кабинет со столом посередине и приятным запахом. Я посадил Люду на стол заседаний и выключил свет.

На следующий день Люда сообщила приготовила мне сюрприз. Этого я тоже не любил – сюрпризы. Но, сюрприз, так сюрприз! Этот сюрприз был настолько необычен, что пришлось ехать на автобусе, а потом ещё идти пешком. Я молчал всю дорогу, Люда тоже, только улыбалась. Вот и не надо сбивать волну умными вопросами – думал я. Мы подошли к кирпичной пятиэтажке, «Общежитие...» дальше надпись была сломана. Я поднялся за Людой на второй этаж. Нам открыл дверь молодой мужчина, с невероятно раскаченными и рельефными мышцами. Увидев её он обрадовался.

– Людка! – обнял её и приподнял одной рукой.

– Дядь Жень! – заверещала она.

О, как, дядька, ну и сюрприз!

– Ну, заходите!

Мы зашли, я поздоровался, познакомился, рука у него была как кирпич – сухая, твердая, но теплая. В небольшой комнатке огромное место занимали различные кубки, медали, фотографии и грамоты. В углу лежала штанга.

– Ты каким ветром здесь?

– Таким вот! Замуж выхожу!

У меня отпала челюсть, я стоял к ней спиной, разглядывая кубки и фото, но почувствовал, как она смотрит на меня и ржет. Не успел я повернуться, как дядя Женя подхватил меня огромными ручищами и обцеловал всё мою лицо, Людка покатывалась со смеху. Потом он также облобызал Люду.

– Так! Так! Надо это дело отметить! – он засуетился, загремел посудой, достал карточки на водку.

– Ты! – сказал Люде. – Вари картоху! Ты – пошли со мной!

Я только успел кивнуть ей: что это было? на что она только махнула рукой и подмигнула. Мы пошли к вино-водочному, дядь Женя разрешил называть его просто – Евгений. Хитрым образом обменяв талоны на начало очередь, он купил несколько бутылок водки и вина. Позвонив кому-то из автомата на углу дома, он срочно сказал ехать к нему, бросать эту работу и ехать! Да, сказал он, водка будет!

Впятером – пришли ещё знакомая Евгения и его друг по спортзалу – мы сидели в тесной кухне и пили невкусную водку, закусывая картошкой и соленными груздями. Люда требовала, чтобы ей наливали столько же, сколько мужчинам. Она хохотала по каждому поводу, плохо закусывала, и иногда её пробивало на слёзы. Она уходила в ванную и приходила, с истерической улыбкой и мокрыми глазами. Так обычно ведут себя люди, которым больно или они заливают горе. В конце концов, это даже заметил Евгений и на вопрос «может что-то случилось?», получил ответ от Люды:

– Наливай!

– Пьяницу в жены берёшь! Учти! – смеясь, сказал Евгений.

На это она разрыдалась и ушла на диван.

– Да что с ней?

– Девичье что-то, – ответил я.

Когда мы поехали на работу в ночную смену, Люде стало плохо, а надо было ехать от Евгения через весь город с двумя пересадками. Через полтора часа, блеванув в двух автобусах, мы добрались до проходной комбината.

– Вода есть? – спросил я у охранника.

Тот протянул кружку, выпив воды, Люде полегчало, но тут же, через минуту, её стошнило струёй, фонтан вырвался из неё дальше чем на метр. Я сбегал еще за водой, она мотала головой, цвет лица у неё был зелёный.

– Пей! Я сто раз так делал! Полегчает!

Она недоверчиво поглядела на меня и выпила ещё, через секунду её опять вырвало ещё больше прежнего. Она замахала руками, мол всё, больше не выдержу! Естественно, она сегодня не работала, лежа тюках с мешковиной. Под звук конвейера, она, то покрывалась потом, то дрожала, то её опять рвало. Я принес ей пять стаканов компота, она тут же с жадностью выпила три и уснула. Девчонки на неё только жалобно глядели.

Ранним утром мы молча ехали в трамвае со смены, у неё даже сосудик лопнул в глазу, она смотрела на меня с растре-

паннами волосами и потрескавшимися губами.

– Я хотела побыть твоей невестой, хотя бы один день, – сказала она тихим голосом. – Хотя бы понарошку. Ничего не вышло, я просто дура, я всё испортила.

Я обнял её. Она закрыла лицо руками, и что-то шептала. Приехав, она сразу поднялась к себе, и я не видел её до следующего дня...

– У нас есть полчаса до отъезда на комбинат, – сказала она, придя на следующий день ко мне в комнату. – Будем мириться?

Она была как-то строго одета, без макияжа и выглядела совсем по-особому.

– Мы же не ссорились, – начал я.

– Тааак... значит ты не хочешь! А спаивать меня у родного дядьки можно!

– Так ты сама просила полную налить...

– А ты кто? Мужик или хрен собачий? Не мог меня остановить? Или тебе на меня плевать? – она перешла на крик и подошла ближе. – Отвечай! Я с тобой разговариваю!

Надо было дать выход её эмоциям, накопившимся за эти сутки. Она вlepила мне пощёчину, скривила губы и дала ещё одну, потом схватила меня за шею и сильно поцеловала, прикусив до крови мне нижнюю губу.

–яаать! – заорал я

– Больно? А мне, думаешь не больно? – и она опять вцепилась в мою губу своим острым клыком.

Я прямо почувствовал, как он медленно входит в плоть губы. Во рту стало солёно от крови, я замычал от боли и схватил её за предплечья и сжал с силой. Люда тоже запищала, но не отпускала меня. Так мы стояли и пыхтели.

– Вот же! Опять у них!– это заставило нас отпустить друг друга, в дверях стояла Ирка, а из-под руки выглядывал её теперь уже верный спутник Лёха, они собрались на работу. Я медленно сплюнул длинную тягучую ярко-красную слюну, тоже сделала Люда, размазав по лицу мою кровь.

– Ёёёёёёё.....! – отшатнулась Ирка, дальше следовала тирада из матерных слов о невозможности смотреть на нас вместе, потому что это вредит психическому здоровью нормальных людей, не могли бы мы просто – тут последовала череда трехэтажных деепричастных оборотов обсценной лексики – как все молодые люди нашего возраста, заниматься просто«этим»! а не орать и не есть друг друга!

Мы тяжело дыша, после таких кровавых поцелуев, несговариваясь, бросились раздевать друг друга, затрещала материя, у меня отлетели пуговицы с рубахи.

– Мексиканские страсти... – покачала головой Ирка.

– Лёха! Подмени нас! Мы задержимся! – крикнул я в закрывающуюся дверь...

До конца нашей работы оставалась три дня, сегодня была зарплата. Заплатили нам вполне приличную сумму, девчонки уже давно потратили в уме все деньги на свои девичьи радости: всякую косметику, бантики и юбочки. Парни прики-

дывали – купить магнитофон, или всё же не тратить деньги? Я купил два винила – Битлов и АББА. Работать уже не хотелось, и на смене мы только дрыхли и играли в карты. Мы с Людой решили походить по магазинам и пожрать каких-нибудь сладостей с полочки. Накупив конфет, мы решили прокатиться на такси.

– Куда? – небрежно спросил водитель.

– Прямо, – так же невежливо ответили мы.

Мы сидели на заднем сиденье и целовались с шоколадной конфетой во рту, как вдруг машина резко остановилась. Впереди стоял постовой с жезлом, водитель вышел, начал показывать какие-то документы, поглядывая на нас. И тут я, положив на сиденье горсть конфет, сказал Люде:

– Выходи медленно, не торопись...

Она большими глазами посмотрела на меня, зажала рот себе рукой и вышла из машины.

– Я там... это... на заднее сиденье положил... мы приехали... – сказал я водителю, тот посмотрел на нас не добро, но милиционер что-то долго смотрел у него в документах. Мы не торопясь прошли мимо них и свернули в первую боковую тропинку с тротуара. Пройдя немного, мы побежали, смеясь и оглядываясь. Оказавшись перед кинотеатром «Луч» мы быстро побежали к кассе.

– Два! На ближайший! Последний ряд! – запыхавшись сказал я

– Десять минут как идёт, – меланхолично сказала кассир.

Я кивнул.

Шла французская комедия с Ришаром и Депардье по по-
иску своего сына. Мы пробрались на середину последнего
ряда и огляделись – народу было мало.

– Ну...ты! Ну... ты... – Люда не могла закончить. – Ну
ты... и авантюрист!

Мы не могли никак отдышаться. Потом, отдышавшись, мы
начали перешептываться о том, как на самом деле звучат
голоса главных героев, на нас зашикали немногочисленные
зрители. Мы смотрели, как сынок ради неразделённой люб-
ви громит трубой машину своих незадачливых папаш.

– Дебил! – сделала заключение Люда, и расстегнула мне
брюки.

– Ты чего?

– Думаешь, ты один способен на авантюрные поступки? –
и она аккуратно села сверху, чуть охнув.

На разборке двух папаш с сыном и его бандой в баре, мы
уже тихонько выходили через вход из кинозала с осоловеле-
ми глазами и красными лицами. Проверив, не караулит ли
нас таксист в холле, мы на цыпочках прошли мимо кассы и
удрали в парк есть мороженное.

Мы сидели под тряпочным зонтиком и ели мороженное
из металлических пиал на длинных ножках.

– Мммммм,.. – протянула Люда. – Люблю мороженное! В
детстве в Москве ела Баскин Роббинс! Вот это была вкусно-
тища! До сих пор помню!

– Нееее, самое вкусное- в вафельных стаканчиках!

– Ты Баскин Роббинс не ел!

– Это да, не ел. Название какое-то собачье!

Она звонко засмеялась.

– Ээээх... кто меня так ещё будет веселить? – и она посмотрела куда-то мимо меня.

– Расскажи, что ты прочитала интересное в последнее время, – я перевёл тему.

Она вздохнула и вернулась из своих мыслей обратно.

– Дурацкий местный журнал «Новь»! Каким дебилам разрешили его печатать?

У меня аж ложечка упала на пол.

– Не переживай, я тебе свою дам, – и продолжила. – Открываю этот журнал, эту «Новь», а там неопубликованные письма Сергея Есенина к Дункан! Ну-ка, ну-ка! Читаю – ничего не понимаю, какая-то билиберда и стихи внизу с надписью «неопубликованные». Так... ага... Моя ты девочка, Дункан. Твоё гнездо, как мой стакан! Я аж офигела! Когда это Есенин такое писал? И что за гнездо такое? И подпись, как сейчас помню, эту дебильную: «сархивами работал Ося Б.». Я потом всё-таки взяла для зачета несколько неопубликованных писем. Сдала, кстати. Поним даже половина девчонок курсовые написали. Вроде сдали все. Но журнал, конечно, дурацкий, хоть и местный.

– А ты знаешь, – заговорщицким голосом спросил я. – Кто это – Ося Бэ.?

– Нет, конечно! Кто?

– Ну, угадай.

– И как я это, интересно, сделаю? – она уже доедала мороженное, как вдруг она подпрыгнула, вазочка с остатками мороженого полетела на пол, она привстала, пластиковый стул упал. – Тыыыы? Ося Бэээ – это ты? Ты пишешь в этот дебильный журнал?

Я кивнул, она залилась смехом, согнулась пополам и облокотилась на стол.

– погоди, погоди, – проговорила она сквозь смех и кашель. – Сейчас... Ося Бэ... это... это... Остап Бендер?

– Да.

Она просто билась в истерике, на нас смотрели все посетители кафе, к нам подошел официант.

– Девушке плохо? – спросил он учтиво.

– Девушке хорошо, – сказал я. – Если бы всем было так хорошо, на Земле был бы вечный карнавал, как в Рио-де-Жанейро.

Официант посмотрел на нас и скривился.

– Приятного аппетита, – сказал он сквозь зубы и ушел.

Люда поставила стул, села на него, а сама легла на стол.

– Не смей меня больше... у меня уже живот болит... – простонала она. – А стихи про гнездо, сам сочинял?

– Сам, за пять минут.

– Зачем ты это пишешь? Про гнездо... Ой! Я не могу больше!

– Там платили нормально...

– Ты ... пошли домой, Ося Бэ...

– Мой любимый книжный герой.

– Такой же авантюрист и мошенник, как ты...

Мы уезжали домой.

Нас ждал автобус. Багажа прибавилось, особенно у девочек, они целый день ходили по торговым центрам и набрали всяких дорогих тряпок. На перроне было как-то грустно, причем всем. Для нас закончилась целая эпоха, как Ренессанса или Просвещение, мы были перерождены и чему-то научены за этот месяц. Наш вагон был плацкартный, и нам даже выдали постельное бельё – забота комбината. Но от такого комфорта веселей не стало, все молча разлеглись по полкам и уставились в окна. Каждый с кем-то расставался, каждый к чем-то прощался.

Лёха купил нарды и ходил по вагону с предложением сыграть. Правил толком никто не знал, и все отказались, кроме Генки. Мы ехали уже час, и я из своего первого купе пошел в последнее, где была Люда с подругами.

– Пойду, поговорю, – сказал я своим соседям по купе.

Она лежала на нижней полке лицом в подушку, рядом с ней сидела Ирка и что-то говорила ей на ухо. Увидев меня, Ирка грубо воскликнула:

– О! Туды-растуды твою налево! – материться она умела и, видимо очень любила. – Явился!

Люда вся напряглась и что пробормотала в подушку.

– Уходи, – просто сказала Ирка.

Я положил на Людину полку погнутую фляжку с одного бока – привет от хулигана – и, глубоко вздохнув, ушел.

– Дышит он! – зло кричала Ирка на весь вагон. – Дома дышать будешь!

И дальше указала мне всем известное направление, по которому мне нужно идти, и прихватить с собой друга Лёху. Хорошие всё-таки подруги у Люды! Не оставят в трудную минуту!

– Поговорил? – спросили меня.

– Послушал.

– Тоже нормально.

Я залез на полку и достал Джека Лондона. Человек хотел жить и уползал от волка, волк тоже хотел жить и догонял человека. Человек потерял нож, а у волка были клыки. Борьба была не равная. Человек полз...

– Физмат опять читает «короля пиратов», – налице у Люды был яркий макияж: глаза густо подведены, векинакрашены, ярко-алые губы, скулы были вычерчены, я никогда такой её не видел. Я повернулся набок, подложил руку под голову и смотрел, как она листает книгу.

... Не видать конца и края –

Только синь сосёт глаза... – процитировал я великого поэта.

Она хмыкнула, достала фляжку с гнутым боком.

– Вы с Есениным оба пьяницы и обаятельные мерзавцы.

Она побултыхала фляжкой.

– Полная?– спросил я

Она кивнула.

– Купила пятизвездочный коньяк.

– Зайдёшь ко мне? А то у тебя подруга меня чуть не съела.

Она шустро залезла ко мне на полку.

– Здесь всё началось?– спросила она

– Здесь.

– Ты слишком задрал планку для моих следующих пассий, – сказала она и отвинтила крышку у фляжки.

– На Земле миллиарды людей, а в институте две тысячи парней, неужто ты не найдёшь лучше меня?

– Ты просто дурак! Мне не надо лучше! – она отхлебнула, потом ещё и даже не поморщившись и не спросив про закуску, проглотила.

– Зачем ты берёшь меня за образец? Я ленивый!

– Все ленивые, – она передала мне фляжку и я отхлебнул, коньяк был отличный.

– Я трусливый, – и передал ей флягу.

– Все трусливые, просто некоторые борются со страхами и преодолевают их, – она многозначительно постучала по вмятине на фляжке, сделала глоток и вернула.

– Я мало сделал тебе комплиментов, – сделав глоток, я вернул фляжку.

– Ну вот это уже враньё! – она привстала на локоть и посмотрела мне в глаза, отхлебнула из фляги и продолжила. –

Ты не сделал мне ни одного комплимента!

Мы, уже захмелев, разразились гомерическим хохотом на весь вагон. Я заметил, как на нас внимательно смотрит Генка за боковым столиком, играющий в нарды с Лёхой. Он раздосадовано бросил кубики, послал Лёху, и залез к себе на полку отвернувшись к стенке с какой-то вселенской тоской, которая от него чувствовалась на расстоянии. Мы с Людой продолжали пить и ржать, гоня мысль, что это наши последние шесть часов вместе. Она показывала мне так и не прошедшие синяки на руках, а я ей выпячивал прокусанную ей губу. Мы опять прикладывались к фляжке и смеялись без повода. А потом она закрыла глаза и запела громким чистым голосом на весь вагон:

Ты мне прости этот детский каприз!

Ты мне прости и как прежде вернись!

Я так люблю тебя, жизнь без тебя мне не жизнь...!

Внизу зашмыгали носами девчонки.

Уже на перроне она не сдержалась: обхватив мою шею руками, зарыдала, я не знал, что делать, я никогда не успокаивал женщин, я стоял и просто держал её за талию. Мимо нас проходили наши товарищи и старались нас не замечать.

– Люда! – слышался мужской голос, она оторвала от моего плеча зареванное лицо.

– Родители, – тихо сказала она, взяла свои вещи и пошла к белой машине, около которой стоял высокий седой мужчина и стройная женщина. Мужчина обнял её, видимо начал что-

то спрашивать, но она только махнула рукой и отдала ему фляжку. Он повертел её в руках и рассмеялся. Я сидел на своём рюкзаке и смотрел, как она садится в машину, как её лицо видно в заднем стекле, и как она уезжает за поворот. Ну а мне надо было ехать совсем в другую сторону, да ещё и на автобусе...

...Первого сентября в институте это всегда сумасшествие. Никто не идёт на лекции – все встречаются около главного входа первого корпуса.

Прохладно. Зелено. Людно. С утра уже народ успел набраться и некоторые еле стояли на ногах. Нам выпала судьби-нушка три недели провести на сборе урожая лука, через десять дней был выезд. Мы уже придумали как сделать складной самогонный аппарат, потому как рядом с луковыми полями был склад патоки, а уж ставить брагу мы умели. Пока мы яростно обсуждали какой змеевик лучше брать – медный или латунный, и спорили про теплопроводность и устойчивость к агрессивной среде – а в этом деле должен был быть только научный подход, ко мне подошла Ирка. Она вроде даже похудела

– Ну что, привет, щучёнок, – она обратилась в её излюбленной грубой манере. – Выйди к первой лавочке.

Парни заткнулись, глядя на эту бой-бабу.

– А ты похорошела за лето, похудела и расцвела, прямо красавицей стала, – сказал я ей в ответ.

Она убрала надменную гримасу, удивленно вскинула бро-

ви, и невольно спросила

– Seriously?

– Конечно! Спроси любого! – показал на своих одноклассников, те в ответ задакали и закивали головами.

– Нууу.... Спасибо...– она заулыбалась.– Но ты всё равно иди.

Я пошел, а Ирка осталась крутиться перед нашими парнями.

– Ну, чего, пацаны, как я вам? – она совершенно не смущалась.

Я её не узнал. Люду. Она подстриглась. Длинных волос по пояс не осталось, появилась короткая стрижка. Она стояла возле лавочки одна и курила. Увидев меня, она дернулась было в мою сторону всем телом, но тут же остановилась. Я подошел и обнял её, она сухо ответила. Ковалентная связь не образовалась.

– В колхоз едешь? – спросила она.

– Ну да, лук собирать...

– Тогда я не поеду...

– А чего так? Будет весело!

– Кому? – она потушила сигарету о лавочку

Помолчали.

– А скажи, мы с тобой классно позажигали!– она весело рассмеялась.

– Да уж, будет, что внукам рассказать.

– Спасибо тебе, – уже искренно сказала она.

– Без тебя бы это все гоне случилось.

– Какой же ты всё таки сукин сын! Как ты всё это придумываешь? Только не говори, что всё лежит на поверхности и нужно только взять.

– Так и есть!

Мы рассмеялись и обнялись. Крепко.

– Я бы не хотел расставаться друзьями, – сказал я.

– Я тоже. Ну какие мы после всего пережитого друзья? Мы просто, расстаемся, так?

– Так. Расстаемся, может, даже насовсем.

– Насовсем. Это точно.

– Прощай, Ося Бэ...

– Прощай, взгляд в бесконечность...

Её глаза наполнились влагой и она пошла к своему корпусу. Походка у неё была такой же, когда я её увидел в парке, в красном коротком платье. Она раскинула руки в стороны, подняла голову и, качая бёдрами, громко запела:

Ты мне прости этот детский каприз!

Ты мне прости и как прежде вернись!

Я так люблю тебя, жизнь без тебя мне не жизнь...

P.S. У нашего поколения не было отношений, мы просто любили, пусть недолго, но зато по-настоящему.

В истории, произошедшей в 1990 г. в городе Красноярске, за месяц описываемых событий, пострадали все.

Все имена героев изменены, кроме Лёхи.

Секретный рассказ

Лейтенант взбежал по лестнице и позвонил в дверь.

– Здравия желаю! Лейтенант Зарубко! Пакет для майора Неверова! Андрея Павловича! Лично в руки!

– Вольно, и не надо так кричать, лейтенант, проходи,– жена майора пропустила порученца.

– Вырабатываю командный голос!

– Ой, да я тебя умоляю, лейтенант Зарубко, пусть твои сержанты орут, что ж ты как койот глотку надрываешь?

– Голос! Вырабатываю командный голос!

– Тебя как звать, лейтенант?

– Лейтенант Зарубко!

– Смирно! Хватит тут мне орать! Имя – отчество! Быстро! – жена майора выкатила на него свои и без того большие глаза

– Вася... Василий Петрович..., – лейтенант быстро утратил командный голос и прижал опечатанный портфель с секретными документами к груди.

– Тут тебе не казарма! Вася...

Лейтенант окинул взглядом казенную квартиру – да, действительно, казармой и не пахло. Стоял запах дома, приятный дух свежей пищи и, он осторожно потянул носом, да,

точно, котлетами.

– Ангелина Романовна, – сменила она тон и протянула руку, – поди, жрать хочешь? Садись за стол.

– Никак нет, – и сел на табурет в коридоре, – мне бы майора.

– Да зачем тебе майор? Давно ты котлеты домашние ел, Вася Зарубко?

Лейтенант наклонил голову, вздохнул.

– Давно... Очень...

– Поди у мамки еще..

– Ага..., – лейтенант вздохнул еще глубже.

Ангелина Романовна ушла на кухню, пока она гремела посудой, лейтенант рассуждал о плюсах женатой жизни.

– Шагооом арш! Руки мыть! – вот уж был у кого командный голос, подумал лейтенант. Съев по две порции борща и котлет, лейтенант чувствовал небольшую эйфорию, усталость и то ощущение, что уже пора валить. А секретные документы он и завтра отдаст.

Анжела открыла окно, вечерний майский ветер наполнил квартиру.

– Спасибо, Ангелина Романовна, очень вкусно, а главное... много...

– Да просто, Анжела, лейтенант. Давай мы с тобой сейчас по сто пятьдесят!

– Никак не могу, Анжела Романовна, у меня служба.

– Эх! Молодой ты ещё!

На столе уже оказались две стопки и графин с домашним вином.

– Ну, лейтенант, за твои звезды на погоны!

Вино оказалось такое вкусно, что лейтенант невольно удивился

– Ого! А это что?

– Это для вас тут ссылка и тайга, а для меня радость, какой никто не видит! Вы тут как сумасшедшие бегаєте около своих ракет, да от пыли их протираете, а я в тайге как дома – выйду за ягодкой, за грибочками, а потом наливочку поставлю. Ну, ещё по одной!

От наливочки лейтенант захмелел.

– Анжела Романовна, а хотите секретные документы почитаем?

– Да Боже избавь вашу дрянь читать! «Записки сумасшедшего» и то интереснее.

– А вот и неправда, в этом портфельчике не «Записки сумасшедшего» Гоголя, а «Записки охотника» Тургенева!

И рассмеялся своей шутке.

– Хорошо шутишь, почему ещё в лейтенантах всё ходишь? Вроде грамотный малый.

Лейтенант помрачнел, улыбка сошла, голова опустилась ниже плеч, лицо покраснело.

– Понимаете, Анжела, – лейтенант давно хотел выговорится, но было некому: сослуживцы не поймут, ни подруги ни жены у него не было.

– Понимаете, Анжела, я уже подавал три раза рапорт, чтобы уйти с этих «почтарей», с этих разносчиков секретных писем, перейти на управление! У меня ведь специальность! Я ракетчик! А письма разносить и дурачок сможет! Но этот Нечипоренко... мой начспецсвязи... ему я очень подхожу – я исполнительный, не пьющий... почти, не конфликтный, и он мои рапорты заворачивает, пишет на них резолюцию – «не согласен», или ещё какую- ни будь гадость... Как же мне надоело! Я ведь специалист!

Помолчали.

– Знаешь ты кто, лейтенант?

– Знаю, неудачник, который к пенсии еле-еле капитаном станет.

– Хочешь чтобы у тебя всё поменялось?

– Конечно!

Анжела вышла и принесла тонкую книгу

– Наливай по одной, сейчас ты станешь другим человеком.

Зарубко наполнил наливочкой рюмки:

– Ну, лейтенант, за тебя!

Лейтенант закрыл глаза и втянул воздух, нет, новым он не стал.

– Слушай, – Анжела полистала книгу:

« – ...Нет ли, Мальчиш, у Красной Армии военного секрета? Пусть он расскажет секрет... Есть, – говорит он, – и могучий секрет у крепкой Красной Армии. И когда б вы ни

напали, не будет вам победы... А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться...»

– Понимаешь, Вася, ты – Кибальчиш, ты хранишь секреты, относись к этому по другому, – с душой в голосе произнесла Анжела, тот сидел с белым лицом.

– Так... я... Мальчиш-Кибальчиш... военные секреты... буржуины проклятые... никому не дам...

Он прижал к груди опломбированный портфель с секретными документами. Медленно встал, отдал честь, сказав при этом «спасибо, Анжела дорогая», громко икнул и вышел.

Через две недели в дверь к майору Неверову позвонил капитан Мочалов, Анжела, открыв двери, тут же закрыла их.

– Нету дома! – сказала она, этого пьяницу – капитана, терпеть не могла, а тут домой пришёл! Ну и наглец!

– Анжела! Я к тебе! Я знаю, что Андрея нет.

Даже через дверь пахло перегаром и несвежей закуской.

– А денег не займу! Людке всё расскажу!

– Анжелочка! Так это она меня и отправила...

Анжела приоткрыла дверь:

– Чего? Тебя? Людка? Ко мне?

– Анжелочка! Пусти, разговор есть!

– Если что – сразу в глаз, и за порог, ты понял?

– Вот об этом и поговорить пришёл, Анжелочка...

И Мочалов протиснулся в квартиру.

– Слушай, Анжелочка, мне тут птичка на хвосте донесла, что ты сказала волшебные слова нашему лейтенанту, так он теперь волшебным образом стал начспецсвязи и получил внеочередное. Сам так и говорит – это Ангелина Романовна мне нагадала, назвала мне волшебные слова. Не могла бы и ты мне волшебное слово сказать, а то Людка пилит – не могу! Да и засиделся я в капитанах...

– Волшебным! Волшебным! Заладил! Ты в сказку попал, что ли! Людка пилит, потому что ты водку жрёшь, как слон! И дома пожрать – одни консервы! Твоя Людка в бушлатах ходит вместо пальто!

– Дык то-то и оно что бушлаты ей надоели, а она хочет шубку из лисичек и норок.

– Ну вот! Купи!

– Дык не хватает...

– Пропиваешь... чудила...

– Анжелочка, заговори меня по волшебной книжке, как Зарубко, я тоже человеком хочу быть, настоящим офицером...

– И ты, боец, офицер, веришь в эту чушь?

– Я во всё верю, кроме жизни после увольнения.

– Да не заговаривала я никого... так... посидели... поговорили...

– Нееее... он сказал, ты ему что-то сказала из волшебной книжки и он ушел как пьяный, ничего не помнит, зато на следующий день как новый стал и давай действовать... уже

интересовались из штаба Армии, что за приткий литёха такой, не забрать бы туда. И это всё после тебя.

– Да что за ерунда! Волшебство... Посидели, наливочки выпили...

– Не-не, мне Людка запретила пить, домой не пустит... Зарубко сказал заговорила ты его...

– Ладно, вижу, не отвяжешься.

– Не, не отвяжусь, – и довольный капитан сел, закинув ногу на ногу.

Анжела достала графин с бордовой тягучей жидкостью

– Точно или точно?

– А! Давай! Половинку! – махнул рукой капитан

Анжела и капитан чокнулись.

– За твою новую жизнь, капитан!

– Давай, знахарка, будь здорова!

Анжела ушла ненадолго и вернулась с большой, но тонкой книжкой. Глядя на капитана, она пролистала страницы:

– Наливай полную, сейчас я тебя заговорю, – усмехнулась она. Капитан суетливо и быстренько налил, выпил не дожидаясь собеседницы. Медленно выпив Анжела поставила рюмку и начала медленно и с выражением читать, капитан весь съёжился и наклонился к ней.

«... – Что ты делаешь? – спросил Маленький принц. – Пью, – мрачно ответил пьяница. – Зачем? – Чтобы забыть. – О чем забыть? – спросил Маленький принц, ему стало жаль пьяницу. – Хочу забыть, что мне совестно... – Отчего же

тебе совестно?– спросил Маленький принц... – Совестно пить! – объяснил Пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова...»

Анжела громко захлопнула книгу и ушла, капитан сидел, смущенно прищурившись, и смотрел в окно. Потом, вставая, он в никуда и никому сказал:

– Меня так даже комполка не драл.

Не попрощавшись он вышел, не закрыв двери...

Плачущая Людочка Мочалова звонила в дверь Неверовым в конце июня. Ангелина Романовна встретила жену капитана со словами:

– Тыжмааать! Неужто Васька в шахту ракетную упал по пьяни?

– Ой, да не! – и кинулась ей на шею, целуя и обнимая. – Анжелочка! Ой, спасибо тебе дорогая! Это всё ты! Всё ты!

– Да что такое? – она в замешательстве отступила, пропуская Людочку в квартиру.

– Ой, дай отдышаться..., – она села, вытерла слёзы, затем опять расплакалась и кинулась на шею Анжеле. Та поняла, что надо дать выйти чувствам, постояли обнявшись. Анжела не выдержала пауза:

– Людка! Говори! Я тебе почти полгода не видела, а тут прибегаешь и рыдаешь!

– Да это всё Васька! Это всё благодаря твоим заговорам...

– Тааааак... начались предисловия... Всё! Иди домой! Рассказывать ты не будешь, я так понимаю!

– Всё-всё! Просто я ещё отойти не могу от этих новостей... Вот представляешь, Васька от тебя пришел злой, как наш комполка, а это злее черта. Матерится... сломал два стула, и тумбочку. Пьянь, говорит, я, в книжке про это написано, ну и ещё какую-то чепуху нес, мол, не принц я, а дрянь просто. Потом лег спать на пол, на шинель, да проспал сутки, благо выходной, а потом он целый день парился. Но я то знаю, что всё это дурь из него выходит, это так ты из него своими заговорами выгоняешь.

– Да ничего я не выгоняю...

– Ой, да ладно! А на следующий день ему из штаба – так и так, ваше представление одобрено, беги погони покупай, майор! Представляешь! Два года эти документы где-то волындались – а тут рррраз! Нашлись! А ещё через неделю ему говорят – пиши рапорт, на службу в ракетное училище, переводись в Ярославль, по матчасти. Представляешь? Это же и квартира лучше и нет ночных дежурств, и центр!

– Ну не знаю... мне и здесь, в тайге хорошо...

– Ой, Анжелка! Спасибо тебе! Ждем тебя в гости!

Людочка стесняясь достала небольшую пачку денег.

– Вот... возьми... это за Ваську...

– За Ваську... как будто я тебе кота продала... не надо мне... – и усмехнувшись уже в дверях добавила. – А то дар пропадёт...

Людочка неопределённо хмыкнула и пошла по лестнице, внизу её ждал майор в новом кителе...

Замначальника части как и полагается подъехал на служебной машине, адъютант открыл ему двери и взял большой букет и корзинку полную всяких деликатесов. Поднялись.

– Ну, как я выгляжу? – спросил полковник своего адъютанта.

– Как на парад!

Полковник и правда был при полном параде: боевые награды блестели, звезды на погонах золотились, на золото пуговиц вообще смотреть было нельзя – Солнце да и только! Позвонили в дверь.

– Ангелина Романовна!

Анжела открыла двери и охнула:

– Макар Сергеевич... Вы...

– Это вам, – и вручил ей букет цветов и корзинку, где были копчености, солености, икра и другие деликатесы даже для гражданки.

– Я ведь к вам, Ангелина Романовна по личному делу, капитан, жди в машине! – и адъютант, отдав честь, исчез.

– Да какое может быть у вас ко мне дело..., – принимаюясь и разглядывая продукты, говорила Анжела. – Мммм... ну, что тогда давайте чай?

– Нет, нет, нет... это вот вам всё. И цветы и вот это, – полковник взял корзинку и прошел на кухню. Сел около стола и задумчиво посмотрел на Анжелу. Его не раз посылали на боевое задание – то от сомалийских пиратов судно очистить,

то от обкуренных террористов освободить корреспондентов, (хотя он не стал бы этого делать, потому как им было сказано – не шариться по закоулкам Албании и не орать про права человека), то незадачливых туристов спасти от вечной камбоджийской тюрьмы, (хотя и этих он не стал бы спасать, потому как было сказано – не везите, наркоту с собой, твари). И везде у него был план. Но вот сейчас он пришел, и у него нет ни плана, ни схемы... да, он не знал, как начать и чем всё это закончиться.

– Ангелина Романовна, а давайте вашего супруга в звании повысим? В штаб возьмем, хватит ему уже на морозе-то...

– Что-то я вас начинаю бояться, Макар Сергеевич, такие подарки... и звание... чем обязана такой щедрости?

– Да какая щедрость... Прошу вас помочь мне, да и только... Ну... Ангелина Романовна... что вы так ... я, может в отцы вам и не гожусь, но на десять лет то уж точно старше...

– На двенадцать... у нас в библиотеке ваша карточка есть, ну и там год соответственно...

– Да что вы? А я там книжку никакую не должен?

– Нет... у вас она пустая... вы не были там ни разу...

– Ах, точно!

– Ну, так что вы от меня хотите?

Полковник помялся, вздохнул:

– Ангелина Романовна, я хочу, чтобы это всё осталось между нами, как между старыми друзьями.

– А мы – старые друзья?

– Пока не выпили – нет.

– Так и что?

– Наливайте вашу волшебную наливку из смородины.

– Она из дикой ежевики.

– Не суть.

И позвякивая медалями, он достал из внутреннего кармана два раскладных стакана.

– Или необходимо из хрустальных?

– Не суть, – в тон ему ответила Анжела.

Полковник улыбнулся:

– Ну, за вас!

– Нет, за ваши тайны, полковник.

– Ух ты! Какая вещь! А то мы всё – водка, водка! А тут – благородный напиток!

Анжела начала доставать из корзинки копчености.

– Нет-нет! Это только вам! Наливайте ещё и я насмелюсь окончательно с вами поговорить.

Полковник повернул голову и занюхал золотым погоном.

– Ангелина Романовна, тут такие слухи ходят по части, что вы то ли завораживаете, то ли зачаровываете, то ли гадаете на волшебной книжке, которая вам в наследство досталась. Может и мне погадаете?

– Даже такое? Волшебная книжка? В наследство? Ну... нет слов...

Анжела только развела руки в стороны.

– Ну, Ангелина Романовна, – укоризненно сказал Макар

Сергеевич. – Не надо. Просто так говорить не будут. Вот, я знаю, кто у вас был, у них заветные желания исполнялись. Я вас тоже хочу попросить, исполнить одно моё желание. И я уйду.

– Да это само у них получилось, Макар Сергеевич, я особо ничего и не делала, так, успокоила, почитала немного...

– Вот! И мне много не надо! Почитайте только!

Анжела допила вино и спросила:

– И что же вы хотите?

– Вот, тут и начинается самое трудное, Ангелина Романовна... Вот скажите, у вас любовник когда-нибудь был?

Анжела резко встала и, растягивая слоги, произнесла:

– Макар Сергеевич! Паааапрааашу выйти!

И указала пальцем на дверь.

– Да погодите вы. Я ж к вам как к старому другу пришел. Всё, давай на «ты».

– Да какие мы друзья?

– Ну... уже по две выпили... точно друзья... старые.

Анжела опустила руку, но не садилась.

– Такие вопросы дамам не задают!

– Извини, Ангелина Романовна, не знал, как начать.

– Ну, уж начните, как ни будь, – сказала Анжела, всё еще с нотками возмущения в голосе.

– В общем, есть у меня подруга... неважно кто...

– А как же супруга? – Анжела добавила металла в голос,

заступаясь за всех жен.

– Супруга – это навсегда, а подруга – это так, баловство, ты ж знаешь: седина в бороду – бес в ребро. Ну, вот, всё сошлось.

Кучерявые волосы с проседью были действительно красивы. Да, подумала, Анжела, уж кому-кому, а этому форма точно идёт, красивый, подлец, и медали боевые, не юбилейные. Но заступаясь за супружеские отношения без походов «налево», всё равно сказала:

– Ну, всё у тебя есть, чего ты от меня хочешь?

– Помоги мне быть сильным... в смысле как мужчина... ну чтобы и на жену хватало и на подругу... ну, как женщина понимаешь меня?

– Да уж не дура. Была бы моя воля, я бы сделала, что бы ты вообще ничего нигде не мог!

– Эээээээ! Ты это брось! Лучше я тогда уйду. Я к тебе с открытой душой, а ты мне как змея плюёшь туда ядом!

– Тааак! Я ещё и змея! Сам потаскушничает, а я дура!

– Да Анжелочка, погоди...

– Ага! Уже и Анжелочка!

Разговор перешел на крик, но тут оба замолчали.

– Извини, Ангелина Романовна, видимо я не по адресу, давай забудем этот разговор, а цветы – в помойку, раз такое дело.

– Ну, вот ещё! Мне что, каждый день, что ли дарят букеты? Раз в год и то хорошо, а тут такой! Где взяли-то?

– Я пойду, и забудем всё.

Полковник развернулся, пригладил свою короткую курчавую стрижку, одёрнул китель, и уже в дверях услышал:

– « ...он носил длинные волосы, служившие источником его необычайной силы...».

Макар Сергеевич повернулся:

– Что?

– Ваша фамилия ведь...

– Самсонов...

Анжела прикрыла рот рукой скрывая улыбку и захлопнула толстую книгу:

– Ну, вот, всё...

– Это... всё?

– Мне ... что...надо не стричься?

– Видимо, да.

– Ну... это вот и всё? – ещё раз спросил полковник.

– Да, да.

– И я пошёл?

– Конечно.

– И у меня...

– До свидания! – перебила его Анжела.

Полковник, теребя короткие с проседью волосы, в задумчивости спустился к своей машине...

Генерал Дивин кормил блохастого пса со стола деликатесами у себя в кабинете.

– Давай, ешь, худоба, – пёс был и вправду худой и бес-

породный. Генерал подобрал его неделю назад, когда был в командировке. Тот сидел на люке теплотрассы и дрожал от холода, морозы были ещё не трескучие, но холодные туманы пробирали до костей. Кортёж из трех джипов остановился посреди улицы, генерал вышел из машины, взял пса и завернул в генеральскую зимнюю куртку. Пёс был грязный и мокрый, ухо было в крови. Люди останавливались, удивленно смотрели, как военный берет псину, которая тут живет уже не один год, с собой.

– Наш, боевой, сейчас поставим тебя на довольствие и определим место службы, – довольный сказал Дивин. И кортеж рванул в часть, разгоняя снег из под колёс. В части, машина с генералом и новым военнообязанным – псом, остановилась около медчасти. Генерал вынес пса в куртке. Адъютант генерала быстро открыл двери и они зашли в тёплое и светлое помещение. Через секунду перед начальником части стояли дежурный врач и медсестра.

– Алексей Михайлович? Что-то случилось? – спрашивал торопливо врач, пытаясь сообразить, что за собачьи ноги торчат из куртки

– Вот тебе новый боец! Имени пока нет, фамилии тоже. Помыть, накормить, поставить уколы, ухо зашить! – и с этими словами генерал положил на пол пса, того развезло от тепла, но всякий случай он громко гавкнул, давая понять, что будет кусаться. Потом зевнул, закрыл глаза и лёг.

– Ну! Вот! – сказал генерал. – Очень хороший пёс! Завтра

зайду. Майор, – он обратился к адъютанту. – Куртку мою привести в порядок. Мокрой псиной воняет!

– Есть не вонять мокрой псиной!

Так появился у генерала ещё один боец по кличке Тополь, в честь баллистических ракет, стоящих на вооружении в части...

– Давай, давай, – и Дивин дал псу кусок хлеба с маслом. Всё это время, как Тополь попал в военную часть, он только и делал что ел и спал. А спал он теперь в тепле, на старом солдатском бушлате, под портретом министра в кабинете генерала. Походит, походит кругами да завалится, приоткроет один глаз – обстановка нормальная, Министр смотрит сурово со стенки, можно дрыхнуть. За это время пёс ещё не успел поправиться как надо – ребра торчали, да и порванное ухо висело, но блеск в глазах уже появился, а главное – ежедневное питание и сон в тепле, чего у пса не было вообще никогда зимой.

– Ну, что поехали в гости? Сегодня майор Неверов новое звание получил, вернее подполковник Неверов, я ему подарок приготовил, – генерал показал псу толстый опечатанный конверт. – Адъютант!

Майор появился на пороге кабинета.

– К Неверову.

– Есть!

– И захвати подарки.

Военная часть была большая, и хотя дойти до квартиры

теперь уже подполковника можно было быстро, генерал не хотел морозить пса. Поехали с комфортом. Поднялись, генерал – в одной руке – цветы, в другой на поводке – Тополь, позади майор – с коробкой. Дверь открыла раскрасневшаяся и запыхавшаяся Анжела. Пёс принялся, поводит носом – ого! Пахнет вкусно, как у генерала и даже лучше! Он громко гавкнул.

– Ай! – испугалась Анжела и отпрянула назад.

– Ты что? – генерал дёрнул поводок. – Не позорь меня! А то поедешь на бушлат ночевать! Извините, Анжела, за этого беспризорника, это вам.

Он протянул ей букет.

– Проходите, товарищ генерал! Начали без вас.

– Да ничего... дела...

Она ловко взяла его одежду и погрозила пальцем псу, тот пройдя в коридор тут же улёгся, положил голову на лапы и закрыл глаза.

– Ну, вот, милый же пёсик.

– Ага, – сказал генерал. – Когда нажрется и уснёт.

Дивин и адъютант с коробкой прошли в гостиную, откуда слышались смех и голоса.

– Смирно! – послышался командный голос, было слышно как все встали.

– Вольно, – сказал Дивин. – Поздравляю, подполковник!

– Спасибо!

– Товарищу генералу полную!

Генерал честно пригубил, но больше пить не стал, вынул из внутреннего кармана опечатанное письмо:

– Это тебе, Неверов, мой подарок к твоей звездочке. Направление в Академию генштаба. Весной поедешь.

– Служу России!

– Ну ладно, товарищи, вы тут оставайтесь, а мне надо с Ангелиной Романовной поговорить.

Они ушли на кухню и закрыли дверь.

Кампания офицеров и их жен продолжала поздравлять подполковника.

– Ангелина Романовна, мне известно, что у вас есть книга заветная, и я в это хоть и не верю, но гляжу, как мои некоторые офицеры чуть уже не в очередь к вам выстраиваются, чтобы узнать своё будущее. А Самсонова я когда увидел, застрелить хотел – борода, усы! Мачо из прерий! Ковбой! Красавец из рекламы Мальборо! Но у нас здесь часть! Военная! А он мне – уволюсь и уеду в место силы! Что за «место силы»? И жена его приходила – говорит жить с ней отказывается, переехал в отдельную квартиру, она думала он там с любовницей, а он после дежурства в спортзале железо тягает, да грушу колотит. К нему в спарринг уже никто не встаёт – всех кладёт. Я ему говорю – ты что это с женой творишь, подлец? А он мне – всё, понял своё предназначение, говорит, теперь я принадлежу силам природы. Сектант, что ли? Нет, говорит, духовно расту – и двести пятьдесят жмет от груди... И это в его возрасте! Нет... Застрелю я его посреди плаца на

глазах у всех! А этот, учитель, нет, ну как он в Ярославль-то попал? Как я ему подписал назначение? Спросонья что ли? Про начспецсвязи я вообще не говорю... Такого порядка там никогда не было, правда у него с дисциплиной какой-то бзик: все ходят по линеечке... он, кстати, тоже у тебя был... Так что не обессудь, Ангелина Романовна, давай... и я жду.

– Чего? – шёпотом спросила она.

– Какое меня ждёт будущее. Говори, не стесняйся, я ко всякому готов. Только в сектанты к Самсонову меня не записывай.

Анжела вздохнула. Генерал посмотрел её внимательно, как бы говоря – не надо мне врать, говори как есть.

– Наливочки надо выпить...

– Ну, если для дела, – Дивин налил две рюмки, встал. – Ну! За РСН! После нас только тишина!

Анжела вернулась с книгой, которая умещалась на ладошке.

– Это что?

– То самое...

– Ну давай...

– «... благодарность – это болезнь собак, которая не передаётся человеку...»

Генерал вытер ладонью рот, нахмурился, склонил голову, как бы прислушиваясь. Постоял молча, молча оделся, вышел, взяв поводок, пёс последовал за ним...

В Доме офицеров был большой праздник по случаю 9

Мая. Не было только начальника части – уехал в Москву, на Парад. Капитан Зарубко появился в дверях с желтым пакетом в руках и подошел к полковнику Самсонову, временно исполняющему обязанности начальника части.

– Лично! В руки! – громко сказал капитан, голос у него уже был поставлен.

– Капитан! Садись с нами! Ты ещё свои звезды не обмыл! Как так быстро капитаном стал?

– Дисциплина и показатели! – серьёзно ответил Зарубко, все засмеялись и стали тащить его за стол

«Остаюсь в Москве еще на неделю. Исполнение обязанностей продлено» – прочитал Самсонов.

– Ясно, капитан, – и вернул пакет Зарубко. – Может с нами?

– Никак нет!

– Ну, давай, неси службу...

Через неделю Самсонову принесли такой же пакет, через неделю ещё один, и ещё через неделю с таким же содержанием.

И вот, в начале лета машины выехали встречать генерала на военный аэродром.

Старшие офицеры приветствовали своего начальника. Генерал приехал не один, с ним была женщина лет сорока.

– Разрешите представить – санинструктор Анна Ивановна Сидоренко, – на погонах были сержантские лычки. – Завтра прошу всех к нам, на свадьбу. Долго же я её искал, больше

двадцати лет.

Под челкой у санинструктора проступал шрам через весь лоб, и ветер, раздувая челку, обострял на нем внимание, она встряхивала головой и приглаживала волосы, как бы извиняясь.

– Осколочный. Ещё в первую кавказскую, – пояснил Дивин. – Ну, пойдём, с Тополем познакомлю.

В Доме офицеров на следующий день не было ни выкупа невесты, ни кидание букета, ни других свадебных обычаев. Всё было по военному. Генерал взял слово:

– Я хочу рассказать вам, что же всё-таки случилось, и почему я, которому скоро шестьдесят, женюсь на этой прекрасной женщине! Давно, будучи на первой кавказской, оказались мы отрезаны от своих. Кругом горы, патронов на перечёт, людей тоже, из – техники только БМП без гусениц – стреляет, но не двигается. Рация утрачена. И вот, наш батальон, бойцов триста, сидит и ждёт подмоги. Продуктов на неделю. Едим только холодное, костры не разводим. А уже октябрь, в горах октябрь ночью – это такая сырость! Бойцы просто заболеть начинают. А бойцы-то! Никто толком оружия не держал! Мы, офицеры, ладно обстрелянные, а эти! Ох и злой тогда я был! Видимо эта злость и помогла мне выжить. Ждем трое суток, пять, ну не может быть, чтобы про нас забыли! Тут среди нас еще три девчонки молодые – санинструкторы. Страшно представить, что с ними сделают, если они в плен попадут! И вы представляете, они все-

гда с собой по две гранаты носили, зачем две, спрашиваю, одну кину, на второй подорвусь, а в плен не сдамся! Вот какие отчаянные девчонки были! И это в двадцать с небольшим лет! Наконец, решили мы бойца с офицером в разведку отправить, да разузнать, почему нас не забирают или помощи не присылают. С одной стороны у нас обрыв – не пройти, с другой – так плотно «чехи» сидят, что никто живым не пройдёт. С третьей стороны – горы, вот туда мы и отправили разведчиков. Вернулись они только через трое суток. Ну, а пока они ходили, тут-то у нас и с Анной Ивановной роман и случился. Тогда еще ефрейтор Аня Сидоренко, а я тогда только майора получил. Вот тогда-то я и понял, что любовь в тридцать лет сильнее, чем в восемнадцать, да еще и на войне. Правда, тут я виноват, забыл о ней, об Анне Ивановне, почти на двадцать лет.

Генерал помолчал, посмотрел на супругу и продолжил.

– Вернулись наши бойцы и говорят, всё ребята, не будет нам подмоги, ушёл полк. Даже техника брошенная стоит, но это нам на руку, если за сутки проскочим перевал, то на технику – и вперед! На том и порешили, выступили в ночь, перед этим последние консервы подъели. Впереди разведчики, они дорогу знают, а сзади мы, офицеры, смотрим, чтоб из бойцов никто не отстал, да не потерялся. И тут какой-то товарищ возьми да и закури в ночь! Ведь было сказано – при переходе никаких перекуров! Огонёк от сигареты ночью на километры виден! Понятно, что машинально, но по-

ка заметили, было поздно, через десять минут по нам открыли шквальный огонь из минометов. Мины не долетали, но осколки от камней были ещё опаснее. Несколькими каменными осколками зацепило наших ребят, в основном посекло руки и лицо. Ну и Ане тогда досталось – прилетел камень, как футбольный мяч, благо вскользь прошел. Мы тут конечно все на землю, я к Анне подползаю – а на ней лица не видно – всё в крови, вот тогда я первый раз в жизни испугался и не знал что делать. Хорошо рядом вторая наша девчонка, Маша, быстренько всё обработала, голову перевязали, в чувство привела, я её через плечо и бегом. Кричу – делай как я! Бегом из-под обстрела! В общем, выбрались, потерь нет, только раненые. К вечеру уже добрались до своей техники, проверили горючку, техники хватило на всех, еще и осталось, хотели сжечь остальное, да подумали, а вдруг такие же брошенные части придут? А нет – так пусть кому достанется! Мы своё дело сделали – живыми бойцов вернули. Но самое интересное началось в штабе. Нас, как оказалось, считали погибшими и поэтому помощь не отправляли. В начале нас всех под арест... Но впрочем, это другая история... И вот в этом году я был в Министерстве, и там разыскал, где служит Анна Ивановна, срочно выехал, уладил все дела, и вот прошу – теперь Анна Ивановна будет служить здесь, у нас. И еще что, – Дивин полез во внутренний карман и достал несколько фото. На фотографиях то в саду, то на скамейках, то в музее были Дивин, Сидоренко и высокий моло-

дой человек с длинными волосами.

– Представьте себе, скрипач! Консерватория! – Дивин поднял палец. – Сын!

– Сходство не отнять – рост высокий, нос прямой, волос черный, ещё бы весу кило пятьдесят добавить и вылитый генерал, – сказал Самсонов. Шутка всем понравилась и больше всего Дивину. Он смеялся, то ставя на стол рюмку и вытирая глаза, то вновь её беря. Жены офицеров подходили к Анне и что-то ей шептали на ухо.

– Ой да не верь ты им! Одни сплетни! – подшучивал рядом Дивин.

– Аня, – сказал Дивин тихо. – Пойдём, я тебя познакомлю с Анжелой, ну, с которой всё началось...

Они пошли к чете Неверовых:

– Разрешите украсть вашу половинку? – генерал обращаясь к подполковнику, взял под локоть Анжелу и втроём отошли подальше от стола.

– Вот, Аня, вот эта женщина тебя мне и нагадала!

– Да бросьте вы, Алексей Михайлович!

– Без твоих слов, Анжела, я не нашел бы Аню...

– Да вы же её в архиве, говорите, нашли...

Дивин с Аней рассмеялись:

– Ага... в архиве...если бы не ты, я бы и не попал в этот архив...

– Ну, в любом случае – поздравляю! – женщины обнялись. Свадьба была, как и полагается два дня, второй день толь-

ко без молодых, генерал с молодой женой уехал на стрельбища, потому как молодая жена выбивала сорок восемь из пятидесяти, а генерал всего сорок. Забили банк: если новоиспеченный муж перестреляет, то едут в отпуск, а если жена, то генерал договаривается с авиаполком, её катают на МИ-8ах целый месяц.

– Нарушение дисциплины! – сокрушался генерал.

– Не спорь с женщиной... – участливо говорила Аня.

Со стрельбищ генерал приехал злой, швырнул мишени в приемной:

– Соедини меня с авиаполком! – резко сказал своему помощнику...

... Она ощущала то перегрузки, то невесомость, Аня только видела, как приближается земля, затем она уходит и появляется голубое небо.

– Приготовится, сейчас будет жестко, – в шлеме прозвучал голос первого пилота.

Аня вцепилась в ремни и её закружило: небо – земля – небо – земля. Воздух вышел из лёгких и она не могла вздохнуть, истребитель всё еще крутился. Затем выровнялся, воздух наполнил лёгкие, перегрузки закончились.

– Как самочувствие? – в шлемофоне прозвучал вопрос со смехом. – Аня, ты нормально?

– Нормально, только не понятно почему я землю вижу, – ответила Аня.

– А теперь? – самолет перевернулся и Аня увидела небо

и облака.

– Красиво...

– Ещё пять минут и на посадку, – предупредили в шлемофоне.

МИГ сел мягко, второму пилоту помогли выбраться из кабины. Приняв рапорта, руководство эскадрильи и Дивин пожало руки первому пилоту и второму – Ане, затем по неуставному обняло её, говоря при этом:

– Да, генерал, карточный долг, он такой, сажи спасибо, тебя не отправили полетать. А может?

– Нет-нет-нет! – замахал генерал руками.

Все засмеялись, и больше всех Аня, лицо которой ещё было в красных полосках от шлемофона и кислородной маски.

– Прошу ко мне, отметить ваш первый полет! – и делегация двинулась с летного поля.

Стол был накрыт богато, все расселись, поздравили сначала Дивина и Аню со свадьбой, затем Аню с её первым полётом и подарили модель самолёта МИГ. Затем командир эскадрильи взял слово третий раз:

– Я сейчас вам расскажу вот такую историю. Неделю назад мне звонит генерал Дивин и говорит: сколько ты выбиваешь из ста? Не знаю, говорю, из пятидесяти, говорю, может тридцать пять сейчас выбью. Он мне – у меня жена сейчас из ста восемьдесят девять выбила, а я семьдесят всего! А откуда у тебя жена, спрашиваю, тут он мне рассказал и про как женился, и про спор, готовь самолет, говорит, долг за мной!

В общем, коньяк вот этот, – он указал на бутылки на столе. – Это генерал Дивин ящик привез. Ну, за женщин! За их меткие выстрелы!

После тостов за молодых и «как надо отдавать карточные долги», вдоволь посмеявшись над ситуацией, командир эскадрильи подошел к Дивину и позвал его к себе в кабинет.

– Слухи ходят, у тебя какая-то ведунья-предсказательница в части есть, жену тебе вон какую наворожила.

– Да какая она ведунья... так... баловство одно...

– В общем слушай, слухи дошли до..., – и он пальцем показал на портрет Министра обороны. – Вроде как он поедет в отпуск на недельку в горы, ну и заедет сюда. А от меня до тебя вертолётом. К этой дамочке. Неофициально.

Дивин не знал что и сказать, предупредить Анжелу?

– Даже и не думай... – как прочитал его мысли командир эскадрильи. – Он приедет как частное лицо. Предупреждать не надо. Встретить и проводить. Всего полчаса.

– И когда ждать?

Командир посмотрел на часы.

– Через три часа прибудет стратегический бомбардировщик на дозаправку, так вот он там.

Дивин тихо выругался.

– Да ладно тебе, полчаса с Министром поговорить о погоде...

– Ещё друг называется... Не предупредил даже...

– Что б тебе праздник испортить? Ты бы тут метался...

Иди к молодой жене, скажи, что у неё ещё один полёт, если захочет.

– Мы же на десять спорили...

– На ракете покатаешь... Пошли за стол, скоро Министра встречать, смотри – ни кому.

– Эх, ты... друг...

– Собака тебе друг...

...Министра было не узнать: одет в кроссовки и спортивную куртку, темные очки скрывали половину лица. Зайдя на кухню к Анжеле, он огляделся.

– Уютно у вас, настоящая вы жена офицера, прямо запах дома, а не казенной квартиры.

Анжела стояла перед Министром выкатив глаза и открыв рот в кухонном переднике и косынке, в духовке пеклись булочки.

– Анжела, ну мы пойдем, ты сама... тут..., – позади Министра генерал Дивин и еще пара военных в узком коридоре потолкались и вышли.

– Неожиданно..., – произнесла Анжела.

Познакомившись, Министр сел на стул.

– А можно чаю? Замерз в самолете...

Анжела хлопнула рукой себя по лбу, метнулась к заветному шкафу, достала два графина с наливками, налила чай, варенья, и к этому времени подошли булочки в духовке. Через минуту стол был накрыт. Министр залпом выпил кружку чая.

– Ммммм... Что за травы? Зверобой? Чабрец?

– О! Вы разбираетесь! – и Анжела перечислила какие корешки и верхки она заваривает.

– Вот помню, Иван-чай мы в детстве собирали, сушили...

Заваришь... Вкуснятина!

– Вы разбираетесь.

– Ха! Так я детство и юность среди тайги провёл!

Анжела налила по стопке бордовой наливки.

– За вас, товарищ Министр!

– Э, нет! За хозяйку! – медленно выпил и закусил горячей булочкой.

– Из местных ягод? – спросил он.

– Угу, сама собирала.

Министр всё больше и больше ей нравился, это был не тот Военный в мундире с орденами и медалями, прямой, как лом, в открытом автомобиле на параде, голос которого громогласно раскатывается по Площади, и тысячи бойцов ему вторили так, что аж ветер был на трибунах! Это был Человек, вкусно жующий горячую булочку под чай и улыбающийся на Солнце в окошко. Просто человек, очень уставший, и вот сейчас, вырванный из своей рутины, без забот. Ей не надо было ничего объяснять, не булки приехал Министр пробовать, хотя она точно знала – что-что, а печь она умела отменно. Я знаю что надо, подумала Анжела и вышла из кухни, Министр потихоньку начал сам хозяйничать – налил ещё чаю, взял булку, и зажмурившись, съел.

– Вкуснотища, – сказал он с полным ртом.

Наконец вернулась Анжела в одной руке книга, вторая рука за спиной что-то держала.

– Вы любили рисовать в школе?

– Нет. Я любил лепить из пластилина или из конструктора собирать. Я же строитель.

– А потом пробовали?

– И потом нет.

Анжела открыла книгу, «Умные мысли» мелькнул заголовок, Министр хмыкнул.

– «...Умение отдыхать для некоторых искусство потруднее, чем умение работать...», держите, это вам, – и протянула ему кисточку для рисования.

– Мне?

– Да. Но вы должны её купить, давай монетку.

Министр начал шарить по карманам, ни монет, ни денег с собой не было.

– Сейчас я у помощника возьму...

– Нет! Надо только свои. Давайте что есть.

– Что давать..., – Министр стоял растерянный и смотрел на Анжелу. – Нет монетки...

– Вот, очки, обмен будет.

– Ну, хорошо, – Министр передал Анжеле солнцезащитные очки. – Обмен?

– Теперь кисточка ваша, никому её не давайте и не показывайте, никому про неё не говорите, садитесь и рисуйте ей

только когда будете один.

Министр молча взял кисточку и положил в карман.

– Я рисовать- то не умею...

– Теперь умеете...

...Вертолёт с Министром вылетел из части и направился на военный аэродром, генерал Дивин смотрел ему вслед, пока тот не превратился в точку.

прошёл год или даже больше

Анжеле пришла посылка. Опять Самсонов мясо вяленое присылает из своих угодий, думала она. Но посылка была упакована метр на полметра, узкая, шириной всего сантиметров десять. Распаковав её она увидела картину, натюр-морт. Стол был похож на её, кухонный, чайные чашки были такие же, и булочки – целые тарелка, посредине стола стоял желтый самовар, из которого шел пар. На столе были чашечки с вареньем, графин с наливкой и несколько стопок. Всё нарисовано очень аккуратно и красиво, по всем правилам живописи. Анжела посмотрела подпись на картине – её не было. Она поставила картину к стене и села напротив. Пришёл Неверов, он уже свыкся с мыслью, что иногда к его жене заходят люди, она им что-то говорит на кухне и те уходят то в слезах, то молча, то задумавшись, то весёлые. Сам он считал это чепухой, тем более, что они отсюда скоро уезжают – его назначают заместителем начальника Управления Военного

округа. Сегодня пришёл приказ, сегодня он обрадует жену.

– На нашу кухню похоже! – сказал он глядя на картину.

Затем он постоял, глядя на картину, как бы что-то складывая в уме, и, когда пазлы легли правильно, стянул полковничий китель, и, подозрительно посмотрев на супругу, сказал удивлённо:

– Да не может быть!

– Может! Ещё как может!

апокалиптика 2032

...Виктор проснулся и посветил фонариком на будильник, было пять часов утра, ещё час до подачи электричества. Кирпичная печка была ещё теплой. Нащупав в темноте заслонку на трубе, он задвинул её, чтобы тепло изнутри не покидало печь, а холодный воздух не проник снаружи. Труба выходила в окно, заложеное кирпичом и кусками бетона. Он осветил фонарем комнату: в капканы, расставленные по всему подвалу попало опять несколько крыс. Виктор встал со своего дощатого настила и подошел к одной из них, с каждым разом они были всё больше и больше, несколько ещё шевелились в капканах. Виктор взял дозиметр и поднёс к одной из них, тот защелкал и показал фон. Да, подумал, он, крысам всё нипочем, говорят, стаи крыс смогли загрызть несколько семей в том году в соседнем посёлке. Наступая между пустыми капканами он дошел до конца комнаты, открыл же-

лезный шкаф и надел сапоги, толстые перчатки и полушубок. Аккуратно подцепляя тушки животных щипцами, собрал их в мешок и осторожно открыл тяжелую дверь, обитую железом, выставил дозиметр наружу, тот молчал. Можно, подумал он, и, надев респиратор, Виктор вышел из квартиры, соседей на площадке давно не было, не было их и ниже и выше, он спустился с третьего этажа, вышел на улицу. Было теплее, чем обычно, снег пойдет, решил Виктор. Он осмотрел на небо, оно было затянуто, звезд не было. Дозиметр молчал, он снял респиратор – дышать стало легче. Виктор направился к Яме – глубокому карьеру за городом, куда скидывали зараженные радиацией вещи. В такую рань вряд ли можно было кого встретить, и он быстрым шагом пошел к карьеру. Респиратор болтался на подбородке, без него на открытом воздухе ходить запрещалось, но кто его сейчас видел? Выкинув мешок, он повернул домой. Виктор вспомнил как в такое же ранее утро нарвался на спецотряд, который охранял длинномер, и люди в зеленых защитных костюмах скидывали туда длинные черные пакеты. Виктор, прячась за деревьями наблюдал за разгрузкой, затем лег в снег и тихонько уполз в глубь леса, потому как спецотряды стреляли без предупреждения. Начался снег, говорили, что радиационный снег солёный на вкус и светится зелёным по ночам. Сколько он не пробовал и не смотрел – ни чего подобного не было, снег как снег: безвкусный и белый. Он поймал ртом снежинки, нет, совсем не соленый и в темноте не све-

тится. Проверил по дозиметру – нет, снег не фонил. Вдали, был жилой массив многоэтажек, без светящихся окон он выглядел безжизненным. Вдруг он вспомнил, что свой пропуск он оставил дома! Он лежал под подушкой, а с этими крысами Виктор совсем про него забыл! Только бы не нарваться на проверку! Он решил сократить путь от Ямы и двинулся напрямую через лес. Вдруг, выйдя из леса, он наткнулся на пять бойцов из спецотряда, одетых в черные бушлаты, автоматы них висели через плечо. Он встал, как вкопанный и прислонился к дереву, может не заметят, подумал он. У спецов были большие полномочия: они могли застрелить за мародерство, за ношение сотового телефона, но ещё хуже, если от тебя шел радиационный фон, выходящий за норму. Тут сразу отводили к Яме и пулю в затылок, даже без протокола. Виктор на всякий случай скинул в снег перчатки, которые могли зафонить от мешка с крысами и тихо надел респиратор.

Один спец повернулся в его сторону и махнул ему рукой. Виктор подошел как и полагается остановился за два метра от них. На него посмотрели сквозь прибор, похожий на термоскоп, определяющий на расстоянии радиационный фон предметов. Прибор молчал, ему посветили в лицо фонарем.

– Чего такой чумазый?– спросил, который держал фонарь, все спецы рассмеялись. – Фамилия, имя, возраст. Пропуск. Респиратор сними...

– Спасский, Виктор, 40 лет...Пропуск дома...

– А, погодите, так это же Виктор Васильевич! Учитель в нашем интернате! У моего Гришки ведет уроки! – весело заговорил один из спецов.

– Учитель, значит, – повторил старший спец. – Так-то интернат в другой стороне.

– Да я мусор выбрасывал... – начал Виктор.

– Слышь, учитель, ты бабу там никакую не видел? В зелёном комбезе с рюкзаком?

– Нет, темно же...

– Ну да... ну да...

– Да ладно, вам, парни, не приставайте к учителю, – продолжал веселый спец и легонько дал коленом под зад Виктору, намекая, чтобы тот быстрее уходил.

– Ну, вали... учитель...

Виктор уже отошел шагов на двадцать, как главный его окрикнул.

– Стоять!

Всё-таки пропуск! Без него могут и в Бункер посадить. А туда только попади, к этим туберкулёзникам, если к радиации привыкаешь, то оттуда никто живой не выходил. Главный спец подошел, провел металлодетектором вдоль тела, похлопал по карманам, нечего не было кроме дозиметра.

– Запомни – мы, спецы – как псы, а собак бояться не надо, мы вас от глупостей охраняем, от шакалов с волками, вот их надо стороной обходить и нам сигнализировать, сразу. Понял, учитель?

И протянув руку в кожаной перчатке:

– Брандо...

– Витя... – Виктор пожал крепкую ладонь.

– Позывной мой. Витя, если где что заметишь, увидишь, особенно бабу подозрительную с рюкзаком и в комбезе – сразу мне.

– Хорошо... – а что, надо наказать «нет», думал Виктор, что бы тебя тут запинали впятером. Виктор посмотрел на него, даже в темноте видно его светлое чистое лицо, выбритое острым лезвием, пахнет одеколоном, Брандо улыбнулся – зубы белые, не то что что у Виктора. Говорили, что им давали Красные таблетки и радиация им была нипочем, они могли целыми сутками быть на Западном ветру, когда дозиметр особенно шелкал, или под дождем, когда тот вообще не смолкал. Вынув из кармана коробочку без надписи Брандо дал её Виктору.

– Много сразу не пей, а то сдохнешь, худой ты слишком. Гришку учить некому будет.

– Это... что?

– То... Не рассуждай, на работу опоздаешь, – Брандо пошел к своим, сделав Виктору знак «позвони мне». Насчет «позвонить» Брандо был прав – телефонные будки с местной «спецсвязью», как её называли, были расставлены по всему городу, необходимо было только снять трубку, назвать код на пропуске и причину звонка: или у соседей видели сотовый телефон, или тайно замеры квартиры напротив и она силь-

но фонила, или видели мародеров, или... И тут же приезжали спецы, и на месте решали что надо. За особо ценные сигналы даже давали спецпайки – ящик красного вина или первосортные консервы. И, говорят, несколько очень бдительных граждан, войдя во вкус, так увлеклись «спецсигналами», что исчезли бесследно.

Ловко он меня завербовал, подумал Виктор.

– Разрешите вопрос! – осмелел Виктор.

Брандо обернулся.

– Можете сказать, что же всё-таки случилось? Это точно метеорит? Ну... вот это всё... шесть лет назад...

Слышно было как Брандо передернул затвор автомата.

– Сильно умный? Вопросы тут мне...

Виктор развернулся и побежал сквозь снег к своему дому по пути прихватив брошенные перчатки.

– Ты чего? Подстрелить его хотел? – спросил один из спецов.

– Да... Вопросы задаёт... Дай-ка мне терминал, сейчас посмотрим, что это за учитель...

Брандо взял планшет, включил, падающий снег таял на зелёном экране и стекал ручейками, наконец он сказал:

– Нет! Вы смотрите! Этот Виктор нигде не зачеченен! Спасский... Спасский... Ни одного сигнала на него, ни от него! С двадцать шестого года! Он что, приведение? За шесть лет ни привлекался, ни состоял, и не штрафовался! Да так не бывает! Он же человек! А человек всегда оставляет

след! А здесь только фамилия и место работы! Ну, удивил меня учитель... начальных классов? С каких пор это мужики первоклашек обучают?

– Не знаю, – ответил весёлый спец. – Видимо, уже некому больше...но Гришка его любит.

– Мутный тип, – хмуро заключил Брандо. – И как я его раньше не видел?

Виктор пробежал половину пути, сил не было, он не привык так много бегать, беречь силы – вот что привык. Шагом, при необходимости можно было пройти большее расстояние, чем бегом... Он остановился, похлопал себя по карману – коробочка, подаренная спецом была на месте. В окнах зажглись огни, шесть часов, подумал Виктор, через два часа на работу! Надо ещё растопить печь и позавтракать! Снег повалил с большей силой, и в такое время необходимо было сидеть дома. Начался ветер, он повернулся к высоткам – снег бил в лицо! Западный! Начинался Западный ветер, который всегда приносил радиацию. Он достал дозиметр и нажал кнопку – на экране шестерка мигнула и стала восьмеркой, а ноль превратился в пятерку. Восемьдесят пять! Дозиметр затрещал. Срочно домой! И проветрить одежду! Второй комплект бушлата и сапог у него проветривался на сквозняке между верхними этажами. Он надел респиратор и побежал сквозь снег, до дома оставалось меньше километра, как он запнулся обо что-то, упал и ударился грудью об очень острое. Дыхание сбилось, в глазах вспыхнули искры, и – он

выключился...

...Аля накрылась маскировкой из простыни и её зелёный комбез стал не заметен на фоне заснеженного холма. Она включила терминал, батарея показала десять процентов зарядки. Надо срочно заряжать, подумала она, и дополнительные батареи тоже. Уже неделю она шла ночами, прошла триста километров на восток, как показывала карта на терминале и нигде не останавливалась, ни заряжала батареи, ни грелась в тепле. Она посмотрела в портативный бинокль на город: немного высоток, из окон торчат трубы, идет дым, спецов в черной одежде на улицах не видно, как и людей, зато отчётливо видны синие телефонные будки «спецсвязи». Город как город, как десятки других, где она была, очередной на её пути. Здесь она решила сделать привал на сутки, найти место погреться, зарядить девайсы, и по возможности, разжиться едой, а это было самое трудное. Но не невыполнимое, такое она проделывала не раз – тут главное подготовка. Она погрела терминал под комбезом, чтобы батареи на дольше хватило, вставила токен и начала его шифровать. Так, город Чернореченск, цель – проверка на активность продуктового склада она порылась в данных города- о! есть детский интернат! самое неохраемое место! как оказывается! уже проверено не один раз! не обеднеют дети, если она возьмёт несколько консервов ... проверка склада Детского интерната номер один – продолжала она. В этот момент в ухе щелкнул датчик, сигнализирующий о повышающем фоне радиа-

ции. Точно! Западный ветер! Она и не заметила, как в затылок начал сильно дуть ветер. Вместо того чтобы быстро надеть респиратор и не вдыхать опасный воздух, она вытащила пластиковую коробку и взяла оттуда две Красных таблетки, взяв с пояса флягу она потрясла ею около уха, почти половина, запила их. Датчик в ухе продолжал щелкать чаще, это были самые современные и портативные устройства, с ними было удобно, их щелканье никто не слышал, кроме тебя. Токен был готов, осталось дожидаться обеда, самого ленивого времени, когда на документы не особо обращают внимания. Пока она якобы проверяет, успеет заодно зарядить терминал и батарею. Осталось только придумать, куда здесь спрятать рюкзак. Она сняла с себя короткоствольный автомат, из кармана достала мобильник и батарею в непромокаемой коробке, сняла с пояса пистолет и отстегнула нож со щиколотки, в общем, всё, что нужно, чтобы прожить молодой женщине в тайге зимой под радиоактивным снегом. Мобильник с собой было брать опасно, а вот терминал с батареей не вызовет подозрения – дежурный девайс среди спецов, и она с ним сойдет за свою. Ещё раз внимательно изучила город по карте на терминале, затем долго смотрела на Чернореченск в бинокль. Спрятав всё в рюкзак, она спустилась с холма и пошла вдоль гравийных насыпей, в лес, чем ближе она подходила к насыпям, тем чаще щёлкал дозиметр. Братские – подумала Аля...

– Питон! Быстро позови Брандо!

В комнате спецов, уставленными большими мониторами и другой аппаратурой, сидели двое, было душно и дымно. Который помладше подскочил и выбежал за бетонную дверь.

– Ну, чего? – Брандо зашел в визирную. – Опять накурили! Как в конюшне! Не получите красного сегодня!

– Ну Брандо... это всё Каин накурил. Мне сегодня бутылка красного положена, я сутки отдежурил..., – заныл молодой, по кличке Питон.

– Ты не сутками дежуришь, Питон, ты всю жизнь теперь на дежурстве, раз к нам пришёл! – сказал Брандо.

– Да к нему баба придёт! Вот и бутылка нужна! – заржал Каин.

– Кстати, а почему ты всё ещё Каин? Я же сказал уважать персонажей, – и он поднял палец вверх. – Ты бы ещё Ягве назвался...

– А кто это? Ну ладно, тогда я буду Адольф!

– Какой ещё Адольф!?! – Брандо шлёпнул его по голове так, что слетела вязанная шапочка. – Придумай уже что-нибудь... киношное... Показывайте, чего звали.

– Смотри чего, – Каин-Адольф показал на большой зелёный монитор расчерченный линиями, на котором были видны контуры города и рельеф. – Вот здесь зафиксирован сигнал. В девять утра, стандартной частоты, как будто к нашей сети прицепился, но там спецов нет. Вот десять патрулей и все на местах, – на мониторе было десять точек в разных концах города.

– Я туда дрон направил, но бесшумные медленно летают, еще минуты две. Вот смотри. Может, бойцов туда сразу? Да и положить их всех?

– погоди, Патруль нельзя из города убирать, он должен быть постоянно на глазах. Посмотрим, никто от нас ещё не уходил, вон, Питона с собой возьмём, пускай натаскивается.

На мониторе медленно плыла картинка с дрона, наконец, он долетел до предполагаемого места и завис. Такие дроны с земли были не слышны и вряд ли его можно было увидеть – окрас был специальный.

– Ну, вот же! Снег примят! – сказал Брандо.

Он посмотрел на карту, и начал водить по ней пальцем.

– Ну... я бы пошел только через холм, или в лес. А зачем через холм? Допустим, он пришел оттуда... значит лети к лесу и включи тепловизор.

Спец поводил манипулятором на панели управления дрона и экран стал черно-серый. Картинка медленно поплыла по дороге к лесу.

– Есть! – закричал Каин-Адольф. По экрану двигалась белая точка, вполне конкретные очертания человека.

– Залети вперед и сделай цвет.

Монитор стал белый и человек был в зелёном комбезе с рюкзаком, картинка была четкой.

– Увеличь, – удивленно сказал Брандо, затем посмотрел на коллегу. – Баба!

– Стопудов, баба! Брандо! В комбезе! В зелёном! И рюк-

зак! Брандо! Смотри вышагивает! Давай её себе поймаем! Это точно не местная! Вынюхивать приехала! Шпионка!

Каин-Адольф говоря это подпрыгивал и брызгал слюной.

– С дроном аккуратней, а то на голову ей уронишь, – усмехнулся Брандо. – Будешь теперь Глот, тебе подходит, как раз из мультика.

– Глот? – он всё еще возбужденно сжимал кулаки и кусал палец. – Это из какого мультика? Чего то я не знаю...

– Нормальный мульт, про космос... отзывает свой дрон, сейчас мы эту даму брать будем.

Брандо взял рацию. Глот ёрзал на кресле и нервно грыз ногти.

– Группа «Б» готовность десять минут... это что, – спросил он, указывая на монитор и не веря в происходящее. Картинка на мониторе показывала, что дрон падает и при этом крутится вокруг оси.

– Ты что творишь!

– Я случайно, шеф... это всё из-за этой бабы... выбесила меня ... сглазила, ведьма... я тут нажал случайно...

Глот пытался что-то ещё выправить, нажимал кнопки и двигал мышкой, но тщетно, на экране мелькнула зеленая фигура и стали видны идущие на камеру дрона ноги. Монитор погас. Брандо со всего размаху врезал Глоту по лицу, тот слетел с кресла.

– Уволен! Уволен! Уволен! – и с каждым словом Брандо

пинал грузное тело Глота.

– Питон! Выкинь эту сволочь в Яму!

Питон стоял в углу и смотрел на всё это с ужасом в глазах...

...Нет, думала Аля, пистолет она всё-таки возьмёт с собой, совсем без оружия нельзя, вряд ли её сумели так быстро засечь – далеко от города она подключилась и ненадолго. Она подняла голову, нет, показалось, эта постоянная мания преследования превратилась в паранойю. Сейчас в лесу она найдет приметное дерево и прикопает своей волшебной лопаткой рюкзак. Эту лопату она четыре года выиграла у беглых зеков в Сибирских горах. Со своей стороны ей пришлось на кон ставить свою жизнь. Как она к ним попала – это отдельная история. Это сейчас всех беглых перестреляли, а в самом начале их было очень много. Эти четверо беглых имели при себе универсальную лопату и два короткоствола – ими явно были убиты спецы. Они уже потирали руки и хватали её. Ощущение приближающегося конца придало Але ясность мысли, из-за адреналина в крови её она вся дрожала, а казалось, что её бьет от холода – зеки заставили её раздеться до белья и смаковали, благо был тёплый июльский день, и в горах не так было ветрено.

– Давай, дорогая, оприходуем мы тебя, и могилку выкопаем, по-людски, значит. До заката мы с тобой управимся, волюндаться не будем, – сказал старший.

– Молодой! Копай! Пока мы тут ...

– А чего я? А чего я? Пусть вон Лешак капает! Нашли молодого! В жизни не работал!

– А давайте я сама выкопаю...

– Точно! Пусть сама копает! – и молодой зек кинул лопату Але. Она взяла её, подкинула лопату в руке, лопату, которой можно было рубить и пилить дрова, копать, и даже колоть камни, а штык у неё был острый как бритва. Она подкинула лопату как копьё в руке и резко всадила в шею старшему зеку, который был ближе к ней, ту же вытащила и метнула в лицо молодому, схватив автомат с раненного в горло зека она направила его на остальных и дала две коротких очереди – те упали. Все лежали на земле, хрипя и истекая кровью. Аля молча подошла к зеку лопатой в лицо, тот стонал держась за лопату, она движением вытащила лопату. Глядя, как по стальному лезвию течет кровь, она села рядом с молодым зеком с изрубленным лицом и сказала, дрожа всем телом:

– Всё честно, я выиграла у вас эту лопату, – и, осознав, что именно она устроила всё это и за десять секунд, блеванула...

...Так, идя и вспоминая историю четырехлетней давности, она вдруг резко остановилась – в воздухе зашуршало, и перед ней в пяти метрах упал дрон. Посмотрев на него всего мгновение она тут же развернулась и побежала что есть силы, в ухе запищал датчик, она перевалила через насыпь и присела, датчик трещал. Взрыва не было, надо бежать, решила она, и понеслась вдоль окраины города. Датчик щелкал реже и наконец замолк. Да, подумала она, это просто меня

засекли, взрывать не хотели. Слышала она про дроны, которые падали под ноги, и взрывались, или взрывались над головой, не успеешь и убежать. Значит, эти провинциалы меня засекли, но что-то пошло не так, на меня сейчас пойдёт отряд захвата, значит нужно спрятаться! Где? Правильно, на самом видном месте, и ночью залезть в пустую квартиру, а такие точно есть, и нормально отдохнуть дня два, может даже зарядить девайсы. Она надела на теплый комбез прочную фольгу, теперь её не засечь тепловизором, а поверх белый маскхалат и балаклаву, теперь её трудней увидеть на снегу. Проверив оружие, она медленно пошла вдоль города, смотря в бинокль. Днём точно не пройти, на патруль нарваться можно – решила залечь на пустыре, не далеко от многоэтажек. Она вырыла норку под рюкзак, для себя и, взяв в руки пистолет, пристроилась в снегу. Ничего, думала Аля, скоро у ней будет не квартира, целый свой дом! И никакой радиации вокруг! С такими мыслями она прикорнула. Проснулась от голосов и темноты, затаилась, даже не дышала. Голоса были далеко, она погрела бинокль и включила на нем было ночное видение, батарея почти не работала, но она смогла различить пять фигур в темноте. После такого дня, она себя чувствовала крепко выспавшейся, посмотрела на часы – было девять вечера, самое время, в сумраке хуже видно, чем в ночи. Она ещё раз огляделась и решила идти по направлению к домам, вдруг свет во всех окнах погас. Ах ты! – расстроилась Аля, в этом городе до девяти! А ведь в некоторых не выключают со-

всем, или только на часа два- три. Раньше шести- восьми не включают, это точно. Голоса ушли, она решила обойти город с другой стороны. Закидав своё лежбище снегом, она тихонько встала и прошла по пустырю вдоль домов ещё с километр, решив пробраться в город ночью, а если удастся, то и найти пустую квартиру. Вдали показались фары. Патруль! Аля прыгнула в снег и одной рукой держа пистолет, другой держа бинокль. Зарядка на ночное виденье совсем села, сколько она его не грела, и сквозь обычный визир она толком ничего не могла разглядеть. Так прошел час, машина не уезжала, было человек то ли три, то ли пять, она не могла разобрать. Голоса разговаривали, она еще раз посмотрела на них в бинокль – зеленый свет! Это был свет от экрана планшета. Уж неё ли они ищут? Ну а кого ещё? Не надо себя обманывать. Надо быть внимательной и осторожной – тогда не попадёшься, а придёшь, куда планировала. Она уже решила не останавливаться в Чернореченске, а идти дальше, несмотря на севший терминал и оставшиеся консервы. Аля прикинула направления отхода, как голоса начали приближаться, она затаилась, и сняла пистолет с предохранителя. Пятеро мужчин остановились метров в двадцати, дозиметры у них пощелкивали, на свой она уже и перестала обращать внимания. Судя по характерному пisku, кроме щелчков, дозиметра в ухе у Али, он сигнализировал о том, что и эта батарея требует зарядки. Спецы разговаривали по рации, что-то выясняли на зелёном экране терминала, потом опять разговаривали по

рации. Молча ждали, потом запахло кофе, видимо принесли с собой, потом громко помочились. Аля не отказалась бы ни от первого, ни от второго. Запах кофе доносился до Али и щекотал нос. Ага, думала она, вот сейчас только чихнуть осталось. Наконец после переговоров по радиации, они ушли, Аля долго прислушивалась к голосам и примерно определила, что ушли они в лес, если она правильно помнила карту. Кофе не выходило у неё из головы. А что думала она, может навести шмон на штаб спецов? Залетаю я вся такая, бах! бабах! ба-ба-ба-бах! а ну-ка стакан кофе мне, принесите! и булочку! вкусную! И главный мне их на подносе несёт кофе и булку сахарную... а ему в рыло – бац! Как подаёшь, скотина!... Проснулась Аля от того, что пошёл снег. Даже её непромокаемый комбез стал влажным в некоторых местах. Было пять утра, и она решила идти, брать города надо на рассвете, как все великие. Только она встала, как увидела приближающуюся на прямо на себя фигуру. Аля медленно легла и перекатилась в сторону, затаилась. Человек, с большой сумкой прошел мимо, было слышно, как у него слабо щелкал дозиметр, и чего не спится людям, думала Аля. Живи, дохляга и она спрятала пистолет за пояс. Пришлось лежать какое-то время, чтобы он ушел подальше. Она проверила снег на последнем издыхании своего дозиметра – норма. Нет! Надо срочно всё зарядить! Это задача на сегодня, ну а потом и отдохнуть можно. Ну а насчет пожрать она на месте сымпровизирует. Она опять встала и пошла в город, в котором

не было ещё огней, и в это время она услышала, как недалеко, параллельно ей, похрустывая свежим снегом, идет отряд спецов, человек пять-шесть. Негромко разговаривая, они направлялись к лесу, как она предполагала. Они и вправду меня там искать собрались? Эх, думала Аля, не знают они искусство ниндзю – прятаться на глазах у всех, превращаясь в окружающую обстановку. Подождав ещё немного она почувствовала усиление снегопада и ветра. Западный? Если да – то плохо. Она погрела подмышкой дозиметр и включила, тот быстро защелка, испустил писк и замер. Около ста, прикинула Аля, значит точно Западный. Проглотила ещё Красную таблетку, как вдруг сквозь снег точно неё бежал человек со стороны леса. Спец? Подумала она, вытащив пистолет, быстро прикрутила глушитель, человек приближался, перешел на шаг, решив отдышаться. Нет, так спецы не бегают, решила Аля, затем он опять перешел на бег. Краем глаза она заметила как в окнах зажегся свет. Кругом посветлело от снега, который только усилился. Убегать от этого было некуда и поздно. Она перевернулась на спину, выставил пистолет от груди, взвела курок. Она услышала, как он тяжело дышит в респиратор. Не заметит, думала Аля держа на мушке, лишь бы не наступил. И подбежав, он в последний момент вильнул в её сторону и запнулся об её берцы под снегом. Падая, он угодил грудью прямо на пистолет, палец Али лежал на спусковом крючке, осталось только нажать...

– Брандо... ну я уже вторые сутки не сплю...да еще Глот

этот..., – Питона немного потряхивало и глаза были на выкат.

– Не ной..., – Брандо смотрел в зелёный экран терминала, на голове у спецов уже выросли сугробы. – Ёжик, дай взбодрится.

Высоченный спец протянул длинной рукой Брандо пузырек.

– Не мне, молодому, – старший кивнул в сторону Питона. Ёжик усмехнулся и подошел к молодому спецу.

– Поди первый раз? Давай я сам, а то всё просыпешь. Чистый снег! – Ёжик отвинтил крышку пузырька и пшыкнул в ноздрю белую пыльцу.

– Вдыхай быстрее! Олень!

– Я Питон, – гнусаво сказал спец.

Раздался дружный смех. Ёжик нажал и брызнул во вторую ноздрю Питона.

– Ну, вот! Теперь будешь прыгать, как настоящий питон!

– Питоны только ползают...

Все опять дружно засмеялись и пузырек пошел по кругу.

– Так, – подытожил Брандо. – И почему я с ним не встретался ни разу за шесть лет? Это – ваша недоработка! Жрёте винища задарма!

Старший отчитывал своих спецов.

– Надо наведаться к этому Виктору. К этому тихоне! Самые тихие – они шизофреники, а шизоиды они всегда что-то замышляют. Расписание я посмотрел, он в интернате будет

с восьми до шести вечера, так что зайти и посмотреть на его жилище у нас времени уйма. Но! Есть предложение. Идём к нему завтра в субботу с утра и берём его прямо в постельке, тёпленьким. Голый человек – он такой беззащитный. Заходим, спрашиваем, как жизнь, вывозим разговор на «не забудем его» и уходим. Всё, он наш. И никакого шмона! Ёжик, понял? Не в этот раз! Как думаешь, Питон не откажется с нами в субботу поработать?

– Я думаю, что с ним сейчас делать будем? Его же порвет.

Уже достаточно рассвело и было видно как у Питона после порошка налились белки глаз, расширились зрачки так, что не видно стало радужки, он часто задышал. От усталости не осталось и капли.

– Сейчас побежит, – сделал заключение Ёжик.

– И заорёт, – сказал один из спецов.

– Все в первый раз орут.

– А бегут-то как все в первый раз.

Питон скривился в гримасе, набрал полную грудь воздуха, закричал и побежал, через несколько мгновений его не было видно за снегопадом, только слышен дикий крик.

– Расходимся. Завтра в пять в штабе, а в шесть к нему домой.

– А как же эта баба? – спросил Ёжик у Брандо, когда уже все начали расходиться.

– На Глота повесим...

...Виктор очнулся от того, что у него шарили по карма-

нам. Он не помнил что случилось, и хотел уже встать, как резко кольнуло в груди, он охнул и откинулся на спину. Кто-то снял с него респиратор и похлопал по щекам, он открыл глаза. Снег падал ему на голову, шапки не было. На него смотрела белая балаклава . Уже совсем рассвело. И он четко различал под серебристой накидкой зелёный комбез.

– Мне на работу надо, – первое что мог сказать Виктор.

– Эй, ты, доходяга, это видишь?– спросила балаклава. Голос принадлежал женщине, и относился он к его зрению, насколько четко он различает длинный ствол пистолета, направленный ему в глаз.

– Вижу, – машинально ответил Виктор.

– Это у тебя откуда? – она потрясла белой коробочкой, в которой как семечки что-то шуршало.

– Дали.

Балаклава хмыкнула.

– Такие не дают, такие заслужить надо, ты что ли из этих?

– Из каких?

– Информаторов?

– Не...

– Значит ворюга! Таких Красных таблеток даже у меня нет... реквизирую, в общем.

И она сунула коробочку внутрь кобеза. Виктора задушила обида – грабят с утра! Ещё день не начался! И в груди болит! И шапку потерял! И снег этот на лицо! И ветер! Он только сейчас обратил внимание на то, как потрескивает дозиметр

в руках у женщины.

– Это мой, – слабо сказал он. Ели ещё и без дозиметра остаться – всё! Считай пропал!

– Да ладно, ты. У моего батарея села. Ты смотри-ка! Девяносто восемь!

Виктор кое-как сел на коленки и заплакал – при такой дозе нельзя даже на улицу носа показать, а он сидит под этим снегом без шапки... скоро его место будет в Яме! А ведь он всегда был так осторожен и находчив! Поэтому и остался жив один из всего подъезда. От такой дозы у него сейчас лопнет голова и вытекут глаза, вот уже и начинают течь... а, нет, он облизнул щеку, это слёзы. В груди болело, он пошарил в снегу, нашёл шапку, полную снега и надел. Всё кончено! Умирать надо в своей постели. Он побрёл домой. К нему подошла женщина, сейчас он мог разглядеть – странные накидки, то маталлические, то тряпки какие-то, под ними ещё что-то. И вдруг вдали раздался крик и стал быстро перемещаться по пустырю. Аля упала в снег и уронила Виктора.

– Судя по твоей роже, ты живёшь один. Пустишь переночевать? С меня – бутылка красного.

Виктор всё еще думая, как же это – умирать от радиации, сказал:

– Я сегодня умру от радиации... – плаксиво сказал Виктор.

– С чего это?

– Девяносто восемь...

– А... ты про это... так это быстро решается...

Она достала коробочку Виктора, достала Красную таблетку и дала ему.

– Запей вот, – жидкость во фляжке была теплая.

– Что это?

– Ты скажи откуда это у тебя?

Тут крик, который разносился вдали, усилился, потом затих совсем.

– Ну что, пошли к тебе?

– Скажи, что это?

– Это Красные таблетки, но твои- новые. Я про них только слышала, очень сильные, выпьешь и радиация не страшна. Только часто нельзя – привычка нужна.

– Мне их подарили...

– За такой подарок и убить можно, или продать кого, ладно, погорячилась, держи, – и с этими словами она отдала таблетки Виктору.

– Я там угостилась несколькими, уж не обессудь, ну так что, пошли?

Виктору не хотелось приглашать к себе незнакомку, но и гостей у него никогда не было, по крайней мере последние лет шесть, тем более женщины.

– Только ничего не трогай!

– Нет! Ты посмотри на него! Только что помирать соби-рался! А уже и не трогайте ничего! Ну... мужчины...

– Тебя как звать-то, доходяга?

– Витя...

– Витя, Виктор. Победитель значит.. меня Аля, мама помню звала меня Ляля.

Они пошли к его дому, Виктор посмотрел на балаклаву, интересно, думал он, а она красивая, голос, низкий, но приятный, и сколько ей лет? И где она будет спать? Кровать- то всего одна. Вместе что ли?

– Ай-яй-яй, Витя, какие мысли у тебя!

– Какие?– Виктор покраснел, ого! он даже забыл как это делается! Краснеть от смущения.

– Надо быстрее идти, а то можем встретить кого-нибудь! – он надел респиратор и выключил дозиметр. Быстро и тихо они подошли к двери подъезда, Виктор встал и прислушался.

– Сколько с тобой еще живет? – спросила Аля

– Нисколько...

Даже в прорезях для глаз, он увидел, как она сказала ими «ну ты и дурак!», и зашла в подъезд.

– Какой этаж?

– Третий.

– Самый четкий! И через окно можно убежать и на крышу! Молодец, Витя!

Вот что давно не делали, так это его не хвалили. На работе только работа и минимум разговоров с коллегами, друзей не было, да их и ни у кого не стало. Он открыл тяжелую дверь, на что ещё раз нарвался на комплимент от Али. В квартире Але очень понравилось. Она уже хотела была разоблачиться,

Но Виктор не разрешил.

– Надо наверху, последний этаж, там проветривается одежда с улицы.

И подал ей старый бушлат и сапоги.

– А ты?

– А я потом.

– А рюкзак?

– Тоже туда.

– Ну, ты продуманный...

Она ушла, волоча рюкзак.

Виктор скинул на площадке верхнюю одежду, быстро растопил печь и поставил греться воду в железном чайнике. Отварилась железная дверь и в комнату вошла молодая женщина в сером свитере и брюках, со стрижкой под ноль. Талия была перехвачена армейским ремнём на котором висели пистолет и нож. Через плечо висел автомат-короткоствол. В руках она держала несессер.

– Всё своё ношу с собой.

Она подошла к Виктору. Короткий густой ёжик волос, серые глаза, обветренные щёки, треснутые губы – милое личико, вот нос сломан, он задержал на горбинке взгляд.

– Было хуже, – как бы читая его мысли сказала Аля. – Сделала себе пластику – два гвоздя в нос и – хрусь! Всё встало на место, раньше надо было, да забоялась. Некрасивая, да?

– Почему? – Виктор не знал что и сказать, и был смущен, что пялился на упор на, в общем-то, незнакомую женщину.

Он отвернулся и начал возиться с печкой.

– Тоже крысы одолели? – спросила Аля, указывая на кучу капканов на полу. – А ты молодец, не ленишься. Надо их ловить. А то отгрызут чего...

Она осторожно прошла по его небольшой комнате.

– Уютно... а... у тебя всего одна комната? Или вон та дверь еще вход?

И она пошла к другой двери. Виктор что-то буркнул, посмотрел, не закипела ли вода в чайнике.

– А там что? – Аля не смогла открыть дверь

Виктор сидел на деревянном настиле и растерянно смотрел на Алю.

– Там ещё одна комната..

– Покажешь?

– Если ты ничего не будешь трогать.

– Не буду. И вот, – Аля достала и несессера темную бутылку. – За проживание.

Помолчали.

– Слушай, я воспользуюсь твоей розеткой? – и начала доставать из несессера какие-то девайсы.

Виктор отвернулся, это было очень плохо, за планшеты и мобильники наказывали жестко, а за недонесение еще жестче, он махнул рукой

– Вон там, – он посмотрел на будильник. – Мне скоро на работу, я вернусь вечером. Вот, можешь спать здесь. Сейчас мы зайдем в другую комнату, только ничего не трогай!

– Хорошо, хорошо, – обезоруживающе сказала Аля.

Подойдя ко второй двери, чем-то щелкнув, открыл её. Перед взором Али предстал какая-то невообразимая картина: в дальнем углу было высокое, до самого потолка сооружение из пластиковых бутылок, соединённых каким-то хитрым образом; внизу в ряд стояло невероятное количество воды в больших бутылках; рядом коробки с консервами; в ближайшем углу на полу стоял тазик и сверху над ним был прикреплён душ. Душ! Аля не видела душ уже не помнит сколько! В разных местах на полу стояли какие-то то ли проигрыватели, то ли патефоны и еще какие-то штуки, что Аля даже не сообразила.

– Что ты хочешь за душ? – она повернулась к нему

– Мне надо на работу... – Виктор развернулся и вышел из комнаты. Она подошла и схватила его рукой между ног.

– Я хочу душ! Всё что хочешь, Витя! Хоть сто раз!

Он присел от такой неожиданности, давно его так женщины не ласкали!

– ...вечером... – выкрутился он.

– Смотри, обещал! – она достала из своей сумки два тюбика, нажала на крючок на дне и положила их на кровать. Виктор посмотрел на неё.

– Минуту, – она встряхнула их. – Вот теперь горячие. Попробуй. А то пожрать не успел.

Она отвинтила крышку и выдавила из тюбика содержимое себе в рот.

– Ммммммм....Да ешь не бойся, Витя!

– Да я не боюсь... – он попробовал, вкус был изумительный. Виктор высосал всё до последней капли из тюбика, правда, так и не понял что это было – то ли каша, толи пюре, но вкуснотища! Он разлил кипяток из чайника по кружкам и кинул немного заварки.

– Богато живёшь! Витёк! – весело сказала Аля. – Чай! Душ! Самогонный аппарат...

– Это фильтр полной очистки воды со сменяемыми фильтрами.

– Ого как звучит! Сам собрал?

– Ну да...

– А что же у такого рукастого и женщины нет? Нет! Мужчина с душем! Да на это любая прибежит! Уж поверь!

– Одному выжить легче, да и спокойнее.

– Соглашусь... одному выжить легче.

Виктор вздохнул и схватился рукой за больное место на груди.

– Ну-ка, давай посмотрю, я филфак закончила, знаю, как людей лечить...

– Филфак это вроде литература, – сказал Виктор, снимая верхнюю одежду.

– А у нас военная кафедра была... – она ловко стянула через голову Виктора всю одежду сразу. В комнате потеплело, от печки шел настоящий жар.

– Витя... до чего ты себя довел...

Синюшное тело Виктора было худое, ребра выпирали, местами были красные пятна, на груди был большой синяк.

– Моя работа, – Аля погладила синяк пальцами, они были шершавыми, но теплыми.

– Если бы я не засомневалась, я бы – бах, и нет Вити. Но Витя жив, Витя пьёт чай и жмёт мне душ, Витя жадина, Вите предлагаешь а-ля-ля, а Витя ничего не хочет, у Вити радиация...

Говоря всё это, она вытряхнула из несессера какие-то пузырьки и мази, обойдя вокруг Виктора, он намазала некоторые волдыри, некоторые прижгла, что аж было больно, а синяк побрызгала каким-то спреем.

– Всё, вали на свою работу, а погреюсь у печки, – и завалилась на настил, прижавшись к горячим кирпичам и закрыла глаза. Виктор так и стоял перед ней без верхней одежды, она открыла один глаз.

– Вить, на тебя только в темноте смотреть можно. Какой же ты худющий... а ты случайно не светишься ночью? – и расхохоталась своей шутке.

– Нет, – Виктор обиделся, и это чувство, он понял, не испытывал давно. – Не свечусь.

– Да ладно. Ты такой хороший, девушку приютил, – она лежала на настиле и прижималась к печке.

–Ммммм... как тепло... Витя... приходи быстрее с работы... – и она уснула.

... На уроках он был рассеян, путал имена и фамилии де-

тей, чем приводил их во всеобщий восторг и смех.

– Виктор Васильевич сегодня меня Гришкой назвал! – И смех опять доносился из разных уголков коридора подвала интерната. А Виктор Васильевич был действительно не в себе, то чувство, что его ждала молодая женщина было особенным! В его постели! Он старался вспомнить, когда это чувство ожидания он испытывал последний раз.

– Виктор Васильевич! Виктор!

– А... – он обернулся.

– Что с вами сегодня? Какой-то вы сегодня рассеянный? – директор подошел к нему и посмотрел в глаза. Упитанный крепкий мужчина, бывший спец, ничего не упускал из виду.

– Мне доложили вы под снег сегодня попали, а снег нехороший был, ох нехороший... Может вы его и наелись ещё? Нет? Это хорошо. Продуктов хватает? Это тоже хорошо. Карточки продовольственные получили? Отоварили? Ну как нет! Над! Не ленитесь, нужно питаться. А то развели слухи, что продуктов нет!

Так, разговаривая, директор привёл Виктора к себе в кабинет.

– Садитесь, Виктор Васильевич.

В кабинете у начальства Виктор почти не бывал. Директор налил два стакана красного вина.

– Говорят, помогает от заразы, а по мне так просто веселей помирать, – и выпил одним залпом. Виктор отхлебнул – вино было хорошее, не то, что выдавали им по талоном,

порошковое. Директор сделал жест, мол пей, не стесняйся, и налил себе еще. Еле-еле Виктор осилил стакан. Директор рассмеялся.

– Эх, Виктор! Слабак ты! Стакан для мужика это ж только разминка! Давай ещё!

– Нет, спасибо, мне хватит... – он уже чувствовал, как захмелел на голодный желудок.

– Витя, – лицо директора резко стало серьезным. – Тебя любят дети, ты хороший работник, коллеги тебя уважают. Не хотелось бы тебя потерять...

– А почему вы должны меня потерять? – ужасающим шепотом спросил Виктор.

– Тебя недавно видели... – Виктор похолодел.

– Тебя видели с нашей учительницей русского.

Да, Виктор действительно нёс её большие сумки со школы к ней домой и зашел выпить чаю и отдохнуть. Но это было месяц ил больше назад.

– Ну, так а что в этом такого? Попил чаю у неё дома...

– Вот! И даже не написал докладную! – заругался директор.

– Так о чем писать? Нес сумки... пил чай... пошёл домой...

– А у нее дома нашли целый сервер, или как там это всё называется! Вещала она тут правду, понимаешь! Кому эта правда нужна? Может это ты, Витя и принёс ей это всё оборудование!

– Я?... – он вжался в кресло, всё, пропал сейчас его посадят в Бункер к туберкулёзникам – верная смерть. А как же Аля? Ведь она его ждёт!

– Точно не я! Там сумки были лёгкие! Только большие просто!

– Ну, вот, уже разговор.

Директор подвинул ему стандартный бланк донесения, Виктор ещё ни разу не писал их.

– А что писать?

– Ну... пиши... принес сумки... сидел пил чай, случайно увидел оборудование, не понял что это такое, осознаю свою ошибку, доношу сейчас. Ты что ни разу не писал?

– Нет...

Директор рассмеялся и опять превратился из грозного начальника в весёлого парня. Виктор быстро заполнил донесение на коллегу.

– Ну, молодец, Витя! А то не могу, не я! Вон как лихо накатал!

– А что ей будет? – несмело спросил он.

– Что? – переспросил директор, не отрываясь от донесения.

– Что с ней будет? – ещё раз переспросил Виктор.

– С руссичкой-то... не знаю... в Центр, наверное, заберут, чистоту наводить. Всё, иди Виктор Васильевич, не забивай себе голову, молодец. Талоны отоварь...

Виктор вышел из дверей директорской в полном опьянении, как физическом, так и моральном. Он сегодня первый раз заложил кого-то и не испытывал по этому поводу сожаленья. Получилось это как-то само собой, раньше он выкручивался, то не помнил, то писал такое его рвали и ругали за галиматью. А в этот раз он думал только о том, что его ждёт Аля, и он хочет быстрее попасть домой. «В Центр наводить чистоту» – такое он уже слышал несколько раз, говорят, никто оттуда не возвращался. Что же стало с Центром, если там так грязно...

... Брандо пришел домой к обеду.

– Привет, малыш, как дела? – сказал он мальчонке лет четырех, игравшему в кубики и потрепал его по голове, тот протянул ему кубик.

– Ты думаешь, у него сегодня слух появился?! – зло спросила молодая женщина из кухни.

– И тебе привет, дорогая! – Брандо прошел на кухню, обнял женщину за плечи, которая что-то готовила, и поставил большой пакет на стол.

– Смотри, что я сегодня принёс, – и он начал доставать из пакета разные продукты.

– Он сегодня опять наделал в штаны!

– Ну, ничего, бывает, – примирительно сказал Брандо. – Чего ты злая? Мать должна быть доброй к своему ребенку и ласковой к мужу...

И Брандо попытался обнять её.

– Отстань! Не жена я тебе! Так, приживалка! И этот – не сын, а байстрёнок!

– Не надо так говорить про сына!

– А я не хочу целый день сидеть дома с этим «малышом»! – Она передразнила Брандо.

Она часто закатывала истерики по поводу и без, но тут уже начала переходить все границы.

– Сидит, ничего не говорит, перебирает свои кубики! Надоело мне возиться с этим глухим уродом!

– Катя! Как ты можешь так говорить!

Она повернулась к Брандо, скривилась в гримасе и выкрикнула:

– Да лучше бы он от этой радиации сдох!

Широкая ладонь с размаху прилетела ей по щеке. Она отлетела в другой конец кухни, ударилась головой о стену и осела на пол, и из носа и рта потекли струйки крови. Брандо взял сладости из пакета и пошел к сыну.

– На, Петруха, держи, – он протянул ему сладкий батончик, затем достал Красную таблетку, разгрыз и маленький кусочек положил в рот сыну. – Давай, давай... жуй... Петька – байстрёнок... Не слушай мать.

Он усмехнулся последней фразе. Откусив батончик Петька протянул его отцу, Брандо тоже откусил, довольный, Петька доел весь, чавкая и улыбаясь во весь рот чернеющими зубками. Закрыв лицо Брандо тихо всхлипнул...

...Аля была у него, ждала с работы. Его давно никто не

ждал. Виктор шёл домой быстро. Нет, было же время, меня тоже ждали! Или нет? Он уже засомневался, а было ли по другому? Или эта радиоактивная пыль летом и снег зимой были всегда? Говорят, у каждому спеца есть жена, вот кого ждут с работы! И даже дети у них рождаются, правда, малышом он никогда не видел. Так, удивляясь своим новым мыслям и чувствам он добрался до квартиры. Дома! Она была дома! Лежала в его постели под одеялом и брюки со свитером повешены на спинку стула. Она голая там, что ли? – удивился Виктор. Он не вспомнил – давно ли видел голую женщину. Ну да, может быть, в студенчестве, но как-то эти воспоминания были смутные.

– Душ. Ты хотела принять душ...

Она откинула одеяла и действительно, Аля лежала голая, но в руке держала пистолет.

– На всякий случай, – небрежно сказала она, и сунула его под подушку.

Сев на кровати она посмотрела него, Виктор, краснея изучал её тело. По всему телу были шрамы и ссадины, натёртости и мозоли. Женщина была молодой, но кожа не пылала свежестью. Её фигура была худой и жилистой, как раз для выживания.

– Когда – то я была второй красавицей во дворе, – она встала и прижалась к нему грудью.

– Почему второй? – спросил он заикаясь.

– Первой была моя подруга, но неудачно вышла замуж.

Побрейся, – и дернула его за щетину, на которую он не обращал внимания уже больше месяца, а то и двух .

Он отстранился от неё.

– Надо печку растопить... тогда вода будет горячей.

– Ого! Так душ ещё и горячий! За это надо выпить! Достану я ради такого дела спирт! Витя ты пил спирт?

– Ну было дело... давно... – он начал возиться с печкой. – Готово!

Аля накинула свитер и ходила по полу между капканами босиком, в руке у неё была армейская фляжка. Она болтнула около уха – ещё есть.

– Ну... Пойдём, покажу как душ работает...

Они прошли в соседнюю комнату и Аля встала в тазик.

– Вот, давишь на эту грушу ногой и вода течет.

– Как интересно...

– Нагнетается давление... по трубам проходит... там котел... в печке.. греется... – путанно объяснял Виктор, глядя на голую Алю.

Она нажала на грушу

– Воды нет... – сказала она, посмотрев вверх.

– Надо несколько раз, накачать...

–А! Поняла! – весело сказала она, надавила ногой на грушу, и из трубки полилась горячая вода. Она подняла руки вверх и засмеялась. Виктор стоял рядом и улыбался во все свои желтые зубы. Счастье – мелькнуло у него в голове. Она внезапно схватила его и крепко поцеловала мокрыми горя-

чими губами. У него закружилась голова. Она стала раздевать его, снимая засаленную рубаху, он торопливо скидывал брюки.

– Залазь ко мне, – сказала она. – Мыло есть?

Он кивнул головой в угол, прыгая на одной ноге в штанине. Аля взяла мыло, оно треснутое, твёрдое как кирпич и таким же цветом, с одной стороны было объедено крысами. Она повертела его в руках.

– Когда ты последний раз им мылся?

– Не помню... – и Виктор вступил в тёплую воду в тазике. Аля наступила на грушу – потихоньку побежала вода.

– Как здорово ты придумал... Так бы и стояла тут... под тёплой водой... и не знать ни про какую радиацию... ни про какой взрыв... – она прижалась к нему всем телом. Виктора бил мандраж, он наклонил голову ей на плечо. И обнял её.

– Смелее! Витя! – смеясь, сказала она и, надавив на грушу, под струёй воды, начала его намыливать и мылиться сама. Он стоял, боясь, что сейчас проснётся и всё это исчезнет – и Аля и её смех и...

– ...Какой взрыв? – спросил он вытирая пену с глаз.

– Что? Как какой? Ты ничего не знаешь? – она перестала мыться и посмотрела на него внимательно. – Откуда по твоему радиация?

– Ну... сказали метеорит упал... – начал было Виктор.

Аля подняла вверх брови и покачала головой.

– Нет? Так ничего же нет ... ни радио, ни телевизора ...

ничего не узнать... – начал было Виктор.

– Шесть лет прошло, Витя, а ты даже не попытался узнать, что же всё-таки произошло?

Виктор обескураженно тёрся дальше, теперь он уже стеснялся и её и своего худого тела.

– У нас одна на работе что-то пыталась узнать, – оправдываясь сказал Виктор. – И её теперь отправили Центр чистить.

На этих словах Аля на секунду перестала мылиться, потом опять продолжила.

– Из Центра не возвращаются, – сказала Аля тщательно скребя себя. В тазике начала образовываться черная пена. Аля хорошенько намылила волосы и взяла бритву. Клочки волос падали в тазик.

– А так меньше заразы всякой пристаёт. От «метеорита», – передразнила она его.

Окончательно смыв остатки волос, Аля стала похожа на героиню из кинофильма, вот только Виктор никак нее мог вспомнить какого. Намылив щетину Виктору, она ловко побрировала и его. Тот только постанывал, мычал и охал.

– Ну! Аж помолодел!

Выйдя из душа, Аля взяла тубик из несессера и намазала душистым кремом голову себе и лицо Виктору. Давно он не ощущал такой свежести на лице, аж глаза защипало.

– Ну теперь, – она разлила спирт по двум кружкам. – Давай выпьем, Витя! За тебя! Спасибо тебе!

И одним глотком выпила.

– Сейчас я закуски соображу, – засуетился Виктор и пошел во вторую комнату.

– Не надо! В этом весь кайф!

Открытые банки с консервами, поставили их на печку греться. Аля налила себе и долила Виктору в не выпитый стакан.

– Стратегический запас! На все случаи жизни. И для дезинфекции, и для обезболивания, и для обездвиживания. Эх, заканчивается! Ну! Давай!

Виктор выпил и закашлялся.

– Носом вдыхай! – смеялась она. – Выдыхай ртом!

Но Виктор всё делал наоборот, и, задыхаясь, выпучивал глаза и мотал головой. Аля хохотала.

– Ну, отошёл?

Он всё ещё мотал головой и махал рукой перед ртом...

– Да сколько же тебя можно ждать? – она крепко схватила его и бросила на деревянный настил, тот немного хрустнул.

– Ну... с бабами- то помнишь ещё как управляться?

И нырнула к нему под бок, настил захрустел и треснул, Аля и Виктор провалились в середину кровати. Они расхохотались. Принеся, ящики и тряпки, Виктор приподнял и выровнял сломанные доски.

– Ну, ты точно, один жил! – хохотала Аля.

– Почему это? – ремонтируя, спрашивал Виктор.

– Да потому что у тебя кровать целая! – заливалась Аля. – Вдвоём бы давно разломали!

Виктор тоже посмеивался, да уж! Казус вышел!

– Слушай, я так не смеялась Ну очень давно! Ты сегодня для меня устроил настоящий романтический вечер! – с этими словами погасло электричество.

– Десять часов, пятница, на час дольше, – сказал Виктор.

– Нет ничего лучше бесплатных радостей... их почти не осталось...

Он почувствовал её прикосновение и упал, нет, не на кровать, а в бездонный колодец...

... Брандо пришел на работу раньше на два часа, дома быть не хотелось. Он уже написал рапорт, где свалил всё на Глота, который упустил незнакомку в комбезе, мысли его были о сыне и жене. Так дальше не может продолжаться надо что придумывать, истерики у неё всё сильнее, того гляди и сделает что ни-будь с Петькой. А может не ходить сегодня к этому Виктору? Ну чем может быть занят учитель в субботу? Ну, наверняка жрёт ворованные консервы, ну и всё. Да и то, вряд такой способен украсть – своё отдаст. Да, такой отдаст и своё. И у Брандо моментально созрел план. Он пошёл в спец склад, за толстой дверью он набрал разного: тут было и настоящее вяленое мясо и сгущенка и усиленные Красные таблетки, взяв немного, чтобы было не заметно отсутствие продуктов, он вернулся. Решив не сильно пугать Виктора утренним появлением, он решил сделать небольшой подарок – мол, мы не только караем, но и премируем, если согласишься на наше предложение. Внештатником – вот что хо-

чет предложить Брандо Виктору! В тепле, сытый, нормальная квартира, женщина будет, отъешься. Всё-таки какое-то уважение у Брандо к Виктору появилось.

...В эту ночь они не спали. Аля рассказала Виктору, что уже она идёт на Восток, где радиации вообще нет. По её подсчётам, надо пройти ещё две тысячи километров. Перевалить через Восточный хребет – и ты попадёшь в Край тысячелетних сосен! А там никакой радиации нет! И там можно прожить до ста пятидесяти лет! Там лечатся все болезни! Там рождаются здоровые дети!

– И ради этого я иду туда уже два года!

– Сто пятьдесят?! – удивлялся Виктор, надеясь дотянуть хотя бы до пятидесяти.

– Да! – мечтательно говорила Аля и опять набрасывалась на обессиленного Виктора.

– Пойдёшь со мной? – спросила она неожиданно.

– Прожить сто пятьдесят лет с тобой я бы не отказался, – ответил он, переводя дух...

... Пять спецов подошли к подъезду Виктора на рассвете. Брандо держал вещмешок с консервами и мясом – подарок.

– Ждите здесь, я один, – сказал Брандо своим.

– Ты же напугать этого учителя хотел!

– Цыц! Отставить пугать! Я один, будьте на рации, если что... хотя, что может быть?

...Аля открыла глаза и тихо вытащила пистолет из-под подушки. Виктор, насладившийся за ночь любовными утехами

сполна, спал.

– Стучат... – шепотом сказала Аля на ухо Виктору.

– ...да это крыса в капкане... – сквозь сон бормотал Виктор.

– В дверь стучат, Витя! – настойчиво сказала Аля.

Виктор похолодел.

– Как стучат? Кто?

– Не знаю! Баба твоя ревнивая, наверное!

– У меня нет... бабы... ревнивой...

В дверь настойчиво постучали ещё раз.

– Ну чего лежишь? Открой...

–Иду! – крикнул Виктор и голос его сорвался.

Он кое-как накинул рубаху, накрыл Алю одеялом. Пройдя осторожно между капканами, он открыл двери. Увидев Брандо, он крикнул от неожиданности, отступил назад и потерял равновесие. Падая, он задел стул, упал сам, угодив в несколько капканов, сверху на него упал стул, собирая капканы по полу. Виктор взвыл от боли, закрутился по полу, попав ещё в несколько крысиных капканов. Аля выглянула из-под одеяла. Брандо, стоящий на пороге открыл рот и выронил мешок от такой сцены. Он совсем не ожидал увидеть: вопящего Виктора, голую лысую женщину в кровати.

– Ты... кто? – спросил у Али. Сквозь одеяло раздалось два глухих выстрела. Брандо упал, дверь в квартиру закрылась. Отцепив капканы с Виктора, Аля начала быстро одеваться.

– Не знала, что ты со спецами дружишь, – зло говорила

она.

Виктор ничего не отвечал, он тихонько выл, потирая прищепленные места, кое-где шла кровь, были большие гематомы.

– Где мой комбез? – закричала она, от ночной ласковой женщины не осталось и следа.

– Ты меня продал! Чтоб ты сдох! – и Аля ударила его по щеке.

Аля вспомнила, что Виктор что-то говорил про последние этажи. Проветривается! – вспомнила она. Держа пистолет перед собой, она осторожно открыла двери. Там стояло пятеро спецов! Один из них держал её зелёный комбез! Тот, здоровый в которого она стреляла стоял и держался за грудь бронежилета – там были две вмятины от пуль.

– Ребро мне сломала, – сказал он спокойно и ударил её здоровым кулаком прямо в нос, пистолет отлетел в сторону. Аля упала к ногам Виктора без сознания...

... Глота вывели из Бункера. От упитанного и круглолицего спеца не осталось и следа. Нет, он был такой же пухлый, но выражение лица говорило о пережитых страхах и муках в Бункере рядом с неизлечимо больными. Его привели в камеру допросов, но наручники не стали надевать, что было странно. По обратную сторону стола сел Брандо.

– Глот, – начал он. – Ты ошибся...

– Брандо! Не бросай в Яму! – Глот упал на колени перед своим бывшим начальником.

– Не перебивай меня! И встань! – Глот послушно сел на холодную железную лавку, и глотая слёзы и сопли преданно посмотрел на Брандо.

– Ты хочешь искупить свою вину?

– Конечно! Что нужно делать!?

– Нужна информация, и как можно более точная, чем быстрее добудешь, тем быстрее восстановим... в спецах, – Брандо махнул рукой и в зал ввели Алю. Руки были закованы в наручники сзади, лицо разбито, нос сломан, на пол кинули зелёный комбинезон. Глот привстал.

– Не может быть! Не может быть! Так вот из-за кого я оказался в Бункере! – и в два прыжка оказался около неё. Он поднял её подбородок.

– Оу! Все зубки целые! Да тебя ещё и не допрашивали по настоящему! – и что есть силы дал ей под дых. Аля захрипела и упала.

– Брандо, а зачем ты её побрил? Даже схватиться не за что!

– Это так и было. Информация, Глот! Мне труп не нужен! – и пошел к выходу.

– Будет в лучшем виде! – и Глот расхохотался.

Разорвав на ней остатки одежды, он заволок ею грудью на стол. Возбуждённо дыша, он спустил штаны и подошел сзади, но тут она схватила его за пах наручниками. Острые края наручников больно сдавили нежные органы, Глот закричал что есть силы, Аля ещё сильнее сдавила наручники между

собой у Глота полилась кровь, он заверещал как поросёнок и начал колотить её по спине руками. Вырваться было только больнее. Наконец боль достигла точки, которую нельзя было терпеть – Глот затих и обмяк. Аля разжала руки, он упал на пол без сознания. У Глота между ног было месиво, кровь пульсировала, он стонал. Она плюнула ему в лицо кровью, другого во рту у неё не было. И только в этот момент влетел спец одним ударом дубинки уложил Алю на пол.

– Глот...извини... я думал ты её того... ты у нас ещё тот извращенец, – и выйди из камеры позвал врача...

...В соседней камере, прикованный наручниками к столу сидел Виктор и рыдал. Напротив сидел Брандо и курил.

– Ну какие тысячи километров? Ну какие горы? Какие сосны? Чего ты мне тут лепишь? Тебе девка лапши навешала, в постель затащила, а ты как тютя и поверил.

– Она говорит..., – всхлипывая, говорил Виктор. – Уже два года идёт туда. Там радиации нет, живут сто лет... болезни лечатся... дети здоровые... да я вообще не знаю кто она такая! Тварь! Подставила!

–Ну, Виктор, нехорошо так, переспал с женщиной, с такой красивой, и «тварью» называешь, – Брандо умело вел допрос, вкрадчивым голосом он помогал Виктору потопить самого себя.

– Ну, так что она ещё говорила?

– Лодка, говорит, взорвалась, подводная, ядерная, – утирая слезы плечом, говорил Виктор.

– И ты поверил? – участливо спросил Брандо. – Где лодки и где мы? Тысячи километров!

– А что же тогда это всё? – машинально спросил Виктор, и тут же получил лёгкий удар в ухо.

– Умный, а такие глупые вопросы задаёшь, – строго сказал Брандо. – Напишешь всё, как было, подробно, и пойдёшь домой, детишек сопливых своих учить.

Виктор кивнул, потирая ухо.

– Хотел я тебя на работу взять, да подвёл ты меня. Ну ладно, пойдём, кое-что покажу, – он снял наручники и повёл Виктора в соседнюю камеру. Втолкнув его, он кинул на стол пачку бланков, дал ему ручку и, показав «пиши», закрыл дверь...

...Брандо зашел к Шефу.

– Вызывал?

– Кого ты там опять наловил? – усмехаясь спросил Шеф.

– Не стоит твоего внимания, Шеф, мелочевка, мои спецы разберутся.

Шеф налил алкоголь в толстый стакан и протянул Брандо, тот повёл носом и покачал головой.

– Отличная вещь, Шеф! Давно не пробовал, – и мелкими глотками начал смаковать напиток.

– Слушай, Брандо, можем хорошо заработать, – начал Шеф.

– Всегда рад, Шеф!

– Но только ты и я, ну может ещё одного возьми из спецов,

на всякий случай. Делим пятьдесят на пятьдесят.

– А спец?

– А ему... не надо. Возьми какого ни-будь по моложе, кого не жалко. Мало ли чего...

– А что делать- то?

– За городом, за нашей территорией, какие-то гопники у кого-то отжали целый бензовоз.

Брандо удивился, ого! Подумал он, сейчас бензовоз – это целое состояние! За такое могут и убить! Вообще- то убить могут и канистру бензина, а тут – бензовоз! Тонн пять-шесть!

– А что за гопота?

– Да в том- то и дело, что залетные! По ходу дела – зеки беглые.

Это было хуже, подумал Брандо, за это время, если их не поймали, они поднаторели в разбое!

– Не вопрос, Шеф! А ещё есть информация о них?

– Вроде как три человека и три автомата, но это всё не точно, – и он показал на мониторе, где была замечена машина с топливом...

...Тут он заметил, что на бетонном полу лежала Аля, лица было не узнать: запёкшаяся кровь, нос повернут в бок, на бритой голове большой шрам. Виктор стоял и боялся подойти.

– Аля, – тихо позвал он. Трудно было поверить, что ещё несколько часов назад они лежали в теплой кровати обняв-

шись, а сутки назад он вообще её не знал. Он всё-таки набрался смелости, подошёл и поднял её скользкое от крови голое тело. Усадил на железную скамью, она посмотрела на него опухшими от синяков глазами.

– Я всего лишь хотела попасть в Край тысячелетних со-сен, – прошептала она.

Виктор не смог ей ничего ответить.

– Прижми меня, мне холодно...

Виктор быстро снял с себя кофту и надел на Алю.

– Выпрями мне нос, я хочу быть красивой.

– Нос? Как?

– Вон, ручкой, сунь в нос и поверни сторону.

– Я не смогу! Я никогда так не делал!

Аля заплакала от бессилия, слезы смешались с кровью.

– Ну, пожалуйста, – попросила она, – я хочу умереть красивой.

Виктор дрожащей рукой вставил авторучку в нос Але,

– Глубже, и потом резко поверни, – прогнусавила она.

Виктор ещё вставил ручку ещё глубже, Аля посмотрела ему в глаза, зажмурилась и вся напряглась. Виктор резко повернул ручку в носу Али, он хрустнул, она дернулась всем телом, вскрикнула и повалилась на лавку. Из носа и рта хлынула кровь. Наконец, придя в себя, она открыла глаза.

– Не в ту сторону, – слабо сказала она.

– Что? – переспросил Виктор.

– В другую надо... Погоди... передохну... давай!

Виктор дрожащей рукой повернул ручку в другую сторону, Аля выпучила глаза и тихо вскрикнула. Нос, похоже, встал на место. Она уронила ему бритую голову на грудь.

– Спасибо, – сказала и зарыдала...

...Брандо взял с собой Ёжика, его было хоть и жалко, случись чего, но он надёжный и толковый спец. А что взять с молодого, как советовал Шеф? Он уже года два в поля не выходил, да он и из кабинета своего столько не выходил, живет там... Они подошли к предполагаемой точке, Брандо посмотрел в оптический прицел, да машина была, УРАЛ, припорошена снегом. Почему не уехала? Чего торчат здесь? Если есть столько горючки, то надо рвать когти! Может, потому что пустая? Он внимательно посмотрел на осадку машину – не понятно. Людей вокруг не было. Придвинулись еще ближе, машина хорошо виднелась, кабина была пустая, нет, людей вокруг точно нет.

– Ёжик, – прошептал он. – Что любишь больше – сгущенку или хамон?

– Обе сразу, – шепотом ответил Ёжик.

– Так нельзя.

– Нельзя есть вместе?

– Говорить так нельзя, неграмотно.

– Нужно говорить «и то и другое».

– Я школу не закончил...

– В общем так, Ёжик, если мы этот УРАЛ привезём домой целеньким, можешь смело взять со склада ящик сгущёнки и

Шеф отдаёт тебе хамон.

– Ого! Прямо целый!

– А то!

– А ты?

– Ну, ты же угостишь меня кусочком?

– А как же! Но с те тебя бутылка!

– Договорились!

Помолчали

– Ёжик, как думаешь есть места, где нет радиации?

– Наверное... где-то на краю земли... далеко от сюда...

И в этот момент, пока Брандо с Ёжиком перешептывались, раздался звук приближающегося автомобиля. К бензовозу медленно подъехал УАЗ с бочкой прицепом.

– Брандо, что это?

– Не знаю, Ёжик.... Смотри давай, – велел Брандо, и сам смотрел на всё происходящее через оптический прицел автоматической винтовки. Из УАЗа вышло шесть человек, у всех было оружие. Ёжик удивлённо посмотрел на Брандо.

– Чего-то много... Банда прямо... Столько не заказывали...

– Вижу, вижу, ты смотри...

Они подогнали бочку впритык с бензовозом и начали подцеплять шланги, наконец, послышался жужащий звук.

– Помпа, – сказал Ёжик. – Мы так по молодости бензин тырили. Точно.

– А вот куда они его? В бензовоз или оттуда? Ну-ка по-

смотри, мародёр малолетний.

Ёжик внимательно смотрел в оптику.

– В бензовоз! – чуть не заорал Ёжик

– Тихо- тихо, молодец, – успокоил его Брандо. – Ну. схема понятна. Сейчас они его заполнят и уедут. В цистерне около...

– Пять тонн, – сказал Ёжик. – И ещё чуть-чуть.

– Интересно, а где они его берут? Надо бы спросить... Ну, что ж, подождём... Ёжик, следи за ними, – и Брандо закрыл глаза. Надо составить план.

Наконец, помпа перестала работать, вокруг машин началась суeta, мужчины начали махать руками и ругаться. Один залез на бензовоз и задраил люк.

– Полная, – предположил Ёжик. – Что делать будем? Стрелять никак, взорвём всё.

– Смотри вон, слева что видишь?

– Ай да Брандо!

Слева, к дереву прислоненные стояли шесть автоматов.

– Бьём прямо в корпус, одновременно. Поехали!

Раздались выстрелы, автоматы, стоявшие у дерева разлетелись в щепки.

Люди у бензовоза не ожидавшие такого, спрятались за машину.

– Теперь быстро! – сказал Брандо. – Как по учебнику!

В левую взяв пистолет, а в правую длинный нож, он, согнувшись побежал к машине. Увидев, человека бегущего к

ним, из-за машины вышел один из бандитов и направил на Брандо пистолет, Брандо упал, раздался выстрел, пуля прошла выше, еще выстрел, еще выше. Бандит медленно пошел к нему, остальные пятеро вышли из-за машины. Когда до Брандо оставалось метров десять, раздался глухой выстрел и человек, шедший к нему, упал с простреленной головой, Брандо быстро встал и побежал опять к машине. В это время Ёжик, обойдя машину сбоку прицельными выстрелами положил ещё двух, остальные трое кинулись в лес, но выстрелы Брандо и Ёжика настигли и их. Всё произошло в полной тишине, были слышны только выстрелы.

– Жаль, не узнаем где брали.

– По следам можно, – сказал Ёжик.

– Следопыт... оружие собери, – ответил Брандо.

– И сломанное?

– Особенно его. Поедем на бензовозе, а завтра ты со спецами придёшь – подчистишь здесь. Молодец, Ёжик! – и Брандо похлопал по полной цистерне...

...В камеру вошел спец посмотрел на пустые листки на столе, подошел к обнявшемуся Виктору и Але.

– Тебе сказали написать! – он схватил его за шиворот и посадил за стол.

– Я ничего писать не буду! – Виктор впервые почувствовал себя смелым, и теперь он может эту смелость показать перед Алей. Спец усмехнулся, достал небольшой терминал и включил перед Алей. На видеозаписи было видно, как Вик-

тор сидит и плача, говорит: «..я не знаю кто она такая! ...она меня подставила! тварь! я всё напишу...».

– Ну, смелый стал? Пиши, давай!

Аля молча всхлипывала. И, взяв её за скованные руки, повёл по длинному коридору в Бункер...

... Брандо очнулся на холодном полу, было сыро и темно, кругом тихо разговаривали люди, кашляли и стонали. Он попробовал встать, но руки были в наручниках за спиной, ноги тоже были скованны. Болело всё тело, особенно шея, кололось бешено сердце и дыхание было прерывистым. Сквозь проблески сознания он помнил, что пришёл к Шефу и рассказал об операции. Затем он почувствовал удар в шею и... всё! Он сел и прислонился к холодной стене, полегчало.

– Командир... Брандо... – раздалось из темноты, он напряг зрение

– Ёжик, ты?

–Я...

– Что случилось?

– Не знаю... вроде ударили... шокером...

– Шокером значит... Шеф нас продал за бензовоз, Ёжик, вот что случилось, делится не хочет, – Брандо замолчал.

– Плакал мой хамон, – невесело сказал Ёжик.

И вдруг по носу со скользом Брандо получил удар, у него зазвенело в голове.

– Это тебе за мой нос, здоровяк! – услышал он знакомый голос.

Придя в себя и ожидая ещё удара, он тем не менее он спросил:

– Лысая, ты что ли?

И тут же получил второй удар в челюсть. Придя в себя, он сказал:

– Ёжик, уйми эту дуру.

– Не могу, Брандо, весь в наручниках, – весело сказал Ёжик. – Она и мне уже насовала!

И расхохотался. Глаза окончательно привыкли к полумраку. Большой Бункер был заполнен наполовину – было человек пятьдесят, Брандо с Ёжиком лежали в самом углу, у выхода. Рядом, в одном свитере, натянув его до колен, сидела Аля.

– Ну, что делать будем? – спросил он.

– Вариантов нет, – грустно сказал Ёжик. – В Центр отправят.

Аля пнула Брандо ногой.

– Всё из за тебя, урод! Ещё бы два года и я уже всё! Дошла! Вот чего ты ко мне прикопался? Получил? Так тебе и надо!

– Слушай, – Брандо включил свой проникновенный голос, как на допросах. – А расскажи, что ты там Витьке рассказывала: про Край берёз, про столетних жителей, где никто не болеет?

– Ну, во-первых не берёз, а сосен, а во вторых не сто, сто пятьдесят. Но вот тебе рассказывать ничего не буду!

– Да ладно ты! Может это наш последний день – завтра

отправят в Центр и всё! Нет тебя! Давай, рассказывай, считай, что мы квиты! Вон как ты мне засадила между глаз и в челюсть! И Ёжика отмутузила!

– Точно, отмутузила! – подал он голос.

– А я тебя всего один разочек, в нос, бам...

– Ну и скотина же ты! – но женская болтливость взяла верх и Аля подрагивая от холода начала рассказывать, всё что знала...

...Питон видел, как мимо проволокли без сознания и в наручниках Брандо и Ёжика. Что же такого мог сделать его командир и старший напарник?! Уж если с ними так обращаются и их жизни ничего не стоят, то что могут сделать с ним! Всё это он думал, вертя в руках ключи от Бункера. Решится? А дальше? Плана не было. А вот у Брандо всегда он был! Да! Потому что надо подумать! Так! Подумать... Питон сел потёр лоб! Точно! Всё должно быть просто! Очень просто! Он взял ключи и пошёл в Бункер...

...Ключ в дверях повернулся и Брандо сказал:

– Это точно за нами, спасибо тебе, Ёжик! А ты извини...

Аля, – он впервые назвал её имя.

– Тебе спасибо командир! Ну а ты, если что – бей сильнее!

А то бьёшь как девчонка!

– Ну, не скажи! – возразил Брандо.

– Живой не дамся! – сказала Аля. – И при возможности

Витьке оторву чтонибудь!

– Брандо, – из-за двери раздался шепот.

Брандо не поверил своим ушам .

– Питончик? – сказал он удивлённо. – Тебя за нами прислали?

– Нет. Я сам.

И Питон спустился в Бункер, осветил фонариком на командира и Ёжика, лица у обоих были разбиты.

– Отделали вас!

– Да нет! Это вот она! – и кивнул на Алю, Питон осветил на неё.

– Короче, есть план, только надо быстро! – говоря это, Питон отмыкал наручники. – Прыгаете в машину и даёте дёру.

– В какую машину? – спросил Брандо.

– УАЗик, я к дверям подогнал, который вы вчера отжали в лесу вместе с бензовозом.

– А бензовоз где?

– Так там же и стоит, где ты его оставил, его спецы охраняют.

– Сколько? – спросил Брандо.

– То ли три, то ли два...

– «То ли, то ли», – передразнил Брандо Питона. – Ты же спец! Точно должен знать!

– Три! Точно три!

– Значит так! Питончик, найди комбинезон вот этой дамы, – он указал на Алю. – И наши принеси!

– Нет проблем! Я знаю, где её вещи!

Аля удивлённо посмотрела на Брандо, но ничего не ска-

зала

Через десять минут они были полностью. Питон стоял у дверей

– Значит план такой, – шепотом сказал Брандо. – Хода назад у нас нет, отбиваем бензовоз и едем в твой Край тысячи сосен.

Аля молчала

– Я не поеду! – сказал Ёжик

– Тогда тебе хана.

– Я пойду на юг, за Большую стену.

Брандо посмотрел на Ёжика и обнял его.

– Смотри не сдохни, Ёж!

Все тихо вышли из Бункера, на Алю накиннули черную куртку спеца и надели респиратор.

– Жди меня у ближайших домов, – сказал Брандо Але, куда делся Ёжик он заметить не успел.

– Привет, парни, надо перегнать в другое место, – сказал он спецам, охранявшим бензовоз. Командирский голос сделали своё дело, они послушно ушли. Брандо завёл машину и медленно тронулся в сторону Али.

– Садись быстро! – он на ходу открыл дверь, Аля запрыгнула в кабину.

– Как ты так быстро!

– Быстро не быстро! Поехали!

Проезжая мимо знакомого дома он вдруг сказала:

– Стой! Возьмём Виктора.

– Ага! На самое лучшее место его посадим! Виктора! Да он тебя предал!

– Знаю, – тихо сказал Аля и открыла на полной скорости двери. – Я выпрыгну сейчас!

– Дура! – крикнул в сердцах Брандо и резко тормознул. – Пять минут забрать этого сопливого!

Аля моментально скрылась в подъезде...

... Виктор лежал на сломанной кровати и вспоминал прошлую ночь с Алей. Без капканов крысы бегали по полу и принюхивались, вставали на задние лапы смотрели на Виктора. Пусть они меня сожрут, решил он и отвернулся к стенке. Шершавая рука коснулась его щеки.

– У тебя три минуты на сборы, – сказал Аля.

Аля?! Он подскочил. Аля! Она стояла перед ним в том самом зеленом кобеше.

– А? – спросил он тупо. – Как это... ты...

– Уже две.

Не задавая больше вопросов Он моментально оделся, метнулся во вторую комнату, вещмешок с консервами был наготове.

– Пошли.

Он молча обернулся на своё жилище, привык он к нему. Больше не увижу – мелькнула мысль. Дальше он ничего не спрашивал и не чему не удивлялся. Сев в машину между Брандо и Алей он понял – теперь назад точно дороги не будет!

Брандо не торопясь ехал вдоль домов и о чем-то думал.

– Ты с детьми управляться умеешь?

– Да, – ответил Виктор.

– Да не ты! Аля, умеешь?

– Справлюсь! Мальчик, девочка?

– Мальчик!

Аля улыбнулась разбитым лицом.

– Всегда хотела пацана!

– Сейчас будет тебе пацан! – Брандо резко свернул в переулок и погнал к своему большому дому...

...Машина третьей сутки мчалась по бездорожью, объезжая города, дозиметры молчали, в кабине было жарко, Петя спал на руках у Али. У Брандо давно не было такого хорошего настроения. Спидометр отсчитывал километры на восток, впереди Край тысячелетних сосен! А горючки у нас хватит! Точно хватит, улыбаясь, думал Брандо. Аля положила голову на плечо к Виктору и запела колыбельную...

1946 г. Одесса. Коммунальная квартира.

1

– Дяденька, а вы правда милиционер?

– Правда, правда, иди, мальчик, к маме...

– Дяденька милиционер, а вы здесь будете жить?

– Буду, буду, иди, мальчик, к маме...

– Дяденька милиционер, а я уже покакал.

Ложка с борщом не дошла до назначения, старший опер-

уполномоченный Петров, командированный в Одессу, с тоской посмотрел на кучерявого мальчонку, вспомнил мамкины пельмени, сало, холодец, вздохнул, и проглотил суп.

– Сёма, шо ты пристал к гражданину майору, иди жри уже свой холодный кнѣдлик и получай свой утренний подзатыльник.

– Я не майор, гражданочка, я старший лейтенант.

– Ой, та по мне хоть подполковник! Всё ж новый человек в доме. Сёма жри ртом! Шош ты футбол в окно смотришь? – и высунувшись в окно закричала на пацанов, гоняющих мяч: – Эй, шлемазлы, шоп вы сдохли! Шо ж вам подлецам не спится с утра! Бросьте мяч и идите курить часа на пол, пока Сёма не поел кнѣдлик!

Старший лейтенант удивлённо посмотрел на молодую женщину:

– Зачем вы их... курить отправляете? Они же ещё дети!

– Ой, да в каком месте организма они дети! Одному пятнадцать, другому шестнадцать. Вы бы разобрались с этими бандитами, гражданин начальник. Сёма с их кушает плохо, когда из окна смотрит.

Старший лейтенант доел борщ.

– Спасибо! Сара Абрамовна! Вкусно!

– Ой, можно да просто Сарочка, и где же ви тут поняли вкусно? Вода в капусте и ложка соли. Вот приедет мой дядя Зяма из Винницы, он такую плацинду с тыквой сделает, шо я вам так скажу – ви не зря сюдой приехали!

– Я не приехал, меня направили...

– Вот направляющий сильно не ошибся, когда направил молодого и красивого товарища майора.

– Да я не майор, я ... – он не успел закончить.

– А шо мы тут мучаем товарища гражданина начальника розыска? – на кухню вошла крупная женщина.

– Да я не начальник розыска, я ... – но его уже не слушали.

– Роза Самуиловна, ви себе идите и проспитеесь. Кто мучает? Мы говорим за дядю Зяму из Винницы.

– За дядю Зяму из Винницы?

– Да, за дядю Зяму из Винницы.

– То есть, за дядю Зяму из Винницы, которого я знаю лично?

– То есть да, за дядю Зяму из Винницы, которого ви знаете лично.

– И шо таки с дядей Зямой из Винницы не так?

– А ни шо, с дядей Зямой из Винницы всё так.

– Но?

– Но он приедет.

– Прямо из Винницы?

– Прямо из Винницы.

– Прямо сюдой?

– Прямо сюдой.

– И шо тут будет делать дядя Зяма из Винницы?

– Дядя Зяма из Винницы будет делать плацинду с тыквой.

– А дядя Зяма из Винницы знает, что он таки будет делать

плагинду с тыквой?

– Нет, дядя Зяма из Винницы не знает, что он будет делать плагинду с тыквой.

– Слушайте мене всегда, и не слушайте её ни разу, товарищ начальник розыска, – проговорила Роза Самуиловна, – когда последний раз приезжал дядя Зяма из Винницы, ви себе думаете, он сделал эту вкусную плагинду с тыквой? Нет! Дядя Зяма из Винницы сделал мне ребёнка, – Роза Самуиловна повернулась и позвала: – Марик! Марк! Шо то ты себе много спишь! Товарищ начальник хочет на тебя посмотреть, как на ребёнка!

– Роза Самуиловна! Я не хочу ни на кого смотреть! Шесть утра! Зачем вы ребёнка будете? – возмутился расквартированный милиционер.

– Ой, товарищ начальник, кричите на своих бандитов которых поймаете, а Марик вам сыграет.

– Что? На чем?

– Как что? Как на чем? Черни конечно! Этюды! На скрипке! Марк! Товарищ начальник розыска хочет послушать пятый этюд Черни!

– Я не хочу ничего слушать! Никого Черни!

– Вы что? Плохой человек?

– Нет....

– Ну, таки значит вы любите музыку и скрипку!

В дверях кухни появился заспанный мальчик в трусах, в майке, со скрипкой в руках.

–Пятый? – послушно спросил он.

Роза Самуиловна кивнула горбатым носом.

Марик заскрипел смычком по струнам перебирая пальцами.

– А ви знаете, что его отец – эта изрядная сволочь из Винницы – до войны играл в симфоническом оркестре на валторне и немного на трубе у Лёлика Вайсбейна?

– У кого?...

– Ну Лёлик! Вайсбейн! Ну откуда вам его знать! Вас же здесь не было! А какие люди его звали на похороны... Ой-вэй!

Роза Самуиловна начала рассказывать, что когда умер профессор Плешиц Осип Львович, и дядя Зяма из Винницы играл на трубе так вдохновенно и громко, что его выгнали с оркестра и не пригласили на поминки. Старший оперуполномоченный обескураженно повернул голову в сторону Сары Абрамовны ища поддержки, но та разговаривала с кем-то через окно, Сёма доедал холодный кнёдлик, пацаны во дворе докуривали папиросы, дядя Зяма должен скоро приехать из Винницы делать плацинду с тыквой, а Марик играл этюд Черни... Одесса просыпалась...

2

Старший лейтенант Петров пришёл после дежурства домой, в квартиру, где была его комната и принёс усиленный

паёк, и где, также, по комнатам жили Роза Самуиловна с Мариком, отец которого был дядя Зяма из Винницы, напротив – Сара Абрамовна с Сёмой. Ещё в одной комнате жил Рубен Лазаревич Михельсон, человек непонятного возраста, имевший непонятный род занятий – то ли ювелир, то ли антиквар, но всем говорил, что он правовед и почти что адвокат. В судах, он, конечно, бывал, но только по мелкому хулиганству или в качестве обвиняемого. Но с появлением в доме командированного оперуполномоченного уголовного розыска Петрова, Рубен Лазаревич очень редко стал выходить из комнаты, и вообще старался с ним не сталкиваться в узких коридорах дома, туалете, ванной и кухне, хотя его и звали попить вместе чаю. В самой большой комнате, по соседству с Рубеном Лазаревичем жила семейная пара из трех человек: татарин Русик Рашидов, грузин Жорик Батурдия по прозвищу Гоша Вангог и молдаванка Рада Бойко. Русик был законным мужем Рады, а от Жорика Рада была на сносях, и понятно, что он был законным будущим отцом. Эту комнату так и звали – дружба народов или третий интернационал или интернационал трёх. Как это всё случилось – отдельная история. И вот, эта отдельная история.

Рада вдруг неожиданно получает известие о том, что её новый муж, гвардии капитан Руслан Рашидович Рашидов героически сгорел в танке со всем экипажем, и пусть доблестная вдова не беспокоится, таких героев много, не ей одной такая честь, и к ордену он, конечно, представлен, разумеется, по-

смертно. Ну, а что? Генеральное наступление по всем фронтам! И Берлин на горизонте! Поубивалась, значит, с горя Рада неделю, соседки поутешали, как могли, Марк даже Шопена на скрипке выучил и играл под дверями Рады вечерами, чем доводил молодую женщину до иступления. И решила Рада Бойко заказать портрет своего гвардии капитана, героически погибшего мужа. Вроде как явился он ей во сне и говорит: «Хочу, Рада, портрет я свой геройский, чтоб с орденами и медалями, да на танке!». Ну, тут в один голос Роза Самуиловна да Сара Абрамовна – подхватили идею и даже скинулись по рублю. Художника только одного знали – Жорика из кинотеатра, по прозвищу Вангог. Его так прозвали, из-за отсутствия одного уха – на фронте осколком гранаты оторвало. Как-то командир прознал, что Жорик хорошо рисует, а то, что он тощий и в кустах не заметен – так это и к лучшему. И отправили его в тыл к немцам срисовать позиции и другие нужные детали. Жорик так увлёкся своим любимым делом, что не заметил, как фрицы сзади почти по плечу его хлопают. А боец, который должен был его охранять – прикорнул в теньке. В общем, одна, вторая, граната. Ноги – то Жорик унёс и другие части тела, а вот ухо отсекло, а товарищ его бой принял, да так не вернулся. В штабе вначале хотели его расстрелять, чтоб уж совсем не мучился без уха, но потом Жорик по памяти нарисовал всё до мельчайших деталей, потому как планшет он посеял по дороге. И ему разрешили медсанбат и спирту, а потом даже комиссовали, потому как Жо-

рик после этого ещё и косить начал одним глазом. А кому косоглазый солдат нужен? Только патроны переводить. Но рисовать не бросил – закрывает один глаз, и портрет за полчаса наваяет. Так и работал в кинотеатре – рисовал афиши, да портреты. А тут и войне скоро конец, попёрли фильмы трофейные! Только и успевал Жорик красивых мадам рисовать да джентльменов в шляпах. И приходит к нему Рада, так и так, портрет геройского мужа хочу, славного танкиста, вот только карточка есть свадебная, вы уж как ни-будь сообразите военного сделать. Смотрит Жорик на Раду одним глазом, а вторым на фотокарточку одновременно, ну а что? Косоглазие, контузия. Сделаем, говорит, по какому адресу занести шедевр? И через два дня Роза Самуиловна открывает двери, а там стоит Жорик с большим портретом в деревянной рамке в одной руке и бутылкой вина в другой. Уж такой она ему устроила допрос прямо на пороге, что он сразу вспомнил спецотдел, где его мучили вопросами. Портрет Раде понравился: на фоне танка стоял полковник в орденах и медалях, в общем-то, почти похожий на Русика. На вопрос – почему столько медалей и полковник, Жорик ответил, что еле еле удержался от генерала и Звезды Героя. Ну, это слишком! Возразила Рада, он, конечно герой, но не на столько, на том и порешили, пусть будет полковник. Портрет был водружен на комод, бутылка вина была выпита. Жорик начал приходить в гости, нарисовал Марика со скрипкой на сцене консерватории и Сёму на Красной Площади. В общем, располо-

жение Сары Абрамовны и Розы Самуиловны было завоёвано. Таким образом, к весне сорок шестого Рада была рада своей беременностью, которую было явно заметно, а Жорик довольный переехал к ней в комнату.

Как вдруг.

Апрель. Утро. Воскресенье. Звонок в дверь. Жорик пошел открывать.

Вы помните какая у Жорика фотографическая память? Он был на Красной Площади всего один час, но помнит её до каждого кирпичика и камешка, и может нарисовать хоть сейчас. А зал консерватории? Да он помнит сколько там рядов вдоль и поперёк и какого они цветом! И понятно дело, когда он открыл двери, то он узнал со скоростью летящего снаряда в обожженном лице товарища майора не кого-нибудь, а покойного мужа Рады! И с такой же скоростью он захлопнул дверь! Он знал, что единственные его рабочие инструменты это его руки и некосящий в сторону глаз, и если ему сейчас переломают руки и выбьют глаз, то, пожалуй, он не сможет зарабатывать на жизнь любимым делом.

– Её нет дома! – сказал Жорик, что первое пришлона ум.

– Кого нет? – раздалось из-за двери.

– Никого нет! – ему стало плохо и глаза разошлись по сторонам ещё больше.

Опять позвонили, более долго и настойчиво. Из комнаты вышла Рада в халатике, выпирал маленький животик.

– Ты чего не открываешь, Жорик?

– Там... это.. портрет приехал... живой...

– Кто? Какой портрет?

– Ну, полковник, только он не полковник, а майор, морда всмятку, а медалей столько же....

– Кто.....? – Рада кинулась к дверям, но потеряв чувства, повисла на руках у Жорика. Уложив её на пол, Жорик и повинувшись судьбе, которая уже стучала в двери, видимо, сорок седьмого размера, обреченно открыл дверь...

... уже был обед, но из комнаты, где жили Жорик с Радой, а до этого Рада с Русиком доносились вопли, плач, стоны, хохот, бьющаяся посуда, глухие удары, двигалась мебель, рвалась материя, два раза из дверей вылетал Жорик, больно ударялся о стенку, но опять заходил в комнату. Роза Самуиловна и Сара Абрамовна сидели на кухне тихо и немного боялись. Боялись, как бы этот воскресший танкист не поубивал всех сгоряча. Выйти они не могли, так как Русик им запретил выходить и двигаться, тем более вызывать милицию, пригрозив наградным оружием самого генерала Соломатина, а оно стреляет без осечки!

И вдруг...

Тишина.

Из комнаты на кухню слышались неуверенные шаги. Женщины втянули головы в плечи и зажмурились.

– Дайте десять рублей, – голос Жорика звучал странно и шепеляво: обе губы вздулись, запеклась кровь, синяк, глаза смотрят ровно, косоглазия не было.

– Жорик, родной, зачем тебе деньги?

– За водкой пойду, герой мириться хочет.

И дойдя до дверей, радостно сказал:

– А у меня контузия прошла! Майор знает куда бить! Танкист!

До вечера все сидели на кухне пили и решали как быть. Пригласили Рубен Лазаревича, вроде как правовед, адвокат, хоть и мелкий уголовник, может посоветует чего. Ни минуты не думая Рубен Лазаревич ответил:

– Вам надо жить втроём... – как тут же получил кулаком в лицо от совсем не настроенного шутить товарища танкиста. Брякнувшегося под стол, его, без чувств, отволокли в свою комнату. Жорик ещё раз сбегал за водкой, потом еле сходил, потом его самого унесли. Решили отложить спор до утра. Потом ещё до утра, потом до следующей недели. Потом через месяц. Потом как ребёночек родится.

А портрет майор склеил. Сам. Сильно он ему понравился. Проникновенный.

...Старший лейтенант Петров пришёл после дежурства домой, в квартиру, где была его комната, и принёс усиленный паёк. Но все уже спали. В Одессе была ночь...

Дверь в квартиру отворилась в пять утра. Человек в длинном плаще с чемоданами и узлом тихо зашёл в коридор.

– Эх... При НЭПе было лучше,— сказал он негромко и поставил в углу вещи. Слышно было, как из разных комнат сквозь тонкие стены и перегородки доносились храп и сопение: из дальней – глубокий, размеренный без переливов, явно молодой человек, с чувством выполнено долга и с чистой совестью, так спят чекисты и милиционеры – подумал приехавший. Из соседней – тихий и негромкий, ну, тут явно молодая мать с ребенком в постоянном беспокойстве за дитёныша даже во сне. Ещё из-за одной стенки доносилось нестройное трио – человек не удивился, но понять не смог: то ли взрослый сын с отцом и матерью, то ли сестра с двумя братьями. За ближайшей дверью он услышал немолодое мужское побряхтывание. Своим четким слухом человек понял, что так пугливо может спать только какой-то гражданин, а не товарищ, и конечно этот беспокойный гражданин был Михельсон Рубен Лазаревич. За последней дверью был достаточно сочный храп со свистом и второе тихое-тихое подвывание на полувдохе. Человек прислушался:

– Таки моя Розочка еще жива и в теле? А этот плод любви Марик дышит на ля-бемоль и не понимает, что его папаша стоит от него в пяти мерах. Нет, ну надо же! Я их ещё не обнял, а уже хочется уехать!

Он окинул квартиру взглядом.

– Эх... При НЭПе было лучше...

Приехавший был дядя Зямя – Зиновий Ицхакович Шляцекофер, отчаянный еврей, только что освободившийся по

амнистии.

Дядя Зяма прошёл на кухню и закурил в открытое окно, Одесса ещё должна была спать целых полтора часа, но не тут то было. Он докурил папиросу, и со словами: «Шо то вы мене сегодня не радостные, господа нэпманы», достал из своих вещей медную трубу. Выйдя на кухню, вздохнул полной грудью и, закрыв глаза, он заиграл «Рио-риту». Проникновенно. С душой. Громко. Первым в коридор выбежал из своей комнаты взлохмаченный оперуполномоченный Петров с наганом в руке, вторым выскочил контуженый танкист Русик в танковом шлеме и с наградным маузером. Оба в синих трусах и в майках, посмотрев друг на друга, молча пошли на кухню, взведя курки. Увидев двоих с оружием, Зиновий Ицхакович очень удивился и опустил трубу.

– Скажите, любезные, а теперь в Одессе каждому поцу выдают шпалера возле Дюка? Или можно их за недорого купить на Привозе?

– Вы кто такой и зачем так рано играете в нашей квартире музыку на....

– ...трубе, – подсказал Русик.

– Да, на трубе...

– Хотя у вас и интеллигентная морда, вы не можете отличить трубу от флюгельгорна. По тому, что вы грамотно ставите вопросы и не палите патронами как скаженный, и к тому же аккуратно подстрижены, скажу, что вам – вы не поц, а гражданин из органов. А судя по вашей злобной улыбке

басурманина, – он обратился к Русуку, – и непонятному головному убору, скажу, что вы, контуженный герой войны, и таки могёти сделать во мне дырку как за здрасьте, и хочу вам заметить, грозный воин, я сильно против.

Дядя Зяма поднял флюгельгорн и заиграл «Прощание славянки». Тут и Петров и Русик невольно вытянулись во фронт и опустили оружие. На припеве проснулись все, на кухню пробралась Роза Самуиловна и со слезами кинулась на шею дяде Зяме, Марик в таких же трусах и майке как у старших соседей смотрел на всё с любопытством. Прибежала Сара Абрамовна с Сёмой, не было только Рубена Лазаревича и Жорика с Радой. Кухня стала мала. Женщины обнимали и целовали дядю Зяму.

– И хде ж ты был, Зяма?! Столько лет?

– Хде был ...хде был.. Вообще-то я хотел быть в Палестинах, но был я в лагерях...

– Как в лагерях?

– Зяма? Как? За что?

Зиновий Ицхакович достал из внутреннего кармана документ:

– Нет сомнений, гражданин начальник, подлинник об амнистии. Хотя между нами говоря, Рубен Лазаревич, а кстати, где этот мелкий мошенник? Так вот, Рубен Лазаревич сделал бы эту ксиву гораздо качественнее и быстрее, понимаете? Быстрее! А не четыре года, как мой начлаг Ёонас Эвович Ясс.

Все эти слова были обращены к оперуполномоченному Петрову.

– Рад за вас, дядя Зяма...

– Марик, – он повернулся к мальчику и подозрительно спросил, – шо то ты сильно стал похож на мою фотокарточку в детстве.

– Зяма, я шо то опять плохо не поняла, – у Розы Самуиловны в голосе появилось напряжение, – тебе снова таки кажется, шо Марик не твой сын? Или ты как обычно имеешь ввиду?

– Ой, Розочка, да разве я тебе ни разу не говорил, шо такое чудо сотворить мог только я и ещё несколько красивых людей? – он погладил Марика по курчавой голове.

– Вот только не надо за несколько людей! Я их не знаю! Может они и красивые. Но я знаю тебя! Хотя твоя морда и похожа на жамкнутый сапог – мальчик удался!

– Марик, – дядя Зяма повернулся к мальчику. – Сделай себе профессию зуботехника. С такой специальностью можешь работать хоть где. Даже в тюрьме не пропадёшь, хоть завтра садись, будешь там уважаемым человеком. Уж поверь, я знаю. Это тебе отцовский совет.

– Зяма, ты наполовину дурак стал? Или с рождения на четыре третьих, как твой папаша-биндюжник? Такое ребенку советовать?

– Сесть в тюрьму?

– Нет! Пойти в зуботехники! Мальчик хочет стать канди-

датом наук за медицину!

– Розочка, дорогая, ещё нет название болезней, которыми ты придумаешь себе заболеть, чтобы Марик тебя лечил на старости лет.

– А давайте за встречу, – на пороге кухни появился уже одетый Петров с бутылкой вина.

Тут все зашумели, захохотали, начали собирать на стол, доставать рюмки и тарелки.

– А не рано ли пить? – спросил Русик всё также в трусах, в шлеме и с наганом.

– Русик, дорогой, сегодня суббота, можно начинать с самого утра, – и Сара Абрамовна обняла и поцеловала Русика. Тут в коридоре появилась беременная Рада с Жориком.

– Ой, Русик! Прямо на глазах твоей жены с отцом твоего ребенка тебя целую! Ну, это я от радости, Рада! – Сара Абрамовна задорно рассмеялась и продолжала хлопотать у стола.

Через час, когда уже на столе дымилась вареная картошка в кастрюле, была нехитрая закуска из огурцов и синеньких, соленной рыбы и зелени, все сели за стол и налили вина. Первым сказал тост Зиновий Ицхакович, он уже успел принять ванну и сидел мокрыми кудрями в мятой но чистой рубахе.

– Дорогие мои и незнакомые мне люди-граждане! Я счастливый человек! Я очень счастлив, что попал в тюрьму...

– Как? Ты что? Зяма..., – раздалось из-за стола.

– ...папрашу! ...не перебивайте! Я счастлив, – продолжал

он, – что мне пришлось играть Интернационал зимой в лесах под Омском, чем дойчетмарши в летних лугах Кракова. Поэтому я хочу выпить за сто семьдесят шестую, которая мне жизнь спасла!

– Хулиганство... – прокомментировал оперуполномоченный. Выпили.

– Первый раз пью за уголовный кодекс, – проворчал Рубен Лазаревич, его кое-как вытащили из комнаты. Он не любил компании, боялся всегда сказать лишнего или стать свидетелем чьих, как ему казалось, секретов. Тем более, здесь был Петров, а это всегда для него было тяжело и подозрительно.

– Рубинчик, дорогой, скажи мне как родной, почему ты до сих пор не в кутузке? С твоими способностями к мелким пакостям в виде поддельных дензнаков и подделок Вермеера.

Рубен Лазаревич густо покраснел и посмотрел вначале на Петрова потом на дядю Зяму:

– Зяма, скажи, а почему тебя там случайно не расстреляли? Не пришлось бы говорить на приличного человека.

– Рубинчик, дорогой, я тебя знал до НЭПа, при НЭПе, и после НЭПа, и твои дензнаки получались только всё лучше и лучше, а Вермеер всё похоже и похоже. Неужели ли ты живёшь на адвокатские гонорары с разводов бедных колхозниц и их забулдыг- мужей? Впрочем у тебя и диплом-то поддельный...

– А чего-то это они так терпеть друг друга не могут? – шепотом спросил Петров у Розы Самуиловны.

– Таки я вам расскажу эту историю, которая длится уже сорок лет...

– А вот не надо шептаться! Я сам расскажу эту историю, которая длится уже... сорок один год. Только надо вначале хорошенько выпить! Предлагаю тост за Рубинчика –изрядного мастера своего дела и такого же подлеца! –сказал дядя Зяма. Пока все выпивали-закусывали Зиновий Ицхакovich достал пачку папирос «Казбек». Побросав вилки-ложки, все оживлённо потянулись к пачке:

– Ого!

– Ну, дядя Зяма!

– Однако!

– Сёма возьми маме папироску!

– И я не откажусь!

– Одну и про запас две!

– Русик, вы не татарин – вы еврей!

– Я тоже возьму!

– А ты куда? Беременным нельзя!

Пачка опустела. Дядя Зяма смял пустую пачку и как фокусник вытащил вторую, но это была уже «Герцеговина Флор». Под общее изумление он ловким щелчком кинул папиросу в рот, закурил и пустил кольца. Марик и Сёма засмеялись и захлопали в ладоши.

– Ты где такие дорогие папиросы достал, дядя Зяма?

– В тюрьме. Я там мог достать почти всё, кроме свободы и газет... это ж вам не сельпо...

Все рассмеялись.

– Ну, рассказывай, как ты поспорился с бедным Рубинчиком, – дыхнула дымом в лицо дяде Зяме Роза Самуиловна,

– Отличный табак! Крепкий, как броня на Т-34! – просипел Русик и закашлялся.

– Русик, ты бы шлем снял, а спинджак надел, сидишь, как биндюжник на Привозе, – Роза Самуиловна, докурив свою папиросу бесцеремонно забрала дымящуюся папиросу у Русика и отправила себе в рот, – тебе вредно, ты контуженный.

– Ох, Роза, и сделать бы с тобой вот так, чтоб ты злой не была.

И Русик показал всякие неприличные движения, избавляющие Розу Самуиловну от злобы.

И Зиновий Ицхакович начал свой рассказ о ссоре с Рубеном Лазаревичем.

4

Все уселись поудобнее, раскурили еще по одной папироске, и дядя Зяма начал свой рассказ.

Было это еще в самом начале Мишки Япончика на Одессе, ну, про него отдельная история, хотя, и не такая уж он легендарная личность этот Миша, как его сподручный Гришка Заноза, который все дела и оптяпывал, а Миша был так, красивая ширма в бакалейной лавке. Так вот, при царе

и НЭПе играл я в «Гранд Бристол» в оркестре, а при Красных играл только в преферанс. Но преферанс по утрам не выпьешь, и вечером не поешь, вот в это голодное время я ходил с похоронным оркестром и играл что где перепадет. Но люди не хотели красиво умирать! И тем более платить. Боже! Как же люди умели делать себе поминки при старом режиме! Это ж была такая музыка! Шопен на всю Одессу! Умирай хоть кажен день! А мы придём и отыграем со всей своей душой и скорбью! И ни кто из провожающих не жаловался.

– Кто ж сегодня там помер? – спрашивали любопытные из окон, глядя на процессию.

– Жоржик с Павлодарской, – отвечал гобой.

– И чего же Жоржику не жилось в такую жару? – удивлялись первые этажи.

– Вот именно! В такую жару! – поддакивали верхние этажи.

– Да ты попробуй пожить с евойной женой! – возмущались вторые этажи, – враз скрючишься!

– Да много вы знаете за Жоржика? – подхватывали третьи, – Евошная жинка давно уже в Евпаторию тю-тю!

– Да это не Жоржиковская тю-тю, это Мотина!

– Да я Мотину жену вчера видела в аптеке!

– Вот! Видите! В аптеке! Совсем, значит Мотя плохой!

– Да ладно вам за Мотю! У Моти всегда был живот. Жоржик! Жоржик таки от чего помер?

– Под колесо попал, – сказал барабан.

– Авария. Точно, авария, – утвердительно покачала голова с первого этажа.

– Та не. Под колесо фортуны, – уточнили тарелки и отбили такт.

– Жоржик в тысячу рублей решил поспорить с Гришей Занозой за русскую рулетку и не рассчитал с первого раза. И его быстренько одели в деревянный клифт, а Гриша всё оплатил, – пояснила труба.

– Из выигрыша, – уточнила валторна.

– А нам премия если всё красиво и с помпой, – и оркестр дружно дунул в новый такт.

– А жена – то поди убивается? – спросило окно на углу.

– А зачем мне он такой нужен? Дурак, да ещё и дохлый! – сказала молодая в черном, идущая за оркестром.

Вот так красиво провожали в Одессе. Рождались – не знали, а помирали – вся Пересыпь с Молдованкой аж до Дюка были в курсе. Вот преставился Хома Белоконь – шибко богатый цыган. И вы думаете себе, что мы прямо прибежали петь на егошных поминках? Ну, в общем-то да, так оно и было, конечно. И сынок его, посулил нам такие деньжищи, что потом, хоть вся Одесса держись да не помирай – мы сами будем мертвые от вина и женщин неделю – другую. Вот от такой проникновенности и глубокой души нашей, сынок евойный рыдал в слёзы, а не от того, что папаня помер. В каждый бемоль мы такую силу духа вкладывали, что аж са-

ми удивлялись своим способностям, ну, конечно, за такие-то деньги... А вот к примеру, сгорел от спирту Додик, который точал шкеры почти всей Одессе. И отошел Додик в мир иной почти без порток – всё пропивал. Как узнал генерал-губернатор что Додик дух испустил, окручинился сильно, потому как таких хромовых сапог никто больше не мог сточать, и теперь ходить ему придется в мозолях. Да и пол-Одессы в его обуви ходило. И распорядился генерал-губернатор, чтобы одели Додика в лучший черный спинджак и положили его в лучший красный гроб, и кидали перед ём белые розы. И вызвал лучший оркестр, ну, нас то есть, и всё за счет Управы, понятно. И жинка евошная получила пенсию пожизненную. Как же мы играли! Это ж был чистый марципан с кардамоном! От души да с протяжкой! Да... сейчас так только героев-Челюскинцев да людей из ЦК так хоронят... Эх! Вы меня, конечно, извините, но до Революции мы были немного моложе... Так вот, теперь я вам расскажу за Рубинчика, который тогда был просто студентом академии изящных искусств. Мы как раз с ним и познакомились на похоронах: он хоронил своего прадедушку, а я играл на тромбоне, все были при делах. Но во всех следующих бедах будет виновата его соседка Лизонька, будущая сестра-медичка. Как оказалось, они познакомились таки опять тут, на похоронах. Рубен наелся винища как последний биндюжник, и мы с Лизонькой тащили этот бесчувственный организм, на второй этаж. Кинув горящего родственника, дышащего сивухой и

скорбью на диван, мы обнаружили в его комнате кучу картин в рамках и без. Оказывается этот типус неплохо рисовал! Но, мне надо было уходить, уже был вечер и у меня был оркестр в «Гранд Бристоле», а вот Лизонька осталась. Да, девушка была свободных нравов и собственно, с тонкой белой шеей. Сказав, что будет ухаживать за ним, потому что она – сестра милосердия, хоть и будущая, и выходить больного – её обязанность. Но мне было некогда её слушать глицириновый голосок – понятно, хотела остаться с этим жалким красавцем – тогда ещё красавцем – наедине, ну что, мечта любой девицы – поцелуем разбудить принца, или как там в сказках? В общем, мне было некогда, к нам приезжал кто-то из молодых дарований: то ли Вергинский, то ли Вайсбейн. Она осталась, а я ушел со своим тромбоном, крепко поцеловав её на прощанье. А вот дальше и началось стремительное падение моего слабознакомого Рубена в любовь и уголовщину. Ну и понятное дело! Вот Рубен уже и ходит в чистом, и воротнички свежие, и побрит, и пахнет не кислой капустой, а французской водой, и в лужи не наступает. И до того ему эта Лизонька кружит его курчавую башку, что он не просто с ней под ручку ходит, а и целует ее даже! И вот припёрся он на ейный курсы после лекций, дабы проводить её до дома. Ходят они по лекторию, а там всяческие бинты да повязки, ланцеты да щипцы, ножички да пилочки. Это что, а это что, а это, спрашивает Рубик вполголоса и тихо представляет, как его пият, режут и вскрывают. Жуть – делает он вывод, и уже

выходя:

– А это?

– Да это же мелкоскоп! Можно разглядеть очень мелкие вещи, и даже! Клетку!

– Чего?

– Ну.. клетку...

И тут Лизонька на беду Рубена показывает все прелести мелкоскопа. Что испытал Рубен, глядя в окуляр, трудно представить и еще труднее передать. Потому как его покойный прадедущка давно рисовал деньги, и всё они у него не получались как надо, выходило хорошо, да не хорошо. Слишком явно была для него видна фальшивка, Рубен тоже пробовал, у него получалось гораздо лучше, зрение было острее, прадедущка даже хвалил, но все равно было не то – не хватало изящества и мелких деталей. Они применяли и мощную линзу и две мощных линзы – но, фальшивки были на слабую троечку, хотя и сбывались с рук. Вскоре прадед забросил это ремесло – не хотел позориться из-за плохих подделок. И вот, глядя в окуляр, Рубен видел, как в капельки воды плавала живность и дрыгала ножками, и показалась, они дружно помахали ему передними лапками. Глазами, полными, слёз, он посмотрел на каплю воды, нет, ничего не видно, посмотрел через мелкоскоп – черт! да! они там есть! живые! и ему машут! и кричат ему – Рубен! Рубен!

– А можно я посмотрю еще что-нибудь... – по его щекам текли слезы.

– Конечно...– Лизонька положила монетку – первое, что оказалось под рукой и навела резкость.

– Вот

Рубен посмотрел и...

Вы, наверное, подумали, что Рубен увидел четкие линии чеканки и крупные буквы? А может он увидел мелкие песчинки и зазубринки? Нет! Он увидел перспективу! Рыдая, Рубен достал ассигнацию и положил под объектив микроскопа. Он увидел в мельчайших деталях волоски и полосы, букочки и рисуночки, знаки и завитушки. Лизонька, конечно, ждала эффекта, но, прямо скажем не такого. Бледная, как гипсовая статуя богини здоровья Гигии, она стояла молча и боялась прервать эмоции Рубена.

– Я могу это взять? – спросил наконец Рубен, не вытирая слёз.

– Нет, конечно! Это же казённое! – ужаснулась Лизонька.

– А купить?

– Даже не знаю...Надо у директрисы спросить..., – и боясь стать свидетелем какой-то махинации она быстренько заторопилась домой.

Через три дня два мелкоскопа бесследно исчезли из медицинского училища.

И Рубен пропал. Нет. Не то что бы он исчез, но пропал для приличного общества. Два месяца он не выходил из своей комнаты, он оброс, перестал ходить в институт, он поху-

дел, он не только перестал пускать на порог Лизоньку, но и всех, понимаете? Всех! А потом говорят, что его видели на вокзале с большим чемоданом, и всё, понимаете? Рубен исчез совсем, как снег в апреле, утёк. Прошло два года, даже забыли про него. Лизка замуж собралась. И вы думаете за кого? Правильно! За лучшего тромбона «Гранд Бристоля»! То есть за меня! И тут появляется этот поц в белом шарфе и черном котелке, пахнет – как Елисейские поля с утра, ни нос ни глаз не оторвать: костюмы заграничные, галстуки модные, перчатки белые, перстни рубиновые, и даже – страшно сказать! – слуга арап! Ходит за ним черной тенью и улыбается, а зубов у него, наверно, штук семьдесят и все блестят, аж смотреть больно! Я вам скажу как родному: Миша Япончик такое дело без налёту не оставит – столько добра в Одессу приехало и всё в одном лице! Да вот не угадал маленько Миша, и в результате гешефтмахерства так в ухо получил от арапа, что увезли его еле тепленького в больничку, где мозг ставили на место почти неделю. А вот не надо чужого брать без разрешения! Сильно его шлемазлы за своего Мишу переживали, грозились на ножи поставить арапа, да только тот им ятаган свой показал – те и побросали свои железки. Но этом их дружба только началась, в знак так сказать, выпрямления морального состояния Япончика Рубен, принес лично в больничку Мише английский клетчатый костюм и шикарный перстень. Хотя некоторые знающие говорили, что именно в этом костюме Япончика и хоронили, но это всё

враньё, он живет со своей Софочкой в Турции, хотя это тоже враньё, шлёпнули их по тихому румыны, которые были чекисты, тёмная история... Так вот, о чем они там беседовали – не понятно, но только беседовали они весь день, и всю ночь. Главврач лично проследил, чтобы у них было хорошо покушать и сладко выпить до утра. Так в Одессе за три месяца до Революции появилась огромная куча фальшивых денег. Их было так много, что они стали национальной валютой Одессы. С ними перестали бороться, потому как на выявленных десять купюр, завтра появлялся чемодан фальшивок. И приняли решение их пустить в оборот до особого распоряжения тайной полиции, которая упорно искала возможность повесить Мишу перед рассветом на фонаре на Приморском Бульваре. Но как-то всё не складывалось. И вот начинает всё сыпаться: Лизка уже хочет отложить свадьбу, Миша с Рубеном регулярно пьют в «Гранд Бристоле» и заказывают наш оркестр с Лёнкой Вайсбейном, в городе фальшивок стало больше, чем настоящих денег. И я начинаю тихонько ненавидеть этот мелкоскоп, с которого всё началось, ну и Лизку заодно. Нормальная связь, да? Но тут приехала Вера Холодная снимать киноленту, попить в Бристоле чаю и привезла новость: в Питере – Революция, вся власть у комиссаров. И вот представьте, через какое-то время я играю на трубе товарищу Ворошилову и его конармии подъем по утрам, а Лизка бинтует раненные бошки деникинским ребятам, Миша и Гриша шмонают Одессу, Рубен скупает картины. По-

женились, называется. В общем, всё из-за Рубена. Ну, Миша через полгода новой власти не нужен совсем, и Рубену чуть лоб зеленкой не намазали. Как он от ЧК выкрутился, я не знаю, и он никогда не рассказывал, единственное – может Мишку Япончика с Гришкой Занозой сдал, такое бы ему даже комиссары зачли...

– Никого я не сдавал! – Рубен вскочил из-за стола и вышел из кухни.

– Ну, нет, так нет... хотя... Много чего с тех произошло. Опять же из-за него с Розочкой познакомился. Но это уже другая история, – и дядя Зяма затянулся новой папиросой.

5

Сара Абрамовна то бегала по коммунальной квартире с газетой в руке и, вытирала слёзы, то целовала Сёму, который бегал тут же под ногами вместе с Мариком, то останавливалась и опять смотрела на фотографию в газете и читала под ней статью, шевеля губами. Роза Самуиловна и Рада – уже с огромным животом, время от времени на неё покрикивали, чтобы она заканчивала суетиться и помогала накрывать на стол. Герой всё-таки возвращается! Хоть и раненный! Сам Маршал Жуков наградил! Лично! Сара Абрамовна бережно положила газету на шкаф и начала помогать готовить.

– Сара, я тебе как женщина скажу, шо ты овца и кошка!

– Ну какая я овца, Роза Самуиловна? И где я кошка? Я, может, счастья хочу, личного!

– Овца ты лохматая на голове, а кошка ты в одном месте.

Сара пригладила свои кудрявые длинные волосы, которые лежали на голове большой растрёпанной копной.

– Одна уже себе обналичила счастье! Торчит – не спрятать! – Роза Самуиловна кивнула в сторону исключительно беременной Рады. – И что теперь? Кого считать законным папой? Отца или мужа? А? Рада?

Рада Бойко только грустно посмотрела на Розу Самуиловну, тяжело вздохнула и села на табурет, продолжая строгать салат.

– Может, его так контузило, что он нас и не узнает никого, а тебя в три раза больше не узнает!

– Роза Самуиловна! Да о чём вы говорите! Какая контузия? Его ножом ударили! Он герой! Бандитов поймал! Вот же написано! – Сара Абрамовна схватила уже замусоленную газету и опять начала читать статью под фотографией.

– Сарочка, дорогая, я это уже слышу целую неделю, шо твой оперуполномоченный герой Одессы и всего Союза. И шо его лично товарищ Жуков поцеловал в лоб и пределал к его израненной хруди красный орден!

Входные двери заскрипели, и в проёме появился потный Гоша Вангог с двумя тяжёлыми сумками. В одной явно звенели бутылки, причём в изрядном количестве, в другой было полно еды – Жорика отправили на рынок. Женщины подхва-

тили сумки и понесли на кухню. От Гоши разило винищем.

– Уже успел нахлобучиться с утра, – беззлобно сказала Роза Самуиловна.

– Сегодня можно... моего друга выписывают из больнички. Героя... Одессы... – пролепетал Гоша заплетающимся языком, и, скатившись спиной по стене, сел на пол. – У меня тоже медаль была... трибунал лишил... – сказал он медленно засыпая.

Кепка с длинным козырьком наехала Жорику на глаза и длинный нос, и он тихо захрапел, сидя в коридоре.

– Рада, вон твой в коридорчике прикорнул, отвела бы на кроватку.

– Русик приедет он и отведёт...

– Ну Русик, так Русик. Уже решили, кого будете рожать – мальчика или девочку?

– Русик хочет мальчика, а Жорик хочет, чтоб его не выгоняли. Ну а по мне лишь бы не двойня родилась. Тада точно Жорик останется. Нянькаться.

– Точно! – вскрикнула Сара Абрамовна и схватилась за косматую голову. – Сейчас Василий Иванович вернётся, – она назвала оперуполномоченного по имени-отчеству. – А я как овца драная! Спасибо, Роза Самуиловна!

Сара Абрамовна чмокнула её в щёку и убежала в свою комнату.

– А товарищ Петров знает, что ты на нём хочешь жениться, Сарочка? – крикнула вдогонку Роза Самуиловна.

– Замуж! Роза Самуиловна! Хочу замуж! – донеслось из-за закрытой двери, где жила Сара с Сёмой. – И нет, не знает!

– Замуж – это такой удар по выздоравливающему молодому милиционерскому организму!

– Ой, да Роза Самуиловна, хватит вам, может он ещё и не возьмёт на ней пожениться, может у него дома в Сибири невеста есть, – Рада дорезала кусочек морковки, обмакнула его в острый соус из синеньких личного производства Розы Самуиловны и с удовольствием отправила в рот.

– Вот и я обо што говорю! Является наш херой, с восьмью заштопаными дырками в организме и одной от ордена, а тут ему ета кудрявая тётя говорит о пойти за ней замуж. Тут живой – то заболевает, не то что израненный ножами человек... Сёма, дорогой, скажи мне как родной, ты папу помнишь?

Сёма смотрел на Розу Самуиловну большими чёрными глазами и грыз кочерыжку. Помотав головой он сказал:

– Мама говорила, что он был моряк.

Роза Самуиловна прижала Сёму к себе и погладила его по курчавой голове.

– Твой папка, Сёма, был не моряк, он был героический подводник. Эх, Сёма, Сёма...

Хочешь нового папку?

– А кто будет моим папкой?

– А кого хочешь? Дядю Жорика или дядю Рубика?

– А дядю Васю можно? А то дядя Жорик сильно некрасивый и уха нет, а дядя Рубик сильно старый и волос нет.

– И этот вслед за мамкой про дядю Васю! – и повернувшись к беременной Раде, усмехнувшись проговорила. – Слышь, Рада, что ребетёнок-то говорит – дядя Жорик-то сильно некрасивый, и как тебя угораздило-то?

– Ах, Роза Самуиловна! Отстаньте от меня совсем! Я через вас рожу сквозь свой срок, – и, закрыв лицо руками, зарыдала.

В дверях кухни бесшумно появился Жорик, чем сильно напугал женщин.

– И правда, некрасивый, – со слезами на глазах произнесла Рада, хлестнула Жорика по щеке ладошкой и ушла в комнату.

От оплеухи голова Жорика мотнулась в сторону, глаза по инерции побегали по разным орбитам, сон вылетел и он окончательно проснулся.

– Пить... – произнес он хрипло, и, подойдя к раковине, обхватил кран губами. Открыв воду, он не рассчитал поворот барашка и напор с такой силой ударила из крана, что вода полилась сильной струёй из носа, чем привела в восторг Сёму и Марика, а Роза Самуиловна покрыла Жорика крепкими ругательствами. Жорик долго стоял с выпученными глазами над раковинной, откашливался и отфыркивался, из носа у него время от времени тонкой струёй текла вода, как будто успела скопиться где-то в голове, как в резервуаре, и, стоило Жорику потрясти головой, как порция воды вытекала. Сёма и Марик хохотали и бегали по кухне, изображая Жорика со

струёй воды из носа. Когда Роза Самуиловна закончила ругаться под смех мальчишек, она крикнула:

– Эй, беременная девушка Рада, ваш Гоги чуть под крапом воды не утоп!

Но Рада не вышла из комнаты, зато вышла Сара Абрамовна. Волосы были уложены, ярко-алое платье было с глубоким вырезом и длинное в пол.

– Ну прямо министерская принцесса! – воскликнула Роза Самуиловна.

– Мам! Какая ты красивая! – Сёма подбежал и обнял Сару Абрамовну за ноги.

– Я его надевала всего два раза, и оба раза до войны! Смотрите – даже не помялось!

– И шо? Вот энтим кумачом ты хочешь очаровать товарища гвардии старшего лейтенанта?

– Роза Самуиловна! Да вас не поймёшь! То овечкой, то кошкой назовёте, то вам платье не нравится!

– Обо что вы так сердитесь, Сарочка? Я же только вам хотела помочь в женском вопросе.

– Ага! Я вижу! – зло сказала Сара Абрамовна, глядя Сёму по голове.

– Платье это хорошо, платье это замечательно, я бы сказала, что платье это очень нужно, ведь должен же мужчина хоть что-то с женщины снимать.

– Роза Самуиловна! Что вы такое при детях говорите? Снимать! – Сара Абрамовна зарделась и отвернулась. – Сёма

иди с Мариком поиграй в коридоре.

– Вот-вот, вначале иди поиграй в коридоре, потом иди поиграй на улицу, щоб не слышно было как мама с папой делает себе личную жизнь.

– Какой ужас вы говорите! Роза Самуиловна! Ужас!

– Я вам говорю не за ужас, а за своего мужчину в погонах.

Если вам сильно хочется личную жизнь, то надо было идти в больничку и проведовать его там, и нести куриный бульон, а не встречать его сейчас здорового, и всеми забытого.

– Ой, да Роза Самуиловна! Ходила я! Не пустили меня к нему эти противные медички! И кнѣдлики я ему делала – не взяли!

– И когда же герой-Вася выпишется в домой из больнички?

– Русик сказал бегом сразу после обеда...

Так, за спорами и разговорами стол был полностью заставлен едой к обеду и ждал остальных хозяев и главного героя дня.

Во дворе дома ровно в четырнадцать ноль-ноль остановились два длинных черных автомобиля. Пацаны разных возрастов тут же облепили их и оценивали большие блестящие крылья и длинный капот. Из первой машины вышли два полковника и Русик в военной форме и, как обычно, в танковом шлеме. Они помогли оперуполномоченному Петрову, который был одет в полосатую больничную пижаму, вылезти из задней дверцы автомобиля. Перекинув руку через плечо Ру-

сика Петров захромал к дому. Вторая рука Петрова была на повязке и через расстёгнутую пижаму было видно, что всё тело было перебинтовано. Русик был в своем парадном кителе с золотыми погонами при всех орденах, ведя Петрова, он звенел наградами, коих было не счесть на не застёгнутом мундире. Оба полковника вытащили из багажника автомобиля по большой коробке – в одной были бутылки, в другой – закуска и пошли вслед за Русиком с Петровым. Немного погодя открылись двери и второго автомобиля, и к всеобщему удивлению всех окружающих, особенно мальчишек, из автомобиля вышел Маршал Жуков и ещё один генерал. Из окон повысовывались любопытные лица, ребетня подбежала и окружила Маршала и генерала. Водители только цыкали на них языком да грозили пальцами, пока Жуков и генерал, оглядывали двор.

– Это кто? – вглядываясь в приезжающих спросила Роза Самуиловна. – Што ли сам Жуков? Сара!

– Не орите, Роза Самуиловна, – прошептала у ней над ухом Сара Абрамовна. – Я вижу не больше вашего! Явный Жуков!

– Кошмар! А я синенькие пересолила!

– Роза Самуиловна! Что вы со своими синенькими! Их всё равно никто не ест! Тут такое! Сам товарищ Маршал товарища оперуполномоченного привёз! Лично!

Было видно, как Русик повернулся и запросто крикнул:

– Товарищ Жуков! Третья квартира! – тот только махнул

рукой.

Наконец, в квартиру, где в длинном коридоре стояли Сара Абрамовна в длинном ярко-алом платье с глубоким вырезом, около ног которой стоял Сёма в матросской одежде и бескозырке, Роза Самуиловна в ярком цветном халате с Мариком, который держал наготове скрипку, Рада, в просторной одежде, с выпирающим животом, около которой стоял пьяненький Жорик в выцветшем кителе, подпоясанный офицерским ремнём с португеей, наконец в квартиру зашёл Русик.

– Принимай героя! – и с этими словами все кинулись обнимать старшего лейтенанта Петрова, еле успевшего переступить порог с помощью Русика. Петров улыбался и позволял и Саре Абрамовне и Розе Самуиловне и Раде от души целовать себя, но когда Жорик крепко обнял его, охнул и, зашатавшись присел, чем вызвал гул возмущения и шлепок ладошкой в лоб от Сары Абрамовны. Подхватив, женщины провели Петрова на кухню, посадив на самое почетное место. В это время в квартиру зашли военные с провизией и, пожелав всем здоровья и поправляться Петрову, ушли и, сев в машину с генералом и уехали.

– Здравствуйте, товарищи! – все обернулись, в дверях стоял сам Георгий Константинович Жуков, за суетой и встречей Петрова все как-то на миг забыли, что видели во дворе приехавшего Жукова, и вот, он на пороге, в руках держит невероятно пузатую и красивую бутылку. – Вот, пришел поздра-

вить героя Одессы с выздоровлением и наградой, пустите?

Георгий Константинович широко улыбнулся и снял фуражку. Все на миг замолчали. Первая в себя пришла Роза Самуиловна, она подошла к Маршалу и молча обняла его.

– Синенькие я сегодня пересолила, а стол у нас простой, не обессудь, товарищ Маршал, – и глядя на его сказала. – Ишь ты, какой длинный, я думала ты поменьше ростом будешь.

Все дружно рассмеялись, включая Жукова.

– Ничего, я ко всякому привыкший, и к простому и к пересолёному, держи! Французский! – и Жуков отдал бутылку Русику, которая тут же была водружена на середину стола, среди обычных бутылок. Маршал познакомился со всеми жильцами коммунальной квартиры, особо были представлены Сёма и Марик. На вопрос Жукова – кем они хотят стать, когда вырастут, мальчишки, теребя, Звёзды Героя на мундире Маршала, сказали, что скорей бы вырасти и стать поварами, чтобы наестся вдоволь.

– Всех накормим, – он потрепал их по курчавым головам. – Ну, а ты – музыкант?

Марик кивнул, вскинул скрипку к плечу и заскрипел этюд Черни. Жуков поднял брови и надул щёки, но дослушал до конца.

– Ничего, Марк, – сказал он в конце, выдыхая. – Ещё научишься весёлую музыку играть, «Валенки», например...

Подошли дядя Зяма и Рубен Лазаревич. Присутствие

Маршала их совсем не смутило, на тихий вопрос Розы Самуиловны к пришедшим:

– Шо ж вы, подлецы идиётские, не здороваетесь с товарищем Жуковым?

Георгий Константинович сам ответил Розе Самуиловне:

– Так мы сегодня уже виделись, в больнице, когда Василия забирали. Я им предложил поехать вместе, а они чего-то отказались.

На что дядя Зяма переглянулся с Рубеном Лазаревичем и сказал, что, мол на трамвайчике доехали, с ветерком.

Роза Самуиловна начала рассаживать всех за стол, в результате Сара Абрамовна оказалась рядом со старшим лейтенантом Петровым, чему была необычайно рада и постоянно спрашивала о здоровье, гладила руку и поправляла больничную пижаму в полосочку, чем вызвала подозрительный прищур у дяди Зямы. Жуков категорически отказался садиться в середину, и сел у самого края.

– Я сегодня отдохнуть вырвался, так что сяду с краю, и не обращайтесь на меня внимания. Только наливать не забывайте.

– Ой, да что вы товарищ Маршал! Налъём как себе и немного с горкой!

– Вам беленькой или, извиняюсь, той, с которой вы в обнимку пришли?

– Вот вам закуска, товарищ Жуков, лучшая в Одессе! Её даже кушал великий князь Константин, когда был тут про-

ездом, ну и понятно кто её делала.

– Кто? – удивился Жуков и вскинул брови, тыкая вилкой в изсиние-фиолетовые нарезанные дольки. – Неужели, вы?

– Да ну что вы! – Роза Самуиловна ещё положила Маршалу закуски. – Сколько мне лет и когда жил князь? Это делала моя бабушка! А потом моя маман, а потом они вместе научили делать мне.

Жуков подцепил кусочек и отправил в рот, медленно жуя он сказал:

– Действительно вкусно, князь Константин разбирался в закусках. А ты почему всё время в шлеме? – шепотом спросил он у Русика.

– Так оншибанутый, – за него ответила Рада, сидящая рядом. – Контузия. Он вообще мертвый был, похоронку на него получила, наплакалась и рожать собралась вот от этого.

Она дала подзатыльник сидящему по другую руку Жорику, тот сидел с каменным лицом.

– А тут заявляется этот, – она дала подзатыльник Русику. – А у меня уже вот это!

И она показала на огромный живот и опять дала подзатыльник Жорику. Жуков с интересом слушал, наклонив голову и хмыкая, удивлялся перипетиям жизни в Одессе.

– Двадцать два, – неожиданно сказал Русик Жукову, глядя ему в глаза и показывая ему три здоровенных пальца.

– Чего двадцать два? – не понял Жуков.

– Двадцать два танка я подбил!

– А почему три пальца показываешь? – спросил Жуков удивлённо.

Русик медленно поднял из-под стола вторую руку и показал Жукову два пальца.

– А двадцать третий меня! – он свёл здоровенные руки вместе – получилось на пальцах «двадцать три».

– Я же говорю – шибанутый! – заключила Рада и надвинула ему шлем на глаза.

Жуков только вздохнул.

– Молодец, солдат! Ну! Наливай! Танкист!

Все дружно звенели бутылками, Жуков встал.

– Сегодня, товарищи, великий день для Одессы! Опергруппа, которой руководил Василий Иванович Петров обезвредила банду более чем из сорока человек и крайне опасного бандита по кличке Битюк, связанного с турецкими контрабандистами, которого он лично захватил, получив при этом три удара ножом. И, не прекращая преследования, сумел настигнуть Битюга и обезвредить, рискуя собственной жизнью. Старший лейтенант Петров за проявленное мужество награждается орденом Красной Звезды! Ну, старший лейтенант, где твой орден?

Петров достал красную бархатную коробочку из кармана больничной пижамы и открыл её. Блестящая звезда отливала тёмно-бордовым светом, он аккуратно подцепил орден и положил в стакан, полный спирта.

– Ну, дай Бог не последний! – и сделав глоток передал

дальше. – Традиция, – сказал морщась.

Сара Абрамовна отхлебнула и зажмурилась, мужчины выпили, даже не моргнув глазом.

– Ну, – продолжил Маршал, вынимая мокрый орден из стакана.– Держи! Василий! Дырку в мундире сам просверлишь! За здоровье доблестного героя Одессы! – и Жуков одним махом опрокинул рюмку.

Тут же начался гвалт и смех за столом, звон вилок и стопок.

– Роза Самуиловна! Зачем вы сказали, что Васю восемь раз ударили? Ведь три всего? – этот вопрос Сары Абрамовны был уже обращен к Петрову. – И ведь уже зажило? Как на собаке?

– Угу, именно как на собаке, – говорил он с полным ртом, то, что Сара всё время держит его за руку, он уже и привык.

– А хотите я вам сыграю, товарищ Маршал?

– Вы тоже музыкант?

– Я играл белым, я играл красным, я играл господину Деникину, я играл товарищу Ворошилову, я играл товарищу Яссу, я играл...

–Понял, понял...

Жуков проницательно посмотрел в глаза дяде Зяме.

– По какой статье сидели? По политической?

– По хулиганке...

– Ну, тогда что-нибудь повеселее, чем этот кудрявый Марик.

– Между прочим, этот мальчик мой сын!

– Чтооооо? – Жуков рассмеялся. – Ну... Одесса...

Дядя Зяма взял флюгельгорн, закрыл вдохновенно глаза, и всё пространство вокруг наполнила мелодия «Рио-Рита». Все качали в такт головами, прихлопывали ногами, и в нужный момент ударяли вилкой о тарелку или стакан – получился настоящий домашний оркестр. Когда дядя Зяма закончил раздались дружные аплодисменты. Опять налили, выпили, теперь уже за Маршала, хоть он и отказывался принимать тост, говорил, что он просто гость, а герой сегодня Василий, всё-таки один тост выпили за Жукова. Рубен Лазаревич сбегал к себе в комнату и принёс патефон, чем вызвал бурю восхищения у женщин и подозрительный интерес у дяди Зямы.

– Рубик, милый, скажи только честно, ты ведь его сам собрал?

Рубен Лазаревич молча смотрел на дядю Зяму, искоса поглядывая то на Петрова, то на Жукова, которые за обе щёки уплетали закуску от Розы Самуиловны.

– Почему сам... купил...

– Рубик, дорогой, это очень ценная вещь, и не тебе пенсионеру, явно не союзного значения, это покупать.

– Отстань и слушай красивую музыку, – нервно сказал Рубен Лазаревич, крутя ручку патефона и ставя пластинку. Заиграл патефон.

– Не скучай, Васенька, – Сара Абрамовна чмокнула Петрова в щеку и вышла из-за стола.

– Угу, – сказал Василий, наливая себе, Русику, Жорику и Жукову французский коньяк. – Не буду!

– Отличная вещь!

– Керосинном пахнет!

– Дизелем и синей краской!

Каждый оценил французский коньяк по своему, и только Маршал послушав это всё, усмехнулся и выпив, сказал

– Действительно, пахнет синим керосином!

Сара Абрамовна подошла к Жукову и присев в реверансе пригласила его на танец.

– Ах ты ж! – Жуков моментально привёл себя в порядок, застегнулся и обнял Сару Абрамовну за талию.

– Замечательное платье, Сара.

– Спасибо, товарищ Маршал, – они вышли из тесной кухни в коридор, где было больше места. – Скажите, товарищ Жуков, вы сейчас главный в Одессе?

Жуков пожал плечами.

– Ну, скажем так, не последний человек, это точно.

– А у нас пока действует гарнизонная регистрация брака?

Жуков наклонил голову, остановился в танце и посмотрел Саре Абрамовне в глаза.

– Имеете виды на нашего героя?

– Имею...

– А он?

– А он не знает...

Жуков рассмеялся.

– Приходите ко мне в комендатуру, лично распишу. Но! Только с согласия жениха!

– Ой, спасибо вам, товарищ Жуков! – и Сара Абрамовна крепко поцеловала его в щёку.

Пластинка закончилась, Сара Абрамовна со словами «Вертинский! Вертинский!» умчалась к себе в комнату за пластинками, чмокнув ещё раз Жукова в щёку и оставив его в коридоре. За столом было шумно: Георгия Константиновича звали обратно за стол, Роза Самуиловна подкладывала Жукову в тарелку свою закуску из синеньких, Русик всем показывал «двадцать три» на пальцах, Рада ела варенье с тушенкой, Жорик сидел с каменным лицом, а герой-Василий ел всё подряд, дезинфицируя организм то французским коньяком, то спиртом.

В это время в дверь постучали. Жуков вопросительно посмотрел на хозяев с выражением «ещё гостей ждёте?», но те были так увлечены расспросами Петрова и маханием рук Жукову, зовущего его за стол, что не слышали стука. Повернув ключ, Жуков сам открыл двери. На пороге стояла молодая женщина в форме милиционера в звании сержанта. В одной руке она держала букет белых ромашек, в другой бутылку красного вина. Увидев Маршала, улыбка сошла с её лица, рот открылся от удивления, глаза расширились, рука с букетом медленно поползла вверх для отдания чести.

– Я... кажется...адресом... ошиблась...мне к Петрову...товарищ...Марш... – Жуков не дал ей договорить и за-

ташил в квартиру

– А мне, кажется, вы правильно пришли. Вольно! – но сержант продолжала стоять, глядя на Жукова и держа руку с букетом у форменного берета.

– Эй, хозяйева! Тут, видимо, коллега по работе к вашему Василию, с поздравлением! Рассредоточить за столом!

Дядя Зяма быстро вылез из-за стола и, подойдя к гостье, взял её под локоть.

– Какие милые и красивые милиционеры сейчас у нас работают! Так и хочется себя для них арестовать! Да опускайте уже руку от своих белокурых волос, товарищ сержант. Товарищ Жуков пришёл к нам за вкусно покушать и за немного выпить, и привез лично на своём чёрном авто этого израненного всквозь героя, – говоря это, дядя Зяма подвел молодую женщину к столу на своё место, букет цветов и бутылка вина уже стояли на столе – букет в вазе, бутылку ловко открыл Русик.

– О! Привет, Светка! – запросто сказал Петров.

– Разрешите представиться, – гостья встала. – Сержант милиции Светлана Осипова. Работаю вместе с... Василием Ивановичем. Честно, не ожидала увидеть такую... компанию во главе с... товарищем Маршалом. – Она выдохнула и села, глядя на Петрова.

– Ну! За друзей! – Жуков весело произнёс тост и опять принялся уплетать, причмокивая закуску Розы Самуиловны.

Все опять зашумели и звон вилок и рюмок раздавался на

весь двор через открытое окно.

– Ну вот! Даже товарища Маршала не оторвать от синеньких! Ешьте же их сильнее!

– Двадцать два! Понимаешь? Двадцать два!

– Вот рожу через вас всех мимо срока!

– Рубик, сделай музыку!

– Да разве эта музыка? Вот Марик играет!

– А где французский коньяк?

– Пейте спирт! Зачем вам коньяк?

– Нашла! Нашла! – с этими словами Сара Абрамовна прибежала на кухню, держа в руках несколько пластинок. – Вот он! Вергинский! Рубенчик, поставь!

Пока Рубен Лазаревич возился с патефоном, Сара Абрамовна неожиданно обнаружила новую гостью и несколько не обрадовалась:

– Здравствуйте вам, любезная... – сказала она, внимательно оглядывая молодую и привлекательную женщину в форме, на груди которой с одной стороны была красная планка – ранение, с другой стороны – боевые медали.

– Однако, сегодня к нам просто весь Белорусский фронт пожаловал, – Жуков хохотнул, но не перебивал Сару Абрамовну. – Вы к нам зашли поздравить нашего героя?

– Да, – Светлана встала одернула форму, подошла к Петрову, и покраснев произнесла. – Вася... Василий... Василий Иванович... Разрешите... те... Разрешите... поздравить тебя... вас с выздоровлением и заслуженной наградой! Вот

эти цветы, – она махнула рукой на букет в вазе. – Вам!

– Спасибо, Светка, – просто сказал Петров, жуя.

– А это от меня лично, – и обхватив его за шею, сержант милиции Светлана Осипова крепко и надолго прижалась к его губам.

За столом возникла тишина, все искоса поглядывали на Сару Абрамовну, у которой глаза наполняли слёзы, а из рук медленно выскользывали пластинки с душевными романсами Вертинского. Сам Жуков уставился на эту картину и его вилка застыла около открытого рта. Петров от неожиданности замер и невольно здоровой рукой обнял Светлану. С его вилки шлёпнулся огурец обратно в тарелку, а у Светланы поднялась и согнулась в коленке нога в блестящем хромовом сапоге. Наконец она оторвалась от Петрова и села обратно, вытирая губы. Петров сидел ошарашенный с вилкой в руке и без огурца.

– Неожиданный пассаж, – пробормотала Роза Самуиловна в полной тишине. – Ну, давайте за любовь!

И все опять зашумели и задвигались.

– Ну, да, так ты быстро вылечишься, Вася, – произнесла угрюмо Сара Абрамовна, и вздохнув о том, что не она первая решилась на такой отчаянный шаг, а девица-коллега, начала сама возиться с патефоном, оттолкнув Рубена Лазаревича. Патефон заскрипел и далёкий и высокий голос запел про Сингапур и океан.

– Эх, – задумчиво сказал Жуков, жуя листочек салата,

подперев голову рукой и слушая завывания танго Вертинского. – Гармошку бы, я бы вам сыграл плясовую.

– А хотите, товарищ Маршал, я вас на флюгенгорне научу играть? Или Марик на скрипке? – спросил уже изрядно захмелевший дядя Зяма.

– Да уж увольте! Вашу трубу я погну, а скрипку сломаю! – Жуков положил здоровенные кулачищи на стол.

– Сарочка! А ты помнишь у Зельдеровичей из восьмой квартиры была гармошка? Сходила бы! Пусть товарищ Маршал покажет себя! А мы пока ещё по одной! За здоровье! – сказала Роза Самуиловна

– Конечно! Для товарища Жукова всё, что угодно! – и Сара Абрамовна умчалась к Зельдеровичам в восьмую квартиру.

– Евреи с гармошкой! Анекдот на всю Одессу. – задумчиво сказала Роза Самуиловна опрокидывая рюмку. – Ладно хоть не балалайка.

Пока все закусывали и приглядывались то к Светлане, то к Василию, который молча жевал кусочек хлеба и смотрел куда-то сквозь всех гостей, в дверь громко постучали.

В дверь громко постучали. За столом мгновенно возникла тишина, все повернули голову в сторону оперуполномоченного, у которого вытянулось лицо, оттопырились уши и открылся рот от удивления. Взрыв хохота на кухне в квартире номер три был слышен далеко, говорят, что докатился до Французской набережной, и немного эхом до Дюка. Дверь

заскрипела и отворилась – Сара Абрамовна выбежав за гармошкой к Зельдеровичам, не закрыла её за собой. В проёме стояла высокая черноволосая женщина лет тридцати в звании капитана медицинской службы, в руках она держала два флакона с прозрачной жидкостью. Женщина была немного навеселе. Из проёма дверей через длинный коридор Василий, сидевший в кухне около окна, был виден сразу. Женщина шагнула в квартиру.

– Васька! Чёрт ты штопанный! А я слышу – ржут, ну, не иначе моего подопечного откармливают и отпаивают! Не могла же я тебя просто так отпустить, – с этими словами она уже зашла в кухню и ни на кого не обращая внимания и не глядя на товарища Жукова сунула ему два медицинских флакона. – Чистый спирт, специально для Васьки!

– Тыыыы? – Василий даже чуть привстал от удивления.

Жуков, растерявшись, принял оба пузырья с белыми наклейками и сергучными печатями сверху, а капитан медицинской службы, не прекращая свою тираду всё ближе и ближе подходила к герою дня.

– Я же тебя, падлюгу, вот этими руками зашила, гадина, – она вытянула ладошки с длинными пальцами перед собой. – А ты мне что обещал? Герой, любимец Маршала Жукова!

– Что... я... обещал? – сипло не своим голосом спросил Василий.

– А вот это, поцелуй героя!

– Да? – удивлённо произнес он.

– Да! – утвердительно сказала капитан медицинской службы, и, забравшись коленками на стул, на котором сидела Сара Абрамовна рядом с Василием Ивановичем, и, схватив его за щёки двумя руками, притянула к себе и начала страстно целовать под изумлённые и восторженные взгляды. У сержанта милиции Светланы Осиповой глаза начали наполняться слезами и покраснел нос, но она стойко смотрела на данное действо со всеми остальными.

– Нашла! Нашла! – громко и весело раздался в дверях голос Сары Абрамовны.

В руках она держала гармошку, зайдя на кухню, в полную тишину и увидев, что с Василием целуется уже другая женщина, залезшая с ногами на её стул, причём офицерского звания, Сара Абрамовна от удивления отпустила меха гармошки и те издали жалобный аккорд, пока не упёрлись в пол. Слезы катились ручьём. И у Светланы и у Сары. Наконец, капитан медицинской службы села на стул, глубоко вздохнула и со словами:

– Ничё, Васька, я тебя научу целоваться, своего мужа научила, эх... хороший комбат был... и тебя научу... – и с этими словами взяв чью-то стопку выпила, не морщась и без закуски. Наклонив голову и подперев её рукой она сидела в задумчивости, глядя в стол. Никто не решился нарушить молчание.

– Разрешите вам представить хирурга- золотые руки, именно капитан Воронова спасла нашего замечательного Ва-

сю, благодаря ей мы сейчас все вместе, – первым нарушил молчание Жуков. – Капитан Воронова Ирина Васильевна.

Она медленно подняла голову, медленно обвела всех глазами, сосредоточив взгляд на Маршальских погонах, которые не заметила, когда входила, моментально подскочила в стойку «смирно».

– Виновата товарищ Жуков! Не заметила! Выходной сегодня... Вот... больного решила навестить... Разрешите идти!

– Не разрешаю! Принять диспозицию за столом!

– Есть!

Тут подошёл дядя Зяма и, взяв под локоть, повёл её на место Рубена, который возился с патефоном.

– Какие прелестные медички у нас работают! Хоть специально заболей для них, чтобы их прекрасные ручки тебя шупали и ковыряли! А вы можете научить Марика медицине? А скажите, как будет по латыне ...

Тут Роза Самуиловна дала дяде Зяме подзатыльник.

– Не, ну это ж надо! При живой жене вертеться хвостом как кабель! – и получил ещё один подзатыльник, чем насмешила всех присутствующих.

Сара села на место подле Василия, Жуков взял в руки гармошку, всем налили медицинского спирта.

– Казенный? – спросил, усмехаясь Жуков, разливая из медицинских бутылок.

– Списанный... – туманно ответила Воронова.

– А, ну тада, ой! Как говорят в Одессе, – ответил Жуков.

Жуков лихо отыгрывал плясовые, в узком коридоре топатали все, кроме Василия, который сидел за столом и дирижировал вилкой или стопкой. Даже Марик с Сёмой прибежали из комнаты, где играли и начали весело приплясывать. Капитан Воронова, сержант Осипова и Сара плясали рядом и постоянно о чём-то шептались.

В самый разгар веселья в дверь громко постучали. Все обернулись на Василия, у того упала из рук вилка.

Постучали ещё громче.

– Вначале сержантиха! Потом каитанша! Теперь кто? Полковничиха? – возмущённо крикнула Сара Абрамовна и с колотящимся сердцем пошла открывать двери. В дверях её ослепило золото погон. Три большие звезды – полковник, стоял перед ней, солнце било прямо в лицо Сары и больше она ничего не видела. Сердце у неё билось так часто, что вот-вот выскочит.

– Георгия Константиновича...

– Что? – не поняла Сара Абрамовна.

– Это мой адъютант, – услышала она из кухни голос Маршала.

– Ах, адъютант... – проговорила она слабым голосом, и, схватив полковника за рукав затащила его в квартиру.

Адъютант оказался вполне красивым и молодым человеком лет тридцати.

– Девки! – крикнула Сара Абрамовна. – Налетай!

Молодой и красивый полковник моментально оказался

окружен тремя пляшущими девушками – двое в военной форме и одной в красном платье.

– Ух, какой красавчик!

– Настоящий!

– Товарищ Маршал! Отдайте его нам!

– Штрафную полковнику!

На что адъютант только отнекивался, искал глазами своего начальника и улыбался.

– Товарищ Маршал... совещание... машина... ждёт...

А Жуков всё играл и играл плясовые от «Барыни» до «Рассыпухи». Воронова и Осипова подхватили его под руки и закружились, а Сара Абрамовна схватила его за уши и крепко поцеловала, и все трое завизжали. Полковник от такого поворота не знал что делать, решив подчиниться бесчинствам хозяевам квартиры он начал выделять какие-то коленца, но у него плохо получалось.

– На сухую даже дурачки не пляшут, – глядя на это всё сказала Роза Самуиловна, которая уже тоже была в хорошем подпитии.

Жуков тут же свернул гармошку и налил в стакан спирту до краев.

– Серёжа, иди сюда, – ласково позвал он адъютанта. – Слышишь, что говорят? Только дурачки пляшут на сухую! Пей!

– Совещание, товарищ Маршал! Машина!

– Не тебе же проводить это совещание. Пей! Играть уме-

ешь? – и он протянул гармонь адъютанту.

– Так точно, умею, товарищ Маршал, – глядя на стакан, полный спирта вздохнул Серёжа.

– Остаёшься!

Полковник пил спирт из стакана, все смотрели, не дыша, дядя Зяма даже два раза взглотнул горлом, до того была напряженное действие. Наконец Серёжа, как его назвал Жуков, медленно убрал пустой стакан ото рта и задышал.

– Молодец! – сказал Жуков и похлопал его по плечу. – Других и не держим! Остаёшься здесь, вечером пришлю машину, развезёшь девушек по домам.

– Так точно, по домам, – тяжело дыша сказал адъютант, закусывая зеленью.

– Ну, всем счастливо оставаться! Вам Роза Самуиловна особенное спасибо за вашу закуску – отменная вещь! Василий! Поправляйся!

Все враз заговорили, подошли, начали прощаться с Маршалом, Марик даже хотел что-нибудь сыграть на дорожку, но Жуков отказался, и только адъютант сидел за столом и уплетал вместе с Васей закуску Розы Самуиловны.

Тут Рада охнула и схватилась руками за живот.

– Ой, – тихо сказала она, потом уже громче. – Ой! Ой! Ой!

п. Жагура

Иван Янгель очень любил свою жену и всячески ей уго-

ждал в меру своего здоровья. Вот привезут, например, три куба березовых чурок на зиму, вы себе думаете Иван Моисеич будет сидеть сиднем и горестно смотреть на них через засиженное мухами окошко? Да нет же! Любой жагурец вам скажет, что не найдёте вы его дома – он с гармошкой около кучи дров сидит на пресамом расхорошем бревне и раздаёт «Рассыпуху» налево и «Барыню» направо с таким чувством, что замолкали последние безголосые воробьи в посёлке. А Дора Марковна Коных – евойная жена – опускала колун в чурку по шестому и двенадцатому такту музыки с придыханием:

– Ииииииэээээxxx! – и аккуратные поленья отлетали к ногам Иван Моисеича.

– Может перекур? – Иван Моисеич остановился на полтакта, колун застрял в сучковатой чурке на середине.

– Ваня! Вот никогда нормально кончить не можешь! Ну и как вытаскивать? Эх! Говорила мне мама, не выходить за этого ленивого еврея!

– Я не еврей, я русский...

Дора Марковна провела мощной рукой по черным курчавым волосам Ивана Моисеича, подергала кривой длинный нос:

– Русский, русский – глаз узкий... Пойду Федьку позову...

Федька как обычно, после долгих ночных гуляний спал не понять где, наконец, он был найден в дровянике, спящим, с

прижатой к груди лопатой, мать не удивилась – и не такое видела.

– Лопату с бабой перепутал ?

–А? нет.... за червями собрался... да чего-то сморило...

– Сморило его, иди колун мне вытащи, а то отец опять начудил...

Федька одной рукой вытащил колун из чурки:

– Мать! А пожрать?

– Вначале дрова переколи!

– Да тут часа два ... а я на рыбалку еду....

– Ну дык сделай за полчаса! Мать сказала!

Дора Марковна была по отцу – Коннов, но при выдаче паспорта не знали как будет это в женском роде и прописали Коных, потеряв буквы. Потом в разных ведомостях она проходила под фамилией Коная, что, как казалось, больше походило на женскую фамилию. Временами ее фамилию путали с Конской, и так появилась в поселке ДораКраснаАрмия.

– Мать! Я всё! – Федька зашел в дом босой с колуном в руке, рубаха на нем почти истлела и дымилась.

– Молодец... – холодно ответила Дора Марковна, – вопросы к тебе, когда кончишь блядовать и женишься, падлюка?

Отец только грустно руками развел – ну а что, сына, пора, двадцать пять уже, всё-таки...

– Умеешь ты настроение испортить...

– Стоять! Короче, бестолочь степная, слушай мать сюда в оба своих грязных уха – сегодня придет ко мне учительница

по русскому, Наталья Григорьевна, там ей надо заполнить бланки, ведомости на жильё, да не важно в общем, не твоё дело! А твоё дело – чтоб был в семь дома! В баню сходи и босиком перестань ходить – октябрь уже! Маугли! И чтоб завел с ней умный разговор и пригласи её куда-нибудь, она девушка городская, образованная, таких дураков, как ты на раз видит, так что больше молчи, её слушай!

– Так говорить или молчать? И куда мне с ней сходить?

– Не перечь матери! Ну куда ты своих баб водишь?

– Нуууууу... в лес... на речку... на речку... в лес...

– Сходи с ней в библиотеку, ей понравится. Ну а там...

– А там не торопись, сынок, – Иван Моисеич вставил своё слово.

– А там сынок, действуй решительно! – перебила Дора-КраснаАрмия

– В библиотеке? – переспросил Федька, подпирая головой косяк

– Ой, дурак.....

А тем временем Наталья Григорьевна, утирая слёзы, бежала в поселковую больничку им. Ф. П. Гааза. Для этого ли она – отличница курса, училась пять лет, чтобы вот так попасть! Её оставляли на кафедре института, через пять лет могла быть кандидатом наук! А что сейчас? Всё! Жизнь сломана навсегда! И угораздило же её уехать за тыщу верст от мамы! Всё! завтра же домой! Но жизнь сломана навсегда! Чтобы его смыло! Этот поселок! Чтоб.... Она прокручива-

ла мильён проклятий. Зайдя в помещение она воткнулась в стойкий запах хлорки и грязных стен. Боже! И это больница? Нервы были на пределе. **ЗОПИСАТСЯ НА ПРИЁМ В КАБ1.** Эта табличка была последней каплей, что вывело на новый уровень истерику Натальи Григорьевны – отличницы, почти кандидата наук. Она зарыдала в голос, расталкивая, рыбаков с крючками через две губы и прочих людей в грязной одежде с пьяными и не очень травмами – она неслась к главврачу. Почти пинком открыв двери она застала его за чашкой чая и бутербродом.

– Зописатся!?! Без мягкого знака!?! Через «О»!?! Вы же грамотный человек! Ну что кругом творится!?! Ну это же невозможно! – Наталья Григорьевна сама не ожидала от себя как вставила ещё пару крепких оборотов и немного остыла.

Главврач – человек повидавший, и не такое, тем более, сразу признавший молодую учительницу – среагировал ментально:

– Голубушка, Наталья Григорьевна, – он нежно взял ее под локти, – нервы, нервы, нервы... голубушка вы моя. Это такая пакость, эти нервы. Давайте ка я вам микстуры дам, очень знаете – ли хорошо помогает.

Доктор плеснул коньяка в мензурку и дал выпить учительнице.

Поморщившись, Наталья Григорьевна глотнула.

– Я вас уверяю, всё лечится. Рассказывайте.

Наталья Григорьевна зарыдала в плечо доктора, и начала

рассказывать, что ей и холодно в этом нелюбимом поселке, и что стены в классе выкрашены в некрасивый цвет, и что дети не учат уроки, и ваш, доктор! ваш сын! тоже не делает домашнее задание! и что Петька Семёнов из восьмого «А» играл на неё в карты! и что Машка Самойлова из девятого класса имеет уже четвертый! вы понимаете, доктор! четвертый! размер! груди! а она не уверена, что у неё и второй, и что физрук постоянно на нее пялится, хотя женат четыре раза, и самое главное...

– У меня задержка... – Наталья Григорьевна зарыдала, – я дура, дура, мне было так одиноко... а тут он...

– Ну, давайте посмотрим.. а насчет Машки Самойловой не переживайте. Она второй раз второй год сидит...

– Ужас какой... Так я же шла к гинекологу...

– К Эльвире Карловне? Да что эти женщины понимают в гинекологии! Ложитесь на кушетку.

– Прямо на кушетку?

– Ну а как? Знаете ли, я в полевых условиях бывало под Кандагаром ... а тут – чистота.

Доктор взял две столовые ложки, продезинфицировал. Осмотр прошел быстро.

– У меня к вам один вопрос – а это не Семаков из одиннадцатого «А» ?

Наталья Григорьевна зарыдала.

– Меня посадят.... за соvrащение... я не хотела.... так получилось... ему на вид лет двадцать пять... он такой здоро-

вый... а я у них не веду уроки.... я не знала..., – всхлипывала она. – А вы как узнали?

– А он мне сам рассказал. Это ж мой сосед.

– Ну всё... теперь вся школа узнает...и мама... – еще сильнее зарыдала учительница.

– Не узнает, я ему сказал, что его посадят за совращение молодых учителей русского языка. Двадцать лет на урановых рудниках.... Ну а вам только от триппера вылечиться надо, даже без анализов говорю, потому как здесь сто процентов попадание есть. А в остальном всё в порядке.

–Ааааа....

–Ааааа – это нервы, голубушка. А давайте еще по сто седативного? Хотя вам нет, теперь нельзя... а табличку сменим... Я вас на уколы запишу, сегодня и начнем.

– Аааааа... я руссичка-венеричка... – и рыдая упала на плечо доктору.

Стоя в одних трусах по колено в ледяной воде с удочкой Федька рассуждал о тщетности мира и мудрости матери: всё-таки в библиотеке тепло! Иногда библиотекарша наливала чай и давала пряники особенно читающим гостям. Вот только ради пряников Федька был согласен сидеть в библиотеке и смотреть книги, хотя сама библиотекарша ему не нравилась. В очках она была умная и злая, а без очков – не красивая и старая, ну как старая – всего на год младше. Но Федьке не нравилась ни такая, ни такая. Но пряники и чай...

– Борьба противоречий... диалектика, – вздохнул он, и вы-

ташил ещё одного здоровенного сазана. Ещё он мечтал полежать в больничке. Вокруг светло, ты спишь целый день, ещё и кормят! Три раза ! Эх... он даже думал, что его отвезут в больничку, после того, как он, убегая от Ленкиного мужа, голый, выпал с третьего этажа. И уже лёжа на асфальте мечтал, что за ним едет скорая с сиреной и его несут санитары на носилках... Но он всего лишь напугал бабок на лавочке, и баба Нюра, глядя на его голое распластанное тело, лишь просипела, закатив глаза:

– Ангел... за мной... пора мне... прощайте... деньги на похороны лежат в...

Её начали тормошить, тереть щёки и уши, Федька понял, что больничка накрылась и потихоньку утёк. Пришедшая в себя баба Нюра, долго охала, спрашивала своих бабушек-подружек не проболталась ли она насчет похоронных, и кто был этот стервец, который выдал себя за Херувима... И тут у него созрел план: он поведёт учительницу в библиотеку, и там напоит её чаем с пряниками! Ресторан, одним словом! Гениально! А действовать он будет решительно и смело – правда, он еще не решил как, но для начала пусть посмотрит библиотекаря на него с учительницей и не думает, что если он не несет четвертый год книгу, то он не обязательно потерял «Робинзон Крузо». Просто... забыл, может, или другу дал почитать...

Наталью Григорьевну встретили в доме Янгеля-Конных чаем и пирогами. И даже не спросили про опухшее лицо от

слёз, Дора Марковнатак и сказала:

– Дорогая моя, я вас даже спрошу за слёзы которыми вы рыдали, а я вижу, что вы рыдали. Я вас спрошу за пирожки с мясом. Очень цимес?

– Да... как у мамы.

– Ну, так а я за шо? Родная моя! Пусть как у мамы! Я вам скажу больше, чем вкусность у этого пирожка, так и зовите меня – мама Дора. Да вы берите ещё и ещё и ещё и с собой ещё два. Наташенька Григорьевна, я вам так скажу – все слёзы от мужиков, вот смотрите на меня, вот смотрите, видите, я не рыдаю, а почему? Да потому что мужик послушный! А Семаков!? Он же последний дэбил на деревни! И он вам сдался!? Вот Федька...

Наталья Григорьевна рванулась из-за стола держа, по пирогу в руках и один жуя во рту:

– Как?! И вы!? Откуда?! Знаете!? Как!?

Она грохнулась на стул, закрыла лицо пирогами и заплакала.

– Откуда я знаю шо он дэбил? Так у него папа, дай Бог ему здоровья, был бестолочь, трактор утопил в болоте. Вот скажите, нормальный человек поедет за ягодой по болоту на тракторе? Конечно, нет! А Петр Семаков –старший поехал и утопил! И вы своим умом думаете, что Петр Семаков – младший будет у него Ландау? Или, может, быть он родился у него Спинозой? Нет! Он тоже балбес! Такой балбес, что отец не мог ему имя придумать больше, чем своё.

– Я своим умом уже ничего не думаю..., – горестно сказала Наталья Григорьевна, размазывая слезы. – Мне хочется уехать домой к маме, а не оформлять у вас документы на бесплатное проживание от сельсовета...

– Вы только посмотрите в окно, нет, вы посмотрите! Что видно? Река. А там? Там тайга! Красота! Ну где вы такое себе в городе найдёте? А воздух? А? Сладючий же воздух!

– Ну да... за сто километров никого... не зря к вам декабристов ссылали...

– Вот именно! Ихние гены в нас тянут!

– Нет такого слова..., – сказала Наталья Григорьевна глядя в одну точку, меланхолично жуя пирог.

– Слова нет, а благородные гены есть! Федька – чистый Муравьев-Апостол!

– Его повесили, – также меланхолично ответила Наталья Григорьевна.

– Ну, тогда... Робеспьер чистой воды, особенно в профиль!

– Это француз, его тоже казнили...

– Эх, Наталья Григорьевна! Умной- то быть тяжко, поди! То повесили, то казнили! А прислали тада кого? Чистых благородных кровей дворян и прислали к нам... Да вы кушайте пирожки, Наталья Григорьевна, а может по писят сомогоночка? Я такую слезу гоню, мммммм! На свекле – сказала Дора Марковна, сделав ударенье на последней букве.

– На свёкле! Дора Марковна! «Ё!»! Ударение на «Ё!»! Что

же вы все такие здесь безграмотные!? То возвратные глаголы пишут без мягкого знака! То проверочную гласную не знают! «Тада»! «Писят»! «Ихние»! Деревня! – и Наталья Григорьевна забрала квитанции, позволяющие ей жить в квартире за счет сельсовета как молодому специалисту и положила пирожки в сумку. Дора Марковна так осталась стоять с графином самогона из свЁклы-свеклы, открытым ртом и двумя стопками. В дверях Наталья Григорьевна столкнулась с опоздавшим Федькой.

– Вылитый Бестужев-Рюмин! – зло сказала Наталья Григорьевна.

– А? – удивлённо посмотрел он на мать.

– ... на! – ответила Наталья Григорьевна и вышла хлопнув дверью.

С улице они услышала «свекла» и inferнальный смех Натальи Григорьевны.

– Что это с ней?

– Сына, если ты на ней не женишься, ты будешь не только дэбил каких мало но, и поц каких нет, – сказала ДораКраснаАрмия и немедленно выпила стопку самогона.

Антарктида

– Наш товар, ваш товар... Не... мы товар, вы – купец... а, не, во как – наш купец, ваш товар... где Катька? – двери открылись шире и Санька и со словами «ну чего стоишь»,

толкнул Витьку в дом к зоотехнику Газельскому.

Тощий Витька, запинаясь, расставив длинные руки, хотел обняться с женой Газельского, видимо, в знак будущих родственных связей. Он вытянул губы трубочкой, закрыл глаза и со словами «Мама, мама» полез целоваться. У Антонины Никаноровны от этой сцены вначале наступил ступор, затем расслабление организма, когда Витька уже подошел к ней, у Газельской вначале упала из рук тарелка, которую она ставила на стол, затем упала и Антонина Никаноровна. Но, если под тарелкой оказался только пол кухни, то на счастье Антонины Никаноровны, под ней оказался табурет. Тарелка бзынькнула и разлетелась, Антонина Никаноровна охнула и села. Витька остановился, качаясь, с распостёртыми руками. Санька в дверях потихоньку начал открывать бутылку с вином, оба были изрядно пьяны. Из зала на шум пришел хозяин дома – Георгий Григорьевич.

– Чёй-то в субботу уже нажратые с утра? Какой сегодня праздник у дебилов? – сердито спросил Газельский. Усы его грозно встопорщились. Глядя на худющего Витьку, который до сих пор стоял с раскинутыми в стороны руками:

– Пасха что ли, а, Тонь? Чёй-то этот басурманин тут распятие изображает? И чёй-то ты посуду об пол бьёшь? Об башку им бей! – видно, что главный зоотехник был не в настроении.

– Мы тут по важному делу, а вы обзываетесь, давай стаканы Григорий Григорич, ща мы Витьку пропивать будем.

– Пить с утра с идиотами?

– Ну, вот, как вам не совестно, мы к вам со всей душой, а вы опять – идиот, – Санька старался говорить медленно, чтобы выговорить все слова без запинок.

– Ну а как не идиот, если ты моё имя-отчество путаешь?

– Да? – он глупо улыбнулся, – прости дорогой Гри..., – он замолчал и развел руками в стороны давая понять – «ну вы меня поняли, если захотели». Витька уже опустил руки, открыл глаза и взгляд был его устремлён на настенный календарь, находящийся за Газельской. Тут наконец пришла в себя Антонина Никаноровна:

– А ну пошли вон! Какой такой ещё купец-товар?! Пьянь! Ты себя видел?! Жениться он надумал!

– погоди, – Газельский подошел поближе к Витьке. – У вас что-то было с Катькой?

– Настоящий мужчина не рассказывает о своих женщинах!

– Ну, это мужчина и настоящий, а ты рассказывай. И почему во множественном числе?

– Да потому что я в этом посёлке Дон Жуан, мне все дают.

– В этом посёлке все на тебя кладут. Рассказывай.

Тут от порога подал голос Санёк:

– Да вы хоть знаете, как Витьку на дискотеке называют в клубешнике? Витька-зверь!

– Это ты к чему сейчас приплёл?

– Он резкий парень и ему не стоит отказывать...

– Тем более рассказывай, Витька-зверь. Я зоотехник и

должен знать о животных всё. Особенно твой промискуитет.

– Чего?

– Санька тебе объяснит потом. Ты мне скажи серьёзно, зачем тебе Катька?

– Ну... Жениться...

– А ты в курсе, что у ней дочка есть в четыре годика?

– Вот стерва! А сказала три...

Газельский слегка дал под дых Витьке, тот открыл рот, выкатил глаза и присел на корточки. Дышать он не мог.

– Слабак.

– Жора! Ты чего! Убьёшь мальчика! – Антонина Никаноровна вступилась «жениха».

– Не надо моё дочку называть «стервой»!

Он повернулся к Саньке, показал кулак и напряг здоровый рельефный бицепс, под тельняшкой без рукавов были видны мощные грудные мышцы.

– Витька, нельзя, ты чего, нельзя так называть, ты чего, – Санька залепетал, стоя с неоткрытой бутылкой.

– Ну, что это такое?

Газельский поднял Витьку за руку двумя пальцами.

– Ручки тонкие, ножки слабенькие, шейка гусяная, пузикожиденькое, поди и пипка не выросла.

Санька в дверях заржал до кашля:

– Пипка!.. Не выросла!..

– Ну а ты чего ржёшь? Деньги собираете на свадьбу?

– Ну да...

– Ну так сразу и на похороны собирайте.

– Зачем?– Санька всё еще ржал

– Я один Витькины похороны оплачивать не буду, максимум треть, а остальное друзья и родственники.

Витька немного продышался:

– А зачем мне похороны? Я же наоборот, женюсь.

– Ну, брат, ты же, наверное знаешь, что Катька у меня кандидат.

– В смысле ученый?

– В смысле спорта. Кандидат в мастера спорта по борьбе.

– Как так? Она же заведующая детским садиком!

– Ну, это не мешает ей быть спортсменкой!

– Чего-то я не видел, чтобы она выступала на соревнованиях.

– Когда она выступала, ты ещё в школу ходил. Ну, девка она вспыльчивая, рука тяжелая, чуть что не её – она сразу в висок кулаком рrrраз! И нет тебя, а ты парень слабенький, кость тонкая, хрупкая. Ладно покалечит, а то сразу – свет, туннель и... Ну ты понял, вон Санька справа впереди понесет. Санька, понесешь?

– Гроб? – шепотом спросил он.

– Ну, друг же.

– Ну, друга понесу...

– Витя, послушай, ей замуж сам тренер предлагал, а она, дура, говорит, заборишь меня – выйду, нет – ну и нет.

– Ну и как, заборол ?

– Сам-то как думаешь? Она же не замужем! Проиграл тренер. Она его!

– Могла бы и поддаться, а теперь вот результат нянькаем, – Антонина Никаноровна вздохнула.

– Да, тренер мужик настоящий был. Помнишь вяз у нас упал на речке?

– Это он уронил?! – Санька аж подвизгнул.

– Сань, я гляжу, ты тоже балбес, ветром его уронило. Так он в гостях у нас с Катькой был как раз, и за ночь на спор пень выкорчевал. Сказал, десять кило сбросил, пока вытаскивал. А ты, Витя, если на десять кило похудеешь, будешь унесённый ветром.

– Такой же красивый, как Рэд Батлер?

Газельский удивленно посмотрел на него:

– Вот ты меня удивил. Кино смотрел, или, не дай Бог, книжку прочитал?

– Да не, у нас на работе постер такой висит. По моему профилю, значит. Я сам принес! – гордо добавил он.

– ... и где же твоя такая работа по профилю? – удивлённо спросил Газельский.

– Так на метеостанции я. Дворником.

Газельский закрыл лицо руками, и что-то бормотал, проskalывали матерные и ругательные слова. Затем он подошел к Саньке, взял бутылку, одним движением, открыл и налил в три стакана.

– Ну-ка, быстро всё выпили.

Морщась, прерывая глотки, дыша носом в стакан, неумело, глотая воздух, Санька и Витька пили долго. Газельский выпил одним залпом.

– Так, короче, получается я буду тесть,– сказал Газельский, когда парни выпучив глаза поставили стаканы.

– Получается...

– Я, Витя, буду бить тебя каждый день. Два раза. Утром сильно, вечером больно.

– За что? – Витька начинал пьянеть со стакана вина.

– За то, что ты мне сейчас не говоришь всё правду. Сегодня я тебя уже ударил, ну так я бил всего лишь одним пальцем. А что будет, если...

– Это одним пальцем?– перебил Витька.

– Ну. Давай я сразу покажу, как буду тебя лупить. Или говори, зачем пришел.

– Это он жениться захотел, чтобы в армию не идти, его Дора Марковна надоумила, говорит, если возьмешь Катьку в жены с дочкой, то отсрочка тебе будет.

– Ах, значит, Дора Марковна... Вот, видишь Витька, дружок твой ренегат! Сразу всех сдал! Коллаборационист! Всё! Санька, теперь я и тебя буду бить! Больно, но не долго!

Газельский сделал шаг в его сторону.

Санька на заплетающихся ногах вылетел из дома с криком «я ни причем! это не я!». Газельский молча посмотрел на Витьку, и наклонил голову в сторону, хрустнув бычьей шеей.

– Мне кажется, надо срочно в магазин, мама послала за

хлебом... не бейте, дядя Жора...

– Эх, Витя, Витя... к Катьке не приближайся даже, а вот в армию сходи, там тебя хоть откормят... тоща ты...

Витька вышел шатаясь на улицу, где его, прячась за деревьями, ждал Санька.

– Жора, как ты сними не по человечески, ударил мальчика, испугал... – Антонина Никаноровна начала опять протирать тарелки.

– Эх, Тоня, ты себе хочешь зятя в два раза легче Катьки?...

– Чего это Витька около нашего дома блюёт? – в дом пришла Катька с дочкой.

– Вот! Он ещё и блюёт!

– Меня увидел и побежал, а вчера в клубе говорил, что сюрприз мне сегодня устроит. Романтический.

Георгий Григорьевич обнял дочку с внучкой.

– Так уезжает он, в Антарктиду, на полярную метеостанцию, снег подметать. Больше его мы не увидим.

– Ух, ты! Романтично как! Полярная ночь, звезды, огни...

– Жора! Ну что ты лепишь! Какая Антарктида?

– Молчи, мать! Идите сюда, козочки мои, обниму вас.

И Георгий Григорьевич обнял всех крепкими руками до хруста в костях.

– Ой, дедушка! Больно! – заверещала внучка. – А это у тебя что? – И ткнула пальчиком в якорь на плече.

– Это потому что дедушка был моряк, – сказала Катька.

– Ты плавала на лодке?

– Ага. На подводной, – Георгий Григорьевич весело расправил усы и взял внучку на руки.

– А где?

– В Антарктиде...

В дверь постучали.

– Газельские? Здравствуйте. Это вы половину дома сдаёте? – Наталья Григорьевна шагнула в дом.

– Мы. Наталья Григорьевна? Мне уже сказали из сельсовета. Может чаю? – Георгий Григорьевич расправил усы.

– Спасибо, меня Дора Марковна пирожками угостила.

– Тогда тем более! Тоня! Наливай всем борща!

Внучка подошла к Наталье Григорьевне и потрогала её за волосы.

– Вы такая красивая, как наша Динка!

– Кто? – удивилась та.

– Собака наша, Динка! Такая же шерстяная, как вы!

Газельский закрыл лицо руками.

Жених

Поезд остановился на станции Усть-Кут в обед. На перроне ходили люди с чемоданами и рюкзаками, стоял гвалт и шум. Егор вышел из душного плацкарта, неделя путешествий ему показалась пыткой, он похудел, оброс, у него болела каждая молекула тела и живот в придачу от пирожков

со станции Зима. Он нес всего один чемодан, сумку с вещами, где был замечательный итальянский костюм, польские туфли с носками и три импортных галстука, нагло утащили в суতোлке на какой-то станции, он даже не запомнил на какой. Соседи по купе менялись так часто, что слились у него в голове в одно большое пьяное лицо вахтовика. Он уже начинал сомневаться, а взял ли он эту сумку вообще из Питера? Да! Точно брал! Помнит, как сажился в вагон и засунул её под нижнее сиденье! А теперь её нет! Он долго и глупо смотрел в пустое место для багажа и вздыхал. Нет! Не так он себе представлял покорение Сибири! Он должен был ступить на неизведанные земли как Ермак! Как Пржевальский! А он приехал без вещей, с головной болью и расстройство желудка. Всю дорогу его пытались обмануть, не давали спать и пытались напоить. Пыталась обмануть проводница, не давали спать соседи, они же и поили. Чай был не вкусный и дорогой, соседи дышали в лицо перегаром, будили, предлагали выпить и садились с размаху на ноги. Не привыкший к такому обращению, Егор вначале впал в ступор, и целые сутки лежал лицом в подушку, чем приводил пьяных соседей в тревогу и вызывал у них отцовскую заботу – а не откинулся ли парнишка в дороге? Стоило дать ему небольшие признаки жизни – пошевелить ногой – как огромные ручки вахтовиков тут же его приводили в сидячее положение и начинались рассказы о страшных морозах, задушение волков и медведей голыми руками и всё это под сивуху, которая

невидимым образом разливалась и выпивалась. Досталось и Егору, такой гадости он еще не пробовал, даже в институте. После стакана этой бодяги его мутило два дня.

– Слабак! – сделали заключение соседи, но пить не переставали.

Соседи менялись, картина оставалась.

И вот он – благославенный Усть-Кут! Сейчас пароходиком два денька и всё! Он увидит свою Наташку! Эта мысль вдохнула в него силы, и страшная неделя путешествий и потеря чемодана не показалась ему уже катастрофой. Вот только болела голова и урчал желудок, но это временно, рассудил он, и пошёл искать такси доехать до речного вокзала.

– Куда ехать? – дорогу из вокзала ему перегородил здоровенный детина, в руках у него были ключи от машины.

Егор не хотел садиться к первому встречному, но, подумал он, быстрее бы добраться, ладно!

– До речного порта! – у таксиста округлились глаза и открылся рот.

– Что? Дорого очень? – испугался Егор.

– Нет, – спохватился таксист и назвал цену.

– Ну... приемлемо... – скуксился Егор, сторговаться он не успел, как таксист вырвал у него чемодан и только успел крикнуть, убегая.

– Красная «копейка»!

Егор сел на грязное сиденье, чемодан стоял сзади.

– На речной порт? – переспросил бомбила.

– Ну да, – кивнул головой Егор.

Проехав метров сто, машина остановилась.

– Приехали, вон, через дорогу перейдёшь и порт.

Егор уставился в окно – торчал шпиль с корабликом.

– Не понял... – прошептал он. – Это чего, через дорогу надо было... и всё?

– Ну да!

– А чего вы мне не сказали?

– А я думал, ты с шиком хочешь.

– Я платить не буду за десять секунд!

Водитель молча открыл багажник и достал пистолет. Егор вздрогнул и ни слова не говоря заплатил, он сидел взмокший, боясь пошевелится и посмотреть в сторону здорового водителя. Тот спокойно нажал на курок и из ствола вырвался огонёк. Он прикурил.

– Будешь? – спокойно спросил водила.

У Егора чуть не текли слёзы от обиды – так попасться! На какую-то зажигалку! Он молча вышел и что есть силы хлопнул дверью автомобиля.

– Ах ты! – выругался водитель, но Егор уже перебежал дорогу в сторону речного порта, водила что-то долго кричал ему вслед и грозил кулаком, потом усмехнулся и достал чемодан. Чемодан! Егор схватился за голову руками, как он мог про него забыть! Он присел на корточки и даже не представлял, что делать: подойти к водителю и получить от него по морде или остаться без документов и последних вещей?

Документы были дороже. Вопрос решился сам собой, таксист, повертел чемодан в руках и кинул под колёса проезжающего грузовика. Тот легко его переехал, чемодан лопнул из его недр вылезли рукава белой рубашки, которые тут же стали другого цвета под выхлопными газами лесовоза. Таксист что ещё крикнул и уехал к вокзалу, видимо, опять ловить беспечных пассажиров. Егор сидел на корточках и смотрел, как легковушки объезжают его чемодан, проезжая по длинным выпавшим, уже не белым рукавам. Вдруг «Нива» неопределённо грязного цвета остановилась на обочине и из неё вылез довольно пузатый короткостриженный мужчина, он подобрал чемодан и открыл его. Вытащив две рубашки Егора он что-то сказал такой же крупной женщине, которая вышла с пассажирского сиденья. И Егор побежал.

– Это мой чемодан! Мой! – кричал он.

Толстые мужчина и женщина повернулась, а из машины ещё вышли девушка и мальчишка. Оба были также пышных форм, как и родители.

– Этой мой чемодан! Мои вещи! – подбежал Егор к семье.

Толстый стриженный мужчина с удивлением посмотрел на Егор и сказал.

– Ага! Ща! Это мой! Из багажника выпал!

Егор не ожидал, что его будут обманывать и обворовывать на каждом шагу, и чем дальше от дома он забирался, тем меньше кому-то он был нужен. А здесь, кажется, все только

его и ждали, чтобы всего его обобрать.

– Мой чемодан... – пролепетал Егор, глядя на порванный и помятый под машиной кожаный блин.

Мужик поднёс к его лицу здоровенный волосатый кулак.

– Паспорт! – сообразил Егор. – Там внутри! И диплом!

Он выхватил чемодан из рук мужчины и порылся в вещах, ища документы

– Вот! – гордо представил он, на удивление невредимые документы.

– Егор Васильевич Комаров, выдан... – прочитал мужчина. – Санкт-Петербургским... О! Так ты из Питера, что ли?

– Да, – уже спокойно, и чуть гордо сказал Егор, доказав, что его чемодан, это – точно его чемодан.

– И чего ты сюда припёрся? – удивился тот.

– В Жагуру направляюсь.

– Куда? – мужчина аж присел. – Ты дурак? Туда аж тыща километров ещё!

– Да я за невестой...

– Нда... – мужчина обошёл Егора вокруг, как бы оценивая. – Невеста... Зечка что ли? По переписке познакомились?

– Нет! Что вы! – ужаснулся Егор. – Мы с ней с Питера знакомы...

И Егор, держа в руках разорванный чемодан, рассказал первому встречному, как они любили с Наташкой друг друга, как он хотел сделать ей предложение руки и сердца, но

его вдруг отправили на химический форум в Москву, а там он познакомился с молодой кандидаткой наук биологии из МГУ и он провел с ней чудесную неделю, а потом рассказал всё Наташке, потому что между ними не должно быть никаких тайн. Наташка не поняла этой правды, бросила кандидатскую по древнему языку славян Зауралья и уехала преподавать русский и литературу в Жагуру. А теперь он понял свою ошибку и едет к ней, вот только кольцо он потерял по дороге, а может и вытащили. Мужчина только вздохнул, сказав:

– Ой, дурак...

Жена и дети при этом стояли и слушали историю любви, раскрыв рты.

– Николай Карпыч, – сказал он и протянул руку. – Супружница Галина Паллна, дочь Машка и сын Петька.

Егор поздоровался. Николай Карпыч достал из багажника большой холщовый мешок и верёвку.

– Ну, Егор, сам сделаешь вещмешок?

– Кого?

– Почему кого? Что! Ты где служил?

– Да... я ... не служил... «белый билет» мама сделала...

– А... – неопределённо сказал Николай Карпыч, и быстрым движением связал концы верёвок за низ мешка, в мешок сунул расплющенный чемодан с вещами и крепко завязал петлю за горловину, получился самодельный рюкзак.

– Ого! – удивился Егор быстроте, ловкости и результату.

– Ну дык! – довольно сказал Николай Карпыч. – А может на фиг тебе эта Жагура! Смотри, какая у меня дочь на выданье!

И он хлопнул её по заду.

– Пап! – сказала дочь Машка и зарделась.

– А? Мать? Что скажешь? – он обратился к жене.

– Да, видно, что парень-то не плохой, и образованный, да больно уж худой, – проговорила жена Галина Паллна, внимательно разглядывая Егора.

– Это дело наживное!

Егор посмотрел на круглое улыбающееся лицо Маши, пышные груди и мощные ноги.

– Смотри, смотри! Чистый сахар, а не девка! – расхваливал отец дочку. – Через полгода двадцать будет! На повара учится! О, как! Сыт всегда будешь.

Егор сглотнул и в животе у него неприлично громко зажурчало.

– Ну, Петька, как тебе Егор? – Николай Карпыч обратился к сыну.

– А ты в «Денди» умеешь играть? – запросто спросил Петька у Егора.

– А... этому всё одно... – махнул рукой Николай Карпыч.

– Ну, играл пару раз.

– Ну, тогда, нормально, женись на сеструхе.

Егор был в ступоре, за полчаса, его ограбил таксист, напугал пистолетом-зажигалкой, он лишился импортного че-

модана, ему переехали вещи самосвалом, незнакомый мужчина сделал вещмешок, он рассказал историю своей любви первым встречным, и вот, ему уже предлагают жениться на девчонке, которую видит всего пятнадцать минут.

– Какой-то паноптикум... – сказал он шепотом, и, развернувшись, пошел на речной вокзал. В животе урчало и хотелось пить.

– Егор! В лесхоз устрою! Егерем! Или на звероферму! По специальности!

– Я биохимик! – крикнул Егор, удаляясь.

– Ну! Химичить будешь! Со шкурками! – Николай Карпыч крикнул ему вдогонку и жена дёрнула его за рукав.

– Да я ж в хорошем смысле... – но Егор уже их не слышал, он зашел в здание речвокзала, а перед лицом стояло улыбающееся, белозубое лицо Машки. А она симпатичная, подумал он. Тут ему со всего маху прилетело чем-то тяжёлым по коленке.

– Ай! – он схватился за ногу и в это время ему со всей силы наступили на другую.

– Ой!

– Чё на дороге стоишь? Дурень!

– Уйди с дороги! Олень! – раздалось с разных сторон.

Хромая, он прошел к кассам, из четырех, была открыта одна и та не работала, очередь была длинная и извивалась как змея через весь зал. Егор подошел было к окошку кассы, но за два метра уже был обматерён пассажирами, которые

выясняли, кто же из них первые в очереди и других они даже видеть близко не хотели. Понуро он пошел в конец зала, и на вопрос «А кто последний?», он получил тишину и недовольные взгляды.

– Нет последних! – недовольно сказала одна бабулька с большим пакетом. – Уже второй день нет!

Её ответ ещё больше обескуражил Егора. Что делать он не знал, и на всякий случай сел недалеко от бабульки, и крепко обхватив вещмешок, задремал.

– На, держи! – услышал он сквозь дремоту.

Егор открыл глаза и увидел перед собой солдата в расшитой дембельской форме не по уставу и с аксельбантами на кителе. Тот протягивал ему бутылку «Фанты».

– Держи, держи! Я гляжу – свой! По вещмешку узнал, мы тоже такие крутили в учебке! – солдат уважительно потрогал узел на мешке. – Десантный! Сам-то всё? Дембельнулся? Или на побывку?

Егор начал жадно пить «Фанту» и неопределённо помотал головой.

– А я, брат, всё! Домой! Сам, то – откуда?

– Питер... – Егор выдохнул и продолжил дальше мелкими глотками пить из бутылки тёплую противную «Фанту».

– Ишь ты! – удивился солдат. – Питер! Далеко, брат тебя забросило!

Егор не мог не согласиться и искренне сказал.

– Ты не поверишь как далеко!

– Ну, держись! Десантура! Поезд у меня! – и солдат крепко пожал вялую ладонь Егора, что привело его в замешательство. Солдат подозрительно посмотрел на Егора, но ничего не сказав, вышел из здание речпорта.

Неожиданно для всех открыли все четыре окна кассы, и очередь с шумом разделилась на четыре неравные части – преданные первому окошку, хитрые побежали к последнему, и самые длинные очереди образовались около второго и третьего окна. Непостижимым образом бабулька с пакетом оказалась первой у второй кассы, Егор хотел всем сказать, что он как раз и занимал за ней, но его пообещали выкинуть в Лену, накидав в его мешок камней, если он не прекратит путать очередь.

– Тут вам не поликлиника! – верещал один тощий пассажир в шляпе. – Тут вам не получится! Я вам не дам!

Что кому он не даст, и что у кого не получится, никто не понял, но он всем так надоел своим визгом, что с него сняли шляпу и запустили под потолок. Все завороженно смотрели за её полётом. Шляпа красиво сделала большой крюк вокруг люстры и упала у другой стенки. Пока тощий бегал за шляпой, очередь сдвинулась, перемешалась, и он так и не смог найти за кем стоял. Молча встав в конец очереди, он долго что-то ещё бурчал, но шляпу держал уже в руках.

Егор уже стоял в середине очереди, как его резко дёрнули за мешок. Ожидая очередную пакость от своей несчастной судьбы, которая бросила ему покровительствовать, как толь-

ко он выехал за пределы просторных проспектов Петербурга, с криком «Ай!» он повернулся. Перед ним стояла Машка и улыбалась, в руке у неё была тарелка, накрытая полотенцем. Она приоткрыла краешек и Егор увидел на тарелке пирожки и запах свежего, горячего, домашнего. У него чуть не подкосились ноги.

– Дурак! Думает ещё!

–К нему девка со жратвой, а он уезжать собрался!

– Интеллигенция, понимаешь!

– Точно! Вшивая, причём! – раздалось из очереди.

– Ну? Пошли? Тебе папа билет уже взял, у него начвокзала знакомый, – сказала Машка.

– Взял? Мне? Билет? – Егор всё больше и больше удивлялся причудливому калейдоскопу событий.

– Ну! Через неделю теплоход твой. Люксом поплывешь. А пока у нас побудешь. А я тебе пирожков напекла.

Егор поднял глаза и увидел, как её пузатый отец разговаривает с каким-то человеком в форменной синей одежде. Егора уже вытолкали из очереди с напутственными словами, среди которых становилось всё больше неприличных. На что Машка открыла полотенце и особо усердствовавших в напутствиях для Егора и Машки предложила по пирожку, чем ввела граждан в полнейшее изумление и восторг.

«Нива» неопределённого цвета ехала вдоль Лены, Егор сидя на переднем сиденье жадно ел пироги, так и не договорясь со своей питерской интеллигентностью. Николай Кар-

пыч только посмеивался, и поглядывал на дочь в зеркало. Откусывая сразу по полпирожка, Егор смотрел на бесконечное количество погрузчиков и портовых кранов, стоявших вдоль берега.

– Скажи, мощь! – заметил его взгляд Николай Карпыч.

– Да, силища...

Подъехали к усадьбе, огороженной невысоким забором.

– Ну, что? Вначале в баньку, – как бы не спрашивая и не предлагая, а утверждая сказал Николай Карпыч.

– Как в баньку? Прямо вот так? – спросил Егор.

– Как так? Ну, да, так! Хорош рассуждать мне! Питерская интеллигенция! Иди, вон Машка тебе одёжу чистую приготовила! Или может с Машкой в баню пойдёшь? Я не против, если у тебя намерения!

Егор закашлялся.

– Какие намерения? – сипло спросил он.

– Сам знаешь какие! Глазки ей строишь! Пялишься, пироги вон сожрал, точно, намерения!

Егор обалдел от таких речей и сел на какую-то чурку. Ну и семейка! Подумал он, но пирожки! Это было что-то! Машка принесла чистую одежду.

– Это исподнее армейское, не боись, не с убитых снято, чистое, со складов. Не учтёнка. Не видел, поди такого.

И Егор, вздохнув, решил покориться судьбе.

В парилке было под восемьдесят градусов. Николай Карпыч хлестал себя здоровенным веником и ревел от удоволь-

ствия на верхней полке, он был в военной шапке-ушанке, верхонках и семейных трусах.

– Разве в одежде парятся? – спросил Егор, сидя в три погибели и в обнимку с тазиком холодной воды на полу.

– Залазь ко мне, чё ты там мёрзнешь? – Николай Карпыч поддал на каменку.

– Я ваши дикие принципы не разделяю – сидеть в жаре и бить себя деревом, – проговорил Егор сквозь облако горячего пара.

– Какие же они дикие? Очень даже цивилизованные! – и Николай Карпыч сподобившись прошелся горячим веником по спине Егора.

– Аааааа! – выгнулся тот и выпучил глаза.

– Надо весь поезд из тебя выбить, а то воняешь, как пси-на! – и Николай Карпыч схватив второй веник начал лупить Егора куда придется.

Зайдя в дом, Николай Карпыч накинул старый в дырах банный халат и на вопрос жены и дочки, а где же гость, коротко ответил.

– Слабак.

– Помер что ли? – ужаснулась жена, зная манеру парится Николая Карпыча.

– Дура! Вон сидит он в предбаннике в холодном тазике, кровь носом идёт. Я ж говорю – слабак!

– Ну, ты, папа, вообще! – и Машка, взяв полотенце пошла в баню.

– Э! Смотри мне! – крикнул ей вслед Николай Карпыч.

– Не трогай девочку, может и вправду это дохлячок ей приглянется. Мне так очень понравился, интеллигентное лицо и с высшим образованием! – сказала Галина Паллна.

– Сама разберусь! – вильнув тугим задом сказала Машка и скрылась в бане.

Егор сидел голый на деревянной лавке, закинув голову и размазывал кровь по лицу, бегущую тонкой струйкой из носа. Увидев вошедшую Машку, он прикрылся руками.

– Ой! Да чё я там не видела! – хохотнула она. – Ну-ка!

И, намочив полотенце в ледяной воде, положила Егору на лоб, кровь тут же остановилась, она аккуратно вытерла с лица всю размазанную кровь и сказала:

– Ну что, Егорка – курил махорку, познакомимся поближе?

– А? – он опустил голову и холодное полотенце упало ему между ног. – Аааа!

– Бэээээ! – сказала Машка, и закрыла двери на крючок. Егор почувствовал, что сумасшедший день никогда не закончится, и сознание наполовину шагнуло из него.

Петька привстал и краем глаза посмотрел в банное окно, потом приложил ухо.

– Ну, чего там? – шёпотом спросила Галина Паллна.

– Тишина, – прошептал Петька.

– Эх! – вздохнула Галина Паллна. – Поздно пришли! Самое интересное пропустили!

– А что пропустили?

Мать отвесила Петьки подзатыльник

– Мал ещё с такими вопросами лезть к матери!

Петька отскочил.

– Ничего я не мал! Всё я знаю!

В это время двери бани открылись и из них, шатаясь, вышел Егор с красными, полопавшими сосудами в глазах, замотанный в какой-то женский халат.

– Ну, как, хорошо помылся, Егор? – участливо спросила Галина Паллна.

Тот только кивнул головой, не в силах ничего говорить.

– Сеструху мою совсем исшоркал? – смеясь спросил Петька.

– Петька! – прикрикнула мать на сына.

– А? – Егора качнула и он облокотился на стенку. – Нет... там... парится...

Из бани вышла раскрасневшаяся Машка, и, взяв за локоть Егора, повела его в дом.

– Видишь, человек не привычный к бане, – объяснила она матери шатающуюся походку Егора.

– Да уж поняла, – сказала она и подмигнула дочери, та подмигнула в ответ.

После обильного домашнего ужина Егор наконец-то пришел в себя. Машка сидевшая рядом, подкладывала то одно, то другое. За столом сидели ещё незнакомые мужчина и женщина, они молча в упор смотрели на Егора, много ели и

пили. Устроили смотрины, думал Егор под тяжёлым взглядом незнакомца, подобрали на станции, как щенка, а сейчас определяют – породистый или нет. Егор, уже сытый, ковырял котлету, даже не представляя, что же дальше делать: уехать через неделю в Жагуру к Наташке, где она его точно не ждёт, остаться в Усть-Куте, где его так по доброму принимают практически незнакомые люди и где так вкусно кормит Машка, а что она вытворяет в бане! А может, вернуться в Питер и сесть за брошенную диссертацию? Или уехать в Москву к той кандидатке наук из МГУ, хотя её муж будет крайне против, ещё и морду набьёт, да и имя её он уже забыл. Парень просто нарасхват, грустно подумал он про себя.

– Ну, мать, мы с Егорушкой по делам! – сказал Николай Карпыч и встал из-за стола, прервав не весёлые мысли Егора.

– Куда это вы, на ночь глядя? – встревожилась Галина Паллна.

– И я с вами! – подскочила Машка.

– А ну, цыц! Кудакаешь мне! Сказано – дела! Вы вон с Кузьмиными сидите, – и он махнул рукой на жующих незнакомцев.

«Ниву» грязного цвета вообще не было видно в темноте, проехав немного по колдобинам, Николай Карпыч выехал на дорогу и рванул в центр. Остановившись около большого синего здания с одним окном, он сказал.

– Пошли, сюрприз тебе будет.

– Какой ещё сюрприз? – Егор был в одном нательном ар-

мейском белье, и фуфайке.

– На то и сюрприз! – и Николай Карпыч достал из багажника небольшую сумку и громко постучал в фанерную дверь.

Дверь открылась и на пороге при свете тусклой лампы возникла седая кудрявая старуха.

– Не сдохла ещё, карга? – весело спросил Николай Карпыч.

Старуха противно хохотнула и также весело ответила:

– Колька, Колька – болт вот столько! Чудила-худила, чё припёрся, дурила?

– Вот, Егор, знакомься – бабка Глашка, ещё с Колчаком по тайге бегала.

– Эх! Снаряды нам тогда в восемнадцатом не подвезли! А то бы мы вас всех тогда положили!

– С Колчаком? А сколько ей лет-то? – шепотом спросил Егор у Николая Карпыча.

– Чё ты шепчешь, чё ты шепчешь? Егор, Егор, плывёт как топор! – весело проговорила бабка Глаша.

– Много! Но больше привирает, конечно, – шепнул Николай Карпыч. – Слышь, старая, мы по делу! Держи!

Он открыл сумку и показал бабке запотевшую бутылку водки, и полную сумку закуски.

– Проходите, гады залётные!

Егор зашёл и оказался на телефонной станции, кругом стояли панели с проводами до потолка, постоянно щёлкали реле и моргали маленькие лампочки. В углу был стол и дере-

вянный топчан.

– Чё хотели, краснопёрые? – Бабка Глаша аккуратно вынимала еду и расставляла на стол.

– Позвонить бы нам, старая, в Жагуру. – сказал Николай Карпыч

– Куда? У меня даже денег с собой нет! – ужаснулся Егор, Николай Карпыч только рукой махнул.

– В Жагуру? Это можно, – проговорила бабка Глаша, вертя в руках холодную бутылку. – Можно хоть куда, хоть в Жагуру, хоть в прокуратуру. Вот зачем только?

– Да невесте вот... Егору надо...

– Невесте? Ишь ты! Сучку свою проведать решил на ночь глядя?

– Ничего она не... – Егор запнулся, Николай Карпыч только рукой махнул, мол не обращай внимания на неё.

Бабка Глаша достала толстую грязную тетрадь, полистала.

– Тааак... Жагура... Сегодня Котов Василий дежурит... – сказала она, водя по исписанным строчкам морщинистым пальцем.

Она ушла в дальний угол, сняла черную тряпку с телефонного аппарата и пощёлкала какими-то тумблерами на стене.

– Спецсвязь, иттимать, – сказала она, покрутила диск и тут же заорала в трубку. – Жагура! Аллё! Котов! Василий! Кот! Кот! Васька! Чтоб ты сдох! Отвечай! О! Слышу! Это Усть-Кут! Усть-Кут, говорю! Глухая тетеря! Да! Узнал? Да! Я! Соедини-ка меня с... с кем надо то? – повернувшись спро-

сила она у Егора.

– А я номера не знаю... – растерянно сказал Егор.

– Ты какого оглыдка привёл? Карпыч? Фамилию скажи!

– Ээээээ... Сорокина! Наталья! Учительницей работает!

– Слышь, Кот, тут этот малахольный хочет с учителькой какой-то поговорить, Сорокина Наташка. Ты её знаешь? Он её знает – она удивлённо повернулась к Егору. – Ну, так соединяй! В рот тебе ноги!

Бабка Глаша ещё немного послушала шипение и треск в телефоне и сказала:

– Нет, говорит, у твоей учительки телефона, на соседей звонок перевел, сейчас они её позовут, держи, мудострадалец! – и она протянула ему черную трубку телефонного аппарата.

– А сколько можно разговаривать? – спросил Егор, осторожно беря трубку.

– Пока она не пошлёт тебя ко всем чертям! – хохотнула бабка Глаша. – Пошли, Карпыч! Накатим по сотке!

– Говори, сколько надо, – сказал Николай Карпыч, и они ушли к столу, оставив в полумраке Егора наедине с черным телефоном и мигающими лампочками.

– Алло! Алло! Мама! – донёсся из трубки знакомый голос Натальи Григорьевны. – Мама! Что-то случилось?

– Это не мама, это я, – осторожно сказал Егор.

– Кто я? – удивились там

– Ну, я, Егор!

– Егор? Что-то с мамой?

– Почему с мамой?

– А зачем звонишь по межгороду?

– Ну... я здесь...

– Где? Ничего не понимаю? Что-то с мамой?

– Я в Усть-Куте!

На том конце провода замолчали.

– Аллё! Наташа! Я в Усть-Куте!

На том конце провода молчали.

– Аллё! Наташа! Я к тебе еду!

– Нет! Я... замуж выхожу!

– Как... замуж?

– Так... обычно!

Около уха Егора раздались гудки.

Далеко, в Жагуре, в доме Газельских, где Наталья Григорьевна положила трубку и выдохнула, вся семья открыла рты.

– Замуж?... Наталья Григорьевна...поздравляем...

– А? Нет... это так... чтоб отстал один...

– Аааа...

Егор положил трубку и прошел к выходу.

– Замуж выходит... – сказал он медленно.

– Ну! Я ж говорила, что пошлет этого обсоса к едрене фене! – сказала бабка Глаша, занюхивая черной корочкой. – Давай к столу! Сопля! Залей печаль! Вот сажи мне, Карпыч, зачем тыщу верст ехать, чтоб тебя потом послали?

– Ну, любовь! – сказал Николай Карпыч и подмигнул Егору.

Бабка Глаша уверенной рукой разлила в маленькие гра-
нённые стаканы немного водки.

– Любовь... вот меня Александр Васильевич любил, аж под расстрел пошёл!

– Кто? – удивлённо спросил Егор

– Колчак! Царство ему Небесное! Верховному правителю и командующему армией! Ура! – крикнула бабка Глаша и намахнула стакан. – А! Крепка! Как наш бронепоезд на первой колее!

– Вы что, правда его видели? – недоверчиво спросил Егор.

– Ты что, чердаком тронутый? Видела... Да я под ним лежала!

– Ладно, бабка, пошли мы, а то твои байки не переслушать! Смотри, не сдохни до утра тут.

– Я? Сдохнуть? Да я помню, как я с атаманом Соловьёвым от погони уходила – не сдохла! Утро, туман, пули свистят, кони хрипят! А мы, да через степь, да через сопки с Иваном Николаевичем, да на одном коне! От ЧОНовцев уходим!

– Ты ещё вспомни как с Ермаком шастала!

– Чего не было – того не было! Врать не буду!

Николай Карпыч хохотнул и обняв, Егора вышел.

– Всё к лучшему, если от тебя уходит подруга, ещё неизвестно куму повезло! – сказал он, когда они сели в машину.

– Тогда зачем я ехал пять тысяч километров?

– Может как раз для того, чтобы мы встретились – глубокомысленно сказал Николай Карпыч

Егор молчал всю дорогу до дома.

– А правда эта бабка с Колчаком была? И обзывается всё время... – спросил, когда машина остановилась

– Была, была...

– Так сколько ей лет-то?

– За девяносто где-то...

Егор посмотрел на часы, через пять минут закончится этот невероятный день. Кому расскажи – не поверят.

– Ну, принял решение? Остаёшься? Или... – спросил Николай Карпыч и достал билет на теплоход.

– А работа? – Егор искал ещё пути отступления.

– А кем хочешь?

Егор подумал

– В школе хочу, учителем, химию преподавать.

– Всё! Договорились! Остаёшься?

– Остаюсь!

– И Машку берёшь?

– Беру!

И Николай Карпыч порвал билет.

– Вы кто? Всё можете и всех знаете?

Николай Карпыч усмехнулся.

– Кто, кто... начальник жизни...

Сашка Жид

Похоронная процессия в посёлке это вам не ритуальные услуги в городе, тут все друг друга знают, хоть ты на краю посёлка живёшь, где тайга начинается, хоть в центре около магазина с хлебом. Все друг с другом пересекались: продавщица сельпо с участковым, глава сельсовета со сторожем лесопилки, дворник школы с главврачом. Так Наталья Григорьевне рассказывала завуч школы, жившая в посёлке уже лет шестьдесят. Люди не спеша, приминая глубокий снег, двигались за посёлок, на Лужину горку, где находился погост. Тихо переговариваясь о превратностях судьбы и дикости человеческой природы, её пороках и грехах и к чему это приводит. Мужики не спеша курили одну папироску на пятерых и тайком от жён грелись из военной фляжки самогоном. Вдоль домов стояли люди без шапок, кто-то присоединялся и шёл вместе с остальными за посёлок.

– Васька! Василий! А ну вернись! Опять нажратый вернёшься! – молодая женщина в телогрейке кричала вдогонку своему мужу, который, пряча в руках полушубка бутылку, догонял процессию.

– Отстань! – кричал Васька, огибая сугробы. – Позоришь меня тут, может я, помянуть его хочу!

– Кого помянуть-то?

– Сашку Жида!

– Сашку... – Васькина жена опустила руки и уткнулась

головой в калитку. – Кого поминать-то? Три тыщи остался должен твой Сашка Жид...

Сашка Жид, лежащий в гробу, был должен не только Васькиной жене, но и половине посёлка. Кому тысячу, а кому и охотничьи лыжи ещё с прошлой зимы.

– А почему, извините, его зовут Сашка Жид? – поинтересовалась Наталья Григорьевна у завуча. – Еврей?

– Эх, деточка, – здоровенный мужчина, шедший впереди повернулся. – Если всё про него рассказывать, недели не хватит. Воришка мелкий, понимаешь. А погремуху такую ему ещё в детстве дали, потому как жадный был, понимаешь, ну и жадина да жадина, а потом сократили до жид, понимаешь. Ну а потом как приехал с первого курса железнодорожного училища, да в форменном кителе, так тут считай сам Бог велел, понимаешь! Пришел он в клуб в черной своей форме, что бы, понимаешь, пыль в глаза пустить, а кто-то из острословов и скажи – смотрите! Сашка «жэдовскую» форму надел! Ну и всё, понимаешь! Из училища его выгнали, говорят за кражу, да и форму отобрали. Вот тех пор он уже тридцать лет как Сашка Жид понимаешь... был. К евреям, понимаешь, он никакого отношения не имеет, если вы про это. Вот Газельский Жора и Янгель Федька, вон те, которые впереди гроб несут – вот эти точно евреи! Пьют – и не пьянеют, понимаешь! Евреи, точно! А Федька вообще босиком из бани домой ходил через весь посёлок, ну точно еврей, по-

нимаешь! И это, понимаешь, под Новый год! Забыл дома валенки, говорит! И, кстати разрешите представиться – Сергей Сергеич Семаков, понимаешь!

Наталья Григорьевна резко остановилась, и ей в спину тут же ткнулись люди и образовался затор.

– Семаков... Сергей... из одиннадцатого... это ваш сын? – спросила она

– Этот оболдуй? Точно! Есть такой, понимаешь! Что-то натворил?

Наталья Григорьевна только сжала губы

– Знаете что! Лечите свою персеверацию! Понимаешь! – передразнила она Семакова и перешла к другому ряду.

Семаков покраснел, пробормотал про какую-то Светку, что она не болеет и он тоже, как-то сразу сник, отказавшись от фляжки с самогоном, предложенным соседом.

Чем ближе подходили к погосту, тем больше людей вспоминало у кого и сколько Сашка Жид занял денег.

– Приходит и говорит – дай до пятницы тыщу, я ему – ты мне вначале пятьсот отдай, что до среды занимал. Так сегодня понедельник, говорит, зачем я тебе буду раньше отдавать? Во! Понял, как вопрос ставит!

– Ну, и дал? Тыщу-то?

– Дал!

– Ну и дурак!

– А ты бы не дал?

– Нет!

– А на самом деле? Давал ему денег?

– ... да...

– Ну, вот и сам дурак!

Такие разговоры слышались то здесь, то там. Мужики спорили, кто был в подпитии – шумели громче всех, их успокаивали жены. Поднялись на Лужину гору, по широкой дороге, где шла процессия, по обеим сторонам стояли старые покосившиеся кресты. Дальше были прямые кресты и начались кое-где гранитные плиты. Народ в посёлке явно не хотел умирать – кладбище было маленькое. Подошли к заваленной снегом могиле.

– Не порядок, не по-христиански это, товарищи, – сказал партийный глава сельсовета, видяв могиле по колена снега. – Сколько бы он денег в кассу взаимопомощи не вернул, а всё равно...

И, спрыгнув в могилу, начал выкидывать оттуда снег.

– Ишь, – зашипели тихонько женщины. – Быстрее схоронить его хочет, аж сам могилу роет!

– Видать много денег Сашка Жид в кассе взял!

– Видеть его не хочет!

– Что творится, бабы!

– Скоро председатель всем могилы рыть будет, дождёмся!

Газельский, за спиной которого и происходило это шипение, повернулся и цыкнул. Суровое лицо со вздыбленными усами главного зоотехника вмиг успокоило присутствующих. Газельский обвёл всех взглядом и некоторые особо горючие, кажется даже стали меньше ростом под его суровыми глазами, но это и не удивительно – Георгий Григорьевич Газельский взглядом мог остановить бешеного быка, бегущего непонятно куда и непонятно зачем, а тут – обычные люди.

– Так от чего помер-то?

– От замерзания.

– Да чего ты болтаешь-то? Доской зашибло!

– Да какой доской? Не знаешь и не говори! Внутренний порыв органов, во!

– Дык от чего порыв-то? От зашиба!

– Это судьба разорвала его каменное сердце от взваленных на его плечи пороков, – проговорил старый дед Семён в ушанке без вязочек, поэтому одно ухо торчало вверх, второе вбок.

Все внимательно посмотрели на деда Семёна, тот затянулся самокруткой и сплюнул под ноги.

– Ты где, старый ты хрен, таких слов набрался? «Судьба», «каменное сердце»? – недовольно спросили его бабы. – Серялы штоль, малахольные смотришь?

– Дык я ж «Работницу» выписываю, дуры-бабы, и в библиотеку хожу, вместо тиливизира. Развиваюсь. Умственна. От вас, отсталых. Скоро на факультативы начну к Наталье Григорьевне ходить, тада вообще с вами говорить не о чем будет. Да, вам, гусыням не понять всю сущность глубины истины диалектики личности...

– Нет! Ты смотри, подлец! Не эпитаграмма, так афоризма! А по молодости вообще два слова сказать не мог!

– По молодости лет мне осколок в башке от фугаса мешал.

– А сейчас? Растворился штоль? – хохотнули бабы.

– Может и растворился. Человеческий мозг – это бездонная чаша познания сущности мира.

– Иди ты...

– Вот те крест...

– А ну, цыц! – прикрикнул на них глава сельсовета. – Развели базар! Так, кто хочет слово сказать? Родственники!

Но родственников у Сашки Жида не было.

– Хорошо, я скажу, – глава сельсовета прокашлялся. – Сашка Жид... – он запнулся. –

Вернее, Александр... – он повернул голову к толстой бухгалтерше.

– Молчанов, – подсказала она.

– Да, Александр Молчанов, был человеком весёлым и жизнерадостным, готовым всегда прийти на помощь своим

друзьям, гостеприимным и добрым хозяином. И всем нам жаль, что он не дожил до пятидесяти.

Все молчали, открыв рты, никто не понял про кого сказал глава. Всё, что было сказано шло вразрез с пониманием о жизни Сашки Жида, кроме возраста, ну и фамилии.

– Слышь, председатель! – дед Семён смачно плюнул под ноги. – А ты точно Сашку Жида хоронишь? Может кого другого? Чивой-то я не помню, шо бы миня, этот добрый хозяин, приглашал в гости или приходил на помощь!

– Ну, во первых я не председатель, а глава сельсовете...

– Да как ни назови, всё одно.

– А во вторых, о мёртвых либо хорошо, либо никак.

– Ишь ты... Ну помолчим значится...

– Слышь, глава, на моих похоронах вообще молчи! Пушай другие говорят! А то опять скажешь, что я был добрым и гостеприимным! А забыл, как я тебя дрыном огрел?

Раздался общий смех

– Вот! – продолжал дед Семён. – На моих похоронах прошу веселится и читать этого... как его дьявола... – он поискал глазами заведующую библиотекой. – Людка! Людк! Кого ты мне дала читать-то?

– Макиавелли..

– А, черт! Точно! Макиа... Ну... разберётесь! И чтоб скуч-

ных рож не было, как у председателя! Васька! Гармонь не забудь! И это ещё, ордена мои не забудьте, черти! В тумбочке.

– Ты как будто помирать собрался, дед.

– Дык пока все здесь, вот и распоряжение отдаю, и место подходящее. А ответственным за моё упокоение в родную землю назначаю товарища Газельского. Он человек серьёзный, не то что, – и дед Семён посмотрел в сторону главы, раздался смех.

– Всё, закрывайте, – обиделся глава сельсовета на несвойственное настроение на кладбище. Быстро забивкрышку, опустили гроб в яму и закидали мёрзлой землёй, венков было всего два – от школы, где он когда-то учился и от сельсовета.

– Ну а чего, поминок штоль не будет, тада я пойду, – дед Семён поглубже натянул шапку и уши встали торчком.

– Чёй-то не будет-то? Нечай мы нехристи какие? Все кто хотят в дом, где Санька жил, правда там не топлено, но ничего, надышим.

– Скажите, а мне можно, – спросила Наталья Григорьевна у одной женщины, которая распоряжалась. – Хотела узнать, как так, жил человек и как будто-лишним был и это в посёлке! Ни родных, ни семьи, и никто не горевал-не плакал! Как так может быть?

– А вот так! Правильно говоришь, лишней! Видно, что ты умная, хоть молодая да институт закончила. А на поминки не спрашивают разрешения, приходи.

В небольшом доме Сашки Жида, вернее, Александра Молчанова, набилось человек тридцать и ещё около пятидесяти стояли на морозе и тихо выпивали. Внутри было мрачно и холодно, полы – голые доски, на окнах – черные занавески от сажи, которые было страшно задеть, потому как с них летела кусками пыль. На полу валялся мусор, который женщины быстренько замели вдоль стен. Сквозь грязные, никогда не мытые окна еле-еле пробивался свет. Желтая лампочка над потолком на проводе и не заправленная грязная кровать в углу производила гнетущее впечатление. Наталья Григорьевна поёжилась и отвернулась от кровати, такой жуткой картины она никогда не встречала. На маленький стол положили две тяжеленные длинные строганные доски, найденные во дворе, и расставили на них незатейливую закуску и бутылки с самогоном.

– Добра доска, – сказал Газельский, проводя по ним рукой. – Листвяк. Тыщу лет не сгниёт.

– Помянем, – дел Семён ни к кому не обращаясь ловко опрокинул стопку. – Ну, следующий! – он крякнул и передал стопку дальше, посуды было мало.

– Так от чего помер всё-таки Санька Жид? Может наш эс-

калот скажет, – и дед Семён повернулся к главврачу, который стоял рядом с Натальей Григорьевной и грел себе и ей дыханием руки.

– Ну, во-первых, не эскалот, а эскулап, а во вторых... Евгений Семёнович, – Наталья Григорьевна обратилась к главврачу, женское любопытство брало вверх над жуткой реальностью жизни. – Евгений Семёнович, так от чего же...

...Сашка встал в четыре утра, сегодня до смены он решил успеть притащить домой четыре доски с лесопилки, которые присмотрел ещё два дня назад, но никак не мог до них добраться. И вот: доски в высоком заборе были лесопилки были выбиты и держались на верхних гвоздях, к тому же обещали буран который заметет за ним следы. Пройдя через Лужину горку, Сашка обошёл поселок, сделав крюк в километра два и прикидывал как лучше тащить обратно – по прямой, или так же, в обход. С такими мыслями он подошел к лесопилке, найдя заветные заборные доски, он ловко раздвинул их и зашел. На территории была тишина, небольшой подъёмный кран виднелся на фоне тёмного неба, в сторожке света не было, даже собаки в такой мороз не выходили из будок. Пахло смолой, солидолом и немного потрескивали доски от мороза. Сашка аккуратно прошел к давно примеченным доскам – те лежали как ни в чем не бывало, припорошенные снегом. Он аккуратно потянул одну – доска не поддалась. Потянул сильнее – нет, доска не сдвинулась с места.

– Что за черт? – прошипел Сашка. – Прибитые что ли?

Он быстро смахнул варежкой снег, пригляделся и охнул – лиственница! Широкая и толстая доска, даром что была длинной так и была тяжелой. Не унести! – горькая мысль молнией стрельнула в Сашкиной голове. Весь план насмарку! Он метнулся, искал другие доски, но нет, остальные были сложены в штабеля и подсчитаны. Сашка ругал себя, что сразу не увидел, что это лиственница. Что делать? Всё, решил он, последний раз попробую, если не получится – ухажу. Он схватился за край доски и потянул на себя, к своему удивлению та легко поехала. Правда, шестиметровую доску по снегу и на плече оказалось тащить не так легко. Вытащив её за территорию, он начал раздумывать: унести две или одну, планировал две, но это же лиственница! весит как две, но доска одна, значит надо идти за второй.

-Это последний раз, – сказал он сам себе.

Прогноз по погоде действительно сбывался, когда Сашка вытащил вторую доску за периметр лесопилки, ветер со снегом уже бил ему в лицо. Запыхавшись, он присел отдохнуть у забора.

– За полчаса дойду, это последний раз, – сказал он, ему было совсем не холодно, только вот кололо правый бок который день подряд, а так было всё в порядке.

Он вспомнил картину «Бурлаки на Волге», и представив

себя бурлаком, он решил утащить обе доски сразу.

– Мужик я или нет? Хотя, там у них тепло, на картине-то. Всё, это последний раз, – он, кряхтя поднял на плечи обе доски и медленно пошел вперед.

Сашка решил идти без передыху, дабы никого не встретить из утренней смены. Поднимаясь с обратной стороны Лужиной горы с него уже тёк пот в три ручья, Под полущубком было мокро, а ветер проникал и быстро выстуживал мокрую одежду, было и жарко и холодно одновременно.

– Это последний раз, – шептал он, чувствуя, как доски давят на позвоночник и он начинает просто гореть.

Появились огни поселка, оставалось идти минут десять, с горки идти было легче, и он так разогнался, что пропустил поворот, и влетел в снег по пояс. Ещё минут десять он выбирался с досками из снега, потеряв меховую варежку. В боку справа начало болеть сильнее. Всё, решил он, сегодня же к врачу, после работы, обязательно! Наконец, он пришел к своей калитке, которая открывалась под порывами ветра. Затащив доски во двор, он сбросил их со своих плеч и в этот момент почувствовал в правом боку резкую боль, которая согнула его пополам и уронила на только что принесенную доску. Боль была такой сильной, что Сашка не мог вздохнуть, он схватил доску на которую упал и с нечеловеческой силой, прижав её к себе, перевернулся на спину, придавив себя ей сверху. Пурга усиливалась, Сашка Жид лежал у се-

бя во дворе, придавленный лиственной доской, замерзая с каждой минутой, ни дышать ни крикнуть у него сил не было. Снег уже переставал таять у него на лице, страшная боль в боку не давал пошевелиться

– А зачем мне эти доски? – глядя на плаху сквозь замерзающие глаза подумал Сашка Жид...

– Какой кошмар, – прошептала Наталья Григорьевна, водя рукой по хорошо обструганной лиственной доске, приспособленной вместо стола. – Так он замерз? Или его придавило?

– Всё сразу... – сказал Евгений Семёнович. – Тут ещё и перитонит...

– Лишний человек... – прошептала Наталья Григорьевна, печально качая головой.

– Да уж! Лишний... пять тыщ так и не отдал... – дед Семён не переставал вливать в себя самогон. – Таким должником на тот свет ушёл, не дай Бог никому!

Гога с Технолога

Прошло полгода работы Натальи Григорьевны в посёлке, любовь к северу не появилась и не проявилась. Зато всей

своей душой Наталья Григорьевна полюбила здешнюю баню. Нет, конечно, и в Питере она ходила и в сауну и в хамам, но ни что не сравнится с баней в посёлке Жагура. Первый раз её потащила в баню, в прямом смысле этого слова, её тёзка – Наталья Петровна, учитель биологии, крупная женщина за сорок по кличке Тычинка. Наталья Григорьевна отнекивалась, стесняясь своего худого и бледного питерского тела, но в конце концов, поддавшись на уговоры, местами переходившие в угрозу и мольбу, согласилась. Суббота и воскресенье делились поровну – до обеда «женский час», после обеда – «мужской». Зайдя в просторную баню Наталья Григорьевна невольно охнула – помещенье было громадным. В холле стояло даже два биллиардных стола! Кожаные диваны вдоль стен, громадные рога сохатого под потолком, стилизованные под люстру и две медвежьи шкуры на полу. Наталья Григорьевна не ожидала увидеть такой самобытности, простора и красоты. Она стояла на пороге и смотрела, открыв рот.

– Здравствуйте, Наталья Григорьевна! – дружное приветствие заставило её опустить голову от великолепной люстры.

– Ой! – вскрикнула она, перед ней стояли ученицы десятого «А».

Все были раскрасневшиеся, с полотенцами на головах, свежи и с наглыми улыбками до ушей.

– Мыться? – кто-то задал вопрос.

Наталья Григорьевна стояла в растерянности перед своими ученицами, и уже сделала еле заметный шаг назад, как

появление Тычинки на пороге бани как ветром сдуло всех девчонок.

– Ну? Чего стоишь? Три часа осталось, не успеем!

– В смысле три часа? В смысле не успеем? – всему удивлялась Наталья Григорьевна.

– Париться – это тебе не в душе мыться! Давай быстрее! – перед Натальей Григорьевной, которая ещё не сняла верхнюю одежду, Тычинка стояла в сланцах и спортивном костюме. Наталья Григорьевна быстро разделась и они прошли в предбанник. Народу было немного, укутавшись в простыни, женщины сидели и негромко переговаривались, увидев Наталью Григорьевну с Тычинкой, по предбаннику прошло оживление.

– О! Наталья Григорьевна!

– Первый раз?

– Ох и баня сегодня! Жара!

– Вот кабинка свободная!

Всем хотелось хоть как-то угодить Наталье Григорьевне за её труд в школе с их балбесами.

– Да! Жара! Семаков постарался!

После молниеносного романа с Семаковым, Наталья Григорьевна до сих пор вздрагивала при упоминании его фамилии.

– Что «постарался»? – напряженно спросила она у Тычинки, которая уже разделась.

– Да он здесь истопником подрабатывает.

– Семаков топит баню?

– Ну...

– Кошмар!

Наталья Григорьевна сидела в нижнем белье и не решалась его снять. Крупная пожилая женщина напротив сняла с себя простынь обнажив огромные обвислые груди с большим живот в несколько складок и невероятной пышной растительностью между ног, улыбнувшись Наталье Григорьевне, она сказала:

– Пошли, Наташка, я тебя попарю, ишь, тоща ты какая, мужик залезет на тебя, как на швабру. А я попарю – ты будешь мягкая и розовая, как поросёнок молочный, а ты за это Борьке четвёрку поставь за четверть.

– Вы кто? – удивлённо спросила Наталья Григорьевна.

– Я – то? Баба Нюся, – она махнула рукой. – Нагуляла дочка, курва, детёныша и умыкнулась на вахту, вот воспитываю гадёныша одна. Ну, дык что, поставишь Борьке оценку-то?

– Да поставит, поставит! Иди уже, баб Нюся, парься! – ответила Тычинка за сидевшую Наталью Григорьевну, которая вжала голову в плечи, а худые плечи в спину, где можно было посчитать каждый позвонок.

– На! – сказала Тычинка и дала большой берёзовый веник. – Прикройся, если боишься...

Наталья Григорьевна зашла в большую помывочную. Шум и плеск воды отдавался гулким эхом от кафельных стенок. На больших бетонных скамьях женщины терли друг

другу спины, сидели с намылированными головами и делали маски.

– Пошли, пошли... – Тычинка поволокла Наталью Григорьевну в парную. Неимоверных размеров парная впечатлила Наталью Григорьевну не меньше, чем холл. Человек двадцать может поместиться, прикинула она.

– Сорок восемь.

– Что? – переспросила Наталья Григорьевна

– Сорок восемь человек тут помещается одновременно.

Проверено, – сказала Тычинка и залезла на верхнюю полку.

Наталья Григорьевна последовала за ней. Через минуту она почувствовала, как уши начинает щипать.

– Полотенцем обмотай, – посоветовала Тычинка.

В парную пришла баба Нюся с ковшиком воды. Плеснув в жерло здоровенной каменки, она села на самую нижнюю полку – «детскую».

– Ты зачем поддаёшь, раз не паришься? – Тычинка уже хлестала себя веником.

– Это я не себе, это я для Наташки, пусть Борьке «четыре» поставит.

– Поставит! Тебе же сказали!

Наталья Григорьевна сидела на верхней полке, закрыв лицо руками, жар, исходивший от веника Тычинки был просто нестерпимый.

– Это ты сказала, а она – нет, – и баба Нюся плеснула на каменку остатки из ковшика, пар вырвался, как из сопла ра-

кеты.

Наталья Григорьевна поняла, что через секунду от такой жары у неё раскрошатся зубы, вытекут глаза и расплавятся все органы. Она медленно слезла и почти наугад вышла из парной. Тело горело, сердце стучало в голове. Окотившись прохладной водой, Наталья Григорьевна понемногу приходила в себя. Она плескала на себя из тазика, сидя на бетонной скамейке. Хорошо, подумала, Наталья Григорьевна, баня и вправду хорошо. Из парной вышла на толстых ногах баба Нюся и встала напротив Натальи Григорьевны.

– Ну? – спросила баба Нюся, расставив своё мохнатое междуножье перед носом учительницы, так, что та отпрянула.

– Что «ну»?

– Поставишь Борьке оценку?

– Конечно, оценку поставлю.

– Ну, вот, молодец, Наташка! Пойдём, попарю! – хлопая толстой ладошкой по плечу учительнице, сказала баба Нюся.

– Не, я всё.

– Ну, пойду с Тычинкой погреюсь, – и баба Нюся ушла в парную.

– Не, ну и наглая эта Нюська!

– Никак зековские замашки не бросит!

– Вы, Наталья Григорьевна, её не бойтесь, она хоть и наглая, но дура!

– Да и дочка такая же! Говорит, что на вахте, а сама точно

в колонии!

– Внука, Борьку-бандита жалко. С такой бабкой живёт!

– Вы уж поставьте ему оценку, не связывайтесь с ней.

Так начали говорить женщины в помывочной Наталье Григорьевне.

– Да поставлю я ему оценку! Я всем оценки ставлю! Смотря какую! – сказала Наталья Григорьевна и окатила себя водой из тазика.

Взрыв хохота стократно отразился от стен с кафелем, заглушая плеск воды.

– Ну, Наталья Григорьевна!

– Оценка!

– Ну, даёт!

– Во, училка! Бабку Нюську ещё никто так не обманывал!

– Хотите крем-маску для лица, Наталья Григорьевна?

Из парилки вышла Тычинка, красная как помидор с малиновыми подтёками на коже от веника.

– Чего ржёте, бабы? Аж стены трясутся.

Все наперебой начали рассказывать о диалоге бабы Нюси и Натальи Григорьевны. Посмеявшись, Тычинка сказала.

– В парную пока не ходите, там Нюська на нижней полке разлеглась, уснула, может, угорит и сдохнет, – в помывочной резко замолчали, переглянулись и напряженно посмотрели на Тычинку.

– Да шучу я! – засмеялась она. – Просила через пять минут зайти и разбудить...

Наталья Григорьевна возвращалась домой в полусонном состоянии после бани, она ничего не чувствовала, даже как шла. Еле-еле ей хватило сил снять с себя верхнюю одежду и завалиться на кровать. Она проснулась от дикого чувства голода на закате, сварив пельмешек и съев, к своему удивлению, штук пятьдесят, она опять уснула до утра.

С тех пор она полюбила баню всей душой и по субботам приходила почти к открытию. Она обзавелась толстой банной шапкой, войлочной подстилкой и рукавицами. Ей приходили посылки с можжевельновыми и дубовыми вениками, а берёзовых хватало и местных. Она перечитала всё научную и публицистическую литературу в библиотеке о пользе русской бани, заодно прочитав повесть Эфраима Севелы «Мужской разговор в русской бане», от которой неделю пребывала в прострации и легкомысленно ставила всем отличные отметки по литературе. К походу в парную она подошла с научной точки зрения. Она лично приобрела точные гигрометры и термометры для измерения влажности и температуры в парилке, а Тычинка их торжественно приколотила в парилке на строго определенной высоте. Мужики только диву дались такому энтузиазму Натальи Григорьевны и были счастливы вручить ей десяток-другой отличный берёзовых веников. В доме Натальи Григорьевны стоял дух берёзовой роши и скошенной травы, веники висели под потолком, лежали кучей в углу и пылились на антресолях. Казалось, их хватит чтобы целый батальон мог париться целый год.

Наталья Григорьевна брала собой три веника – берёзовым разогревалась, второй и третий заходы шла с можжевельным, иголки которого вонзались в худое тело и вызывали крики и стоны Натальи Григорьевны, что находило восторженные отзывы в предбаннике. Дубовым же веником она закрывала банные процедуры.

– Ну, хоть так, – перешептываясь, качали головой жагурейки на стоны Натальи Григорьевны из парилки. – Раз мужика-то нет.

В один прекрасный для себя день, Наталья Григорьевна сидела в просторном холле бани с удовольствием вытянув ноги на медвежьей шкуре. Уже давно закончился «женский час» и уже начали в баню собираться мужики, которые проходя мимо, звали её с собой попарится. Но Наталья Григорьевна пребывала в таком расположении духа, что даже не было сил на ответы деду Семёну, который больше других возлежал полежать с ней в парной. Домой идти не хотелось, Она почти уснула на кожаном диване под крики из предбанника о преимуществе мормышки перед блесной или наоборот, как вдруг напротив раздался мужской голос.

– Прямо как с картины Босха.

Она открыла глаза, на соседнем диване, по пояс голый сидел молодой мужчина, с короткой бородой и полотенцем на голове. Худое тело было опоясано жилами и мышцами, как тонкими канатами.

– Что? – спросила Наталья Григорьевна

– Да, говорю, в предбаннике, как на картине Босха – всё не понятно, и заставляют ещё в этом участвовать. Мормышки! Блэсна! Закидушки! Я последний раз рыбачил в десять лет, я не разбираюсь в рыбалке! Пристал этот дед Семён! Помыться толком не дал, – в сердцах сказал незнакомец.

– Я думала, что уже всех знаю в посёлке, – проговорила Наталья Григорьевна.

– А, да я вчера только прилетел вашим самолётом. Ну и холодно на АН-2 летать, я вам скажу! Буду на вашей пилораме германскую пилу с ЧПУ запускать, в среду обратно уже. Дома месяц уже не был, соскучился по Питеру...

Наталья Григорьевна подскочила.

– Вы из Питера?! – вскричала она.

– Ну, да... – отшатнувшись, ответил незнакомец.

Наталья Григорьевна закрыла лицо руками

– Мой родной город, я уже полгода здесь, – сказала она сквозь ладошки.

– Да ну! – удивился незнакомец, он пересел к ней на диван и протянул ей руку. – Георгий Горный, питерский технологический.

– Наталья Сорокина, питерский педагогический, филфак, – пожалала она и улыбнулась.

– А чего так далеко?

– Личное...

– Сбежала от милиции?

Наталья Григорьевна отшатнулась.

– Неее... А что, и так можно было?

– Ну... наверное, места, я гляжу, здесь глухие. Пять дней добирался из Новосибирска.

– Горский... знакомая фамилия. В Питере мы с вами не встречались?

– Давай на «ты». Вполне могли, я же в музыкальной группе в институте играл «Технолог», называлась.

– Точно! – крикнула Наталья Григорьевна. – Я на вашу группу на третьем курсе ходила!

– Ну да, по институтам мы ездили... меня тогда Гога называли...

– Гога... Гога, расскажи про Питер, как там сейчас, – и Наталья Николаевна залезла с ногами на диван и прижалась к Гоге – родная душа...

...Откинув одеяло, Наталья Григорьевна услышала, как рядом храпит Гога. Нет, подумала, она, значит всё было взаправду! Да ещё и воскресенье сегодня! Бывают же праздники в жизни! Она быстренько встала и убежала на кухню.

– Никогда такой вкусной картохи не ел! – Гога уплетал за обе щёки жаренную картошку, удивляясь количеству берёзовых веников, развешанных в коридоре. Напротив сидела Наталья Григорьевна и улыбаясь, смотрела. Вдруг она громко рассмеялась

– Что? – удивился Гога

– Я читала, что баня всегда приносит положительный результат. Вот, – она обняла Гогу. – Результат!

Гога неопределённо хмыкнул, но согласился.

– Завтра мне надо на работу, на лесопилку, а в среду уже домой, через Ленск полечу, ближе никак. Крюк в триста кэмэ. Питеру что-нибудь передать? – спросил он, доедая картошку.

– Передай, что я скучаю по нему... Спой что-нибудь, Гога, из нашего, из студенческого, – грустно попросила Наталья Григорьевна.

Гога подстроил гитару, взятую Натальей Григорьевной на время у Газельского, и запел про тополя в пуху, про сиреневый туман, и про то, как поезда уходят вдаль. Голос у него был низкий, красивый и сильный. Так они просидели до обеда, вспоминая студенческие старые песни.

Рано утром в понедельник Гога, пообещав прийти после работы, отправился к себе на съёмную квартиру за документами, и доложится начальству о прибытии, а Наталья Григорьевна, вся в растрёпанных чувствах еле-еле провела шесть уроков, глядя в окно на поленницу около дома через дорогу. Каждый раз, заходя в учительскую, чувствовала на себе взгляды коллег. Они были не осуждающие, а скорее изучающие. В среду Гога уедет, думала она, и ей становилось грустно до слёз. С ним она могла поговорить и послушать его по своему, как привыкла за свои двадцать три года – по-Питерски, глубоко и спокойно. И тут у неё созрел план, прямо по середине последнего урока. Она неожиданно отпустила весь десятый класс с урока со словами:

– Идите на улицу и ищите красоту в окружающем мире!
Завтра спрошу на оценку!

На вопрос директора, чего это десятый класс неприкаянно бродит по коридорам во время урока, все ученики начали наперебой рассказывать, как урок литературы прервался, и Наталья Григорьевна всех отправила на мороз искать красоту. На что директор вздохнул, протёр очки, пробормотал что-то про молодость и любовь, и гаркнул на учеников, что раз сказали им искать красоту, то быстро оделись и пошли её искать! Оболтусы!

Пока десятый класс мёрз на улице под зорким взглядом директора, попивающего чай из тёплого кабинета, и искал красоту в заиндевевших деревьях и сугробах по пояс, Наталья Григорьевна неслась к дому начальника лесопилки посёлка. Запыхавшаяся, она без стука ввалилась в дом, чем сильно напугала Макарыча, и его жену, мирно обедавших наваристым борщом.

– Что? – вскочил Макарыч. – Сашка что-то натворил? Матерился? Что-то сломал?

Наталья Григорьевна выдохнула, улыбнулась и покачала головой.

– Да вы проходите! – наконец сообразила жена Макарыча. – Борща?

Наталья Григорьевна прошла и поставила на стол большую красивую коробку.

– Ишь ты! Красота! – воскликнула жена Макарыча,

всплеснув руками.

– «Хеннесси». Ого! Вам, Наталья Григорьевна, что, досок надо первосортных? Так я вам и так сделаю! Заберите это! – Макарыч вертел в руках коробку.

– Макарыч! Дорогой! Обратно не приму! Дело такое!

И Наталья Григорьевна рассказала про командировочно-гогу, то есть Георгия Горского, про настройку какого-то немецкого оборудования, и нельзя ли это оборудование сломать, чтобы Гога Горский задержался здесь ещё на хотя бы на недельку, пока его чинит.

– И вот за это прими, Макарыч, «Хеннесси», от всего сердца, – сказала Наталья Григорьевна и села в кресло с ждать решение её проблемы.

Макарыч усмехнулся, покрутил ещё красивую коробку в руках.

– Дорогущая же вещь! – сказал он толи про бутылку, то ли про немецкое оборудование с ЧПУ.

– Подсудное дело – ломать заграничный аппарат!

– Помоги девочке! Не кобеняся мне тут! – вставила слово жена Макарыча и подмигнула Наталье Григорьевне.

Макарыч скривил недовольную гримасу в сторону жены.

– Добро, Наталья Григорьевна, что-нибудь придумаем. А доски первый сорт точно не нужны? А пересортица? – вдогонку крикнул радостно убежавшей Наталье Григорьевне.

Гога пришёл вечером как и обещал, принёс с собой бутылку вина и озадаченность на лице. Наталья Григорьевна

расстаралась, как умела – обалденные запахи домашней пищи прогнали все дурные мысли Гоги. Уха из щуки и котлеты из оленины. Наталья Григорьевна сама не ожидала, что получится вот так вкусно. Гога ел, выпучив глаза.

– Ничего вкуснее не ел! Обалдеть! Живут же люди! Хоть оставайся! – нахваливал он.

– Ну так и оставайся, – негромко сказала Наталья Григорьевна, глядя на Гогу.

Гога перестал жевать, поднял глаза и проглотил большой кусок не жуя.

– Так придется, видимо, – сказал он, глядя на Наталью Григорьевну. – Собрать не могу агрегат, запчасти лишние остаются, первый раз со мной такое!

– Так он не сломался? – удивленно спросила Наталья Григорьевна и тут же осеклась.

– А почему он должен сломаться? – не обратил внимания на вопрос Гога. – Я его собрал, а осталось ещё три шестерни, пять болтов и какой-то кронштейн. Я опять разобрал, собрал – тоже самое. Ну, а тут и вечер.

Наталья Григорьевна к концу объяснения уже лежала головой в подушке и хохотала, чтоб не заметил Гога. Ну, Макарыч! Вместо поломки, он добавил лишних деталей! Вот голова! Наталья Григорьевна хохотала до слёз.

– Ты чего там? – спросил Гога, озадаченный её отсутствием.

– Всё норм! – донёсся из спальни её истерический кашель

сквозь слёзы смеха. – Косточкой подавилась!

И она опять упала хохотать в подушку.

Всю неделю Наталья Григорьевна испытывала невероятные чувства – она готовила ужин для мужчины, утром провожала его на работу, вечером встречала с работы, хоть всё более и более озадаченного с каждым днём. Уроки пролетали на одном дыхании, она перестала замечать время. В учительской она подошла к физруку крепко поцеловала его, ударила журналом десятого класса по голове, и сказала.

– Если ты будешь на меня ещё пялиться, я засуну тебе мяч, – и крепко выругалась, у директора запотели очки и выпал учебник биологии из рук, но он не сказал ни слова, Тычинка хлопала в ладоши такому поступку, остальные женщины поддержали. Со звонком все пошли на урок, физрук так и стоял среди учительской, что-то соображая.

В коридоре её поймал Макарыч, при нём был пакет, где чётко угадывалась коробка «Хеннесси».

– Слушай, Наталья Григорьевна, забирай свой подарок, всё! Не можем мы больше без станка. Неделя прошла! Сами его уже сегодня собрали, без твоего Гоги. Забирай! – и он сунул пакет в её руки.

У Натальи Григорьевны упало сердце.

– Спасибо, Макарыч, а это – оставь себе, – и она медленно пошла в класс, вытирая глаза. В классе была тишина, ученики сидели, переглядывались, Наталья Григорьевна смотрела в окно на знакомую поленницу около дома. Вдруг ей в голову

пришла безумная идея, она подскочила и выбегая из класса сказала:

– Все пишут сочинения!

– А какая тема? – донеслось до неё.

– Любая! – крикнула она из коридора, чем сильно озадачила класс.

В автобусе никого не было, и она ехала до конца посёлка одна.

– Аэропорт! Конечная! – весело сказал водитель.

– Отлично! – сказала Наталья Григорьевна и спрыгнула на очищенную полосу.

АН-2 стоял в маленьком ангаре, по полосе на маленьком тракторе ездил начальник аэропорта Протасов, он же первый и единственный пилот самолёта. Протасов чистил полосу от снега. Увидев учительницу, он резко свернул в её сторону.

– Что такое? У Наташки «пять» за четверть не выходит? – Протасов был одержим оценками дочери и золотая медаль за окончания школы ему была нужна больше, чем ей.

– Пока выходит, – уклончиво сказала Наталья Григорьевна, Протасов нахмурился и слез с трактора.

– Что значит «пока»?

– Спряжения глаголов хромает, в окончаниях падежей ошибки, структуры предложения разбирает неверно, так что еле-еле «четыре», но «три» твёрдая, – сказала Наталья Григорьевна.

Протасов снял форменную шапку и вытер ей лицо.

– Ну- ка пойдём, – они зашли в небольшое здание аэропорта. – Говори, зачем пришла.

Протасов всем «тыкал», так как считал себя выше всех во всех проявлениях этого слова – лётчик.

– Надо, что бы ваш самолёт сломался и не летал, хотя бы дней десять.

– Ты чего? – выпучил глаза Протасов. – А если заболит кто? Везти же надо!

– Я вот полгода здесь живу и ни разу не слышала, чтобы вы работали санавиацией.

– Так-то да, – Протасов скис. – Народец болеть не хочет. А тебе зачем?

– Личное...

– Ну знаешь! Что мне крыло оторвать у самолёта?

– Вам видней, – и с этими словами Наталья Григорьевна достала из сумки красивую бутылку «Хеннесси» в красивой коробке.

– Иттить! – удивился Протасов.

– Это вам взятка!

– Да я понял!

– Может колесо?

– Что колесо? – спросил Протасов разглядывая коробку.

– Отвинтите.

– Э! Ничего я отвинчивать и ломать не буду! Тебе когда надо?

– Ну... с понедельника и хотя бы на неделю, чтобы никто

не улетел.

– Так... – Протасов начал загибать пальцы. – Сегодня пятница, плюс два, минус пять, да плюс ещё три, минус выходные, плюс сорок минут.

Наталья Григорьевна немного обалдела от такой математики, тем не менее, все десять пальцев Протасов загнул.

– Ладно, Наташка, помогу тебе, но только и ты моей дурочке поставь уж тогда «пятерку»... за год.

– Знаете что, Протасов, «за год» это надо, что бы вы месяц не летали!

– Ну ладно, ладно. Недельку никто не улетит.

Таким образом, за бутылку «Хеннесси» Наталья Григорьевна оставила посёлок без связи с большой землёй на неделю. И всё из-за любви! Ну, или ей так казалось.

Вечером Гога пришёл не то озадаченный, а немного опухший и от него несло спиртным. Он подошел к Наталье Григорьевна обнял её и разрыдался ей в плечо. Такого поворота она не ожидала. Дождавшись конца истерики, она усадила его за стол. Сегодня толчонка была с малосольным хариусом, а отбивные приправлены жареным луком со сметаной. Гога сидел за столом, иногда всхлипывал и вытирал нос.

– Может самогоночки? Писят? – спросила Наталья Григорьевна на манер местных жителей, Гога утвердительно кивнул.

– Я же квалифицированный инженер! Высшая категория! Питерский Технологический! А я не смог собрать! А они

смогли! Без чертежей! Как так- то? – сокрушался Гога, поедая картошку с хариусом.

Наталья Григорьевна стояла сзади и гладила его по голове и целовала в макушку, ну не могла же она сказать, что Макарыч выкинул лишние запчасти и сам собрал этот немецкий аппарат по распиливанию брёвен. Она только стояла и успокаивала его, стояла и успокаивала...

В понедельник Гога собрался рано.

– Может, поешь? – спросила Наталья Григорьевна.

– Не, боюсь на самолёт опоздать. Ну, до свидания, Наташка! Будешь в Питере, заходи в наш клуб на Мойке!

– И ты заходи, если вдруг что... Где найти меня знаешь.

Они обнялись, и Гога вышел в темноту, Наталья Григорьевна села на кровать, одна надежда на Протасова, что он там в самолёте сломает, колесо или что, думала она.

Посредине четвертого урока в кабинет русского языка и литературы просунулась бородата голова Гоги, у Натальи Григорьевны выпал из рук мел.

– Вот, ребята, – не растерялась она. – Это знаменитый инженер высшей квалификации из Санкт-Петербурга Георгий Горский, пришел нам рассказать, как он установил немецкое оборудование на нашей лесопилке. Заходите, Георгий.

Гога зашёл в класс

– Ну, расскажите нам, как вы устанавливаете это оборудование? – Горский был в смущении перед учениками, тем не менее, Наталья Григорьевна взяла его поставила перед дос-

кой.

– Не улетел, – шепнул он ей.

– Колесо сломалось? – шепотом спросила она

– Почему колесо? – удивился он,

Ах, ты! Подумала Наталья Григорьевна, дёрнула меня спросить!

– Самолёта нет! – шепотом сказал он

– Как? – громко спросила она, округляя глаза

– Улетел! – сказал Гога, показывая рукой движение полёта. – Ещё ночью, куда-то в Ленск что-ли.

Наталья Григорьевна села на стул и закрыла лицо руками, она смеялась. Ну, Протасов! Ну, придумщик! Она сидела и молча хохотала в ладошки.

– Наталья Григорьевна, вам плохо? – спросила участливо кто-то из учениц.

– Нет, мне хорошо, – еле сдерживая смех ответила она, и, повернувшись к Гоге, строго сказала. – Рассказывай! Я сейчас.

И вышла из кабинета.

Она стояла возле крана с водой и хохотала, плеская себе на лицо ледяную воду, восхищаясь сообразительности Макарыча и Протасова и в простоте исполнения поставленных ей задач.

Гога вошёл во вкус и уже увлеченно перешёл на сопромат, и даже начертил пару графиков на доске, чем привлёк внимание всех парней к инженерии. Наталья Григорьевна стояла

около дверей и не мешала ему рассказывать о коэффициентах сжатия бетона, эпюрах натяжения и прочих вещах, о которых она ни имела никакого представления. Гога даже постучал кулаком по стене, решив определить толщину кладки, чем привел в полнейший восторг учеников. Но звонок прервал необычный урок и к удивлению Гоги ученики облепили его и начали требовать рассказать про институт – все в один миг решили стать инженерами.

– Слушай... – смущаясь сказал Гога, когда Наталье Григорьевне еле-еле удалось выгнать учеников из класса. – Я у тебя недельку поживу, можно? А то мне комнату у какой-то бабы Нюси снимать не хочется. Был в сельсовете, так к ней определили. А в аэропорту сказали, ещё недели самолёта не будет...

Наталья Григорьевна не дала ему договорить и крепко обвив его шею руками, поцеловала. Неожиданно открылась дверь и шум шестого класса резко прекратился от картины целующейся Натальи Григорьевны. В полной тишине, глядя на учеников с открытыми ртами, она чётко произнесла:

– Вы все останетесь на второй год!

– Почему? – пискнул один голосок.

– Если расскажите, что видели.

– Мы не расскажем!

– Клянёмся!

– Зуб даю, не расскажем!

– Чтоб моя кошка сдохла, если я расскажу, что вы целуе-

тес с геологом!

– Никогда!

– Пожалуйста, не оставляйте нас на второй год!

– Всё зависит от вас! – сказала Наталья Григорьевна и вышла, держа за руку Гогу, оставив в недоумении учеников.

– На, – она отдала ему ключи от дома. – Можешь меня подождать дома.

– А можно я по школе схожу? Посмотрю? Заодно тебя подожду.

– Да конечно! – обрадовалась она, давно её не ждали! – Ещё три урока!

На переменах она провозилась с учениками и глаголами, и так и не смогла выйти в коридор к Гоге. Последний урок закончился, Гоги в коридорах школы не было, зато из спортзала хором доносилось «Го-ша! Го-ша!». Она открыла дверь в спортзал и дикий вой, шум и гвалт обрушился на её уши. Гога стоял посреди спортзала с баскетбольным мячом и примеривался к кольцу, вокруг сидели, скакали и просто орали старшеклассники. Бросок! И мяч под дикие вопли залетел в кольцо с середины площадки. Все повскакивали с мест и кинулись к Гоге, к которому шёл физрук, наклонив голову, лоб у него был красный.

– Может, не надо? – спросил Гога.

– Давай! – зло сказал физрук.

Гога отвесил ему шалбан под общий хохот, ржание и зазывание учеников.

– Ещё! – сказал физрук

– Может, всё?

– Ещё! – твёрдо настаивал физрук и встал на шаг дальше от центра.

В полной тишине он постучал мячом об пол, прицелился и с силой кинул, мяч немного не долетев кольца упал. Раздался рёв учеников со скамеек. «Го-ша! Го-ша!», все кричали и хлопали. Гога разделся по пояс, шум усилился, затопали ногами, засвистели. Он легко бросил мяч с того места, где стоял физрук, мяч полетел по высокой дуге, ударился о край кольца, немного прокатился по нему и провалился внутрь. Шум поднялся такой, что задрожали рамы. Скандирование «Го-ша!» переросло в «Шал-бан!». Под улюлюканье и свист, Гога слегка щёлкнул физрука в лоб, чем был также освистан за то, что шалбан был слабый, а физрука жалеть не надо. Наталья Григорьевна тоже похлопала такой спортивной победой, как ученики тут предложили кинуть ей мяч со штрафной линии. Гога взял её за локоть и быстро что-то пошептал на ухо, показывая на прямоугольник над кольцом. Наталья Григорьевна закивала, встала на исходную, и, вспоминая уроки физкультуры, бросила мяч. В полной тишине мяч ударился о щит, отскочил и застрял между кольцом и щитом. Вздох удивления вырвался из груди учеников. Сама Наталья Григорьевна не ожидала такого, она стояла с открытым ртом и смотрела на мяч, потом скорчила гримасу, развела руки в стороны, чем вызвала истерический смех у учеников.

Физрук ходил и бурчал, глядя на это всё, кто-то побежал за шваброй, а Гога взял хороший разбег и, подпрыгнув, уцепился одной рукой за кольцо, второй одним ударом выбил застрявший мяч. Ученики чуть ли не качали Гогу. Каждый считал своим долгом подойти и позвать ему руку. Такой парень достоин нашей Натальи Григорьевны, как бы говорили они ему, ты мужик, что надо. Гога, ставший центром внимания целой школы пребывал сам в небольшом шоке.

– Может, к нам физруком? – по-свойски спрашивали старшеклассники.

– Спасибо, конечно, но это хобби, – отнекивался Гога.

– Приходите с нами вечером в баскет рубится! Мы тут каждый вечер! – старшеклассники терзали Гогу, но тот только отнекивался и поглядывал на Наталью Григорьевну.

– Ты теперь у них в авторитете, – сказала Наталья Григорьевна, когда они шли домой.

– Да, уж, сам не ожидал... – усмехаясь сказал Гога.

Неделя летела. Гога вызвался сам готовить, его уже знали в магазинах, куда он стал часто заходить. Вечером, при самодельных свечах, Гога пел романсы и весёлые песни Высоцкого. Наталья Григорьевна лежала рядом на шкуре оленя, которую Гога прикупил по случаю у заезжих якутов, и пила самодельное вино. Чем задержать ещё Любимого человека, больше ей не приходило в голову. И она смирилась с этой мыслью. В понедельник прилетит самолёт, а на нём улетит Гога, но пока он здесь, он – её.

В воскресенье под вечер крепко подморозило.

– Минус сорок пять, – сказала Наталья Григорьевна, глядя на градусник. – Как ты в такой мороз полетишь?

– Ого! Никогда таких мороз не видел, – сказал Гога и одевшись, вышел на улицу.

В понедельник было минус пятьдесят, объявили «актировку», и запрет на вылет гражданской авиации на пять дней. Гога ходил и сокрушался, воздымая руки к небу, что-то шептал, и ругался. Наталья Григорьевна тихо радовалась, крепко обнимая Гогу. В воскресенье утром послышался гул самолёта, Гога выскочил из одеяла и растолкал Наталью Григорьевну.

– Самолёт! – крикнул он и побежал к окну.

Прямо над домом Наталья Григорьевны АН-2 сделал круг и ушел на посадку.

– Наташка! Самолёт вернулся! – Гога прыгал в одной штанине, пытаясь быстро одеться.

Наталья Григорьевна резко села на кровать. Всё! Точно прилетел! Специально над моим домом круг сделал, чтоб я знала! Эх, Протасов! Вокруг неё быстро одевался Гога и скидывал вещи в чемодан.

– Шкуру братъ не буду...

Прощались как-то неуклюже.

– Спасибо, приютила, неприкаянного. Будешь в Питере...

– Ага, я помню, клуб на Мойке. И ты заходи...

Болела голова, Наталья Григорьевна лежала, ковыряя по-

душку и немного шмыгая от проступивших слёз. К обеду голова разболелась сильнее и она решила прогуляться. Неожиданно для себя она увидела вьюгу за окном, посмотрела на градусник – минус пять. Понятно, с минус пятидесяти. Она опять легла в кровать и тут же подскочила. Ну! В такую погоду! Не летают же? Спросила она у себя. Не должны, ответила. Быстро оделась и вышла, как на пороге дома столкнулась с Гогой, который был весь в снегу и держал в руках чемодан.

– Ай! – вскрикнула она от неожиданности.

– Извини, не хотел напугать, ты куда-то собралась?

От неожиданности у неё ещё сильнее застучало в висках.

– С тобой и до инсульта не далеко, – сказала она, сжимая виски. – Пошли в дом, чего встал?

– На три дня нелётная погода... я позвонил... командировку продлили... – лепетал Гога, идя за Натальей Григорьевной в дом.

– С тебя обед! А у меня голова болит! – сдерживая улыбку, сказала Наталья Григорьевна и ушла в спальню, обхватив подушку, она крепко уснула, и даже не слышала, как Гога уронил кастрюлю с водой, задев ложки и вилки...

– Может останешься на Новый год? – с надеждой спросила Гогу Наталья Григорьевна на аэродроме, вытирая слёзы. – Всего десять дней осталась. Встретим вместе.

Гога замялся.

– Ты женат? – в ужасе спросила Наталья Григорьевна, поняв, что только сейчас её посетила эта мысль.

– Нет! – поспешил разуверить её Гога. – Даже невесты нет!
Наталья Григорьевна облегченно вздохнула.

– Так что тебя, взрослого мужчину останавливает? Успеешь ты вернуться в свой Питер!

– Мне просто надо домой, – сказал он растерянно, глядя на самолёт.

Наталья Григорьевна отпустила его, обида подступила у ней к горлу, слёзы покатались ручьём.

– Зачем тебе домой? У тебя жена, дети?

– Да говорю же нет!

– Ну и лети в свой Питер! – она отошла от него. – Только знай, что это я задержала тебя здесь почти на месяц!

Она размазывала слёзы по лицу ледяной варежкой.

– Как ты? – не понял он.

– Потому что я влюбилась в тебя и хотела, чтобы ты остался! И это я попросила Макарыча испортить агрегат или что он там сделал! И это я попросила сломать самолёт или куда там Протасов улетел на нём! Вот только вьюга и мороз были сами по себе!

Наталья Григорьевна зарыдала в голос от рассказанной правды, но легче ей не стало. Гога стоял, как оглушенный, он медленно повернулся и пошел к самолёту, который прогревал двигатели. Не зная, каких проклятий пожелать ему в дорогу, Наталья Григорьевна догнал Гогу, крепко поцеловала его, а потом стукнула его в нос твёрдой ледяной варежкой.

– Ненавижу тебя, Гога с Технолога! – и, рыдая, бросилась

через сугробы домой...

– За сочинение все получают «пятерки», – Наталья Григорьевна сидела в своём классе и смотрела в окно на поленницу через дорогу, которую занесло снегом до самого верха. А, нет, одно торчит, борется, не сдаётся, сучковатое березовое поленце.

А завтра, думала она, пойдёт в парную и выгонит вместе с потом и слезами эту застрявшую в её организме любовь.

Рыбалка на Лене

От реки несло майской прохладой и свежестью, Наталья Григорьевна вдохнула свежий воздух полной грудью. Река Лена появлялась километрах в пяти из-за скалы спокойно протекала мимо, раздваивалась и уходила за поворот. На том берегу был остров. И начиналась непролазная тайга. На берегу местами ещё лежали куски льда величиной с дом – недавно был ледоход. Говорят в ней много золота, в этой Лене. Да! В Питере такого нет! Но там другая красота, своя!

– Какой свежий воздух! Не надыхаться! – сказала Наталья Григорьевна и закурила длинную тонкую сигарету, кутаясь в пуховик. Стоя на высоком берегу, она видела, как внизу мальчишки мастерили снасти и закидывали удочки, другие разводили костер и вешали котелок, зайдя по пояс в реку, один зачерпнул два ведра воды и крикнул:

– Наталья Григорьевна! Дайте прикурить! Мы спички намочили!

Наталья Григорьевна поперхнулась дымом и потушила сигарету. Присмотревшись, она воскликнула:

– Симонов Валера? Девятый «А»?

– Я! Но уже десятый!

– От костра прикури!

– Примета плохая! Клевать не будет!

При такой тишине даже тихий разговор был слышен за многие километры, а здесь долетало, наверное, до самого устья.

Собравшись гуртом, пацаны посоветовались и Симонов крикнул:

– Идите уху с нами есть! Наталья Григорьевна!

Конечно, местную уху из свежей рыбы она уже ела, и даже готовила сама, и была на вершине блаженства от такого вкуснейшего блюда. Только одни воспоминания пробудили в ней аппетит и в животе неприлично зажурчало.

– Ладно! Помоги спуститься своей учительнице!

И к песчаному берегу, высотой с девятиэтажный дом кинулись все рыбаки девятого, теперь уже десятого «А». Вне школы они, эти шестнадцатилетние парни, выглядели взрослее. Четкие указания Симонова и вот – её, Наталью Григорьевну, эту строгую учительницу, уже подхватили руки. Четверо учеников, которым она ставила двойки за невыученные стихи Тютчева и Фета понесли с сорокаметрового обрыва

вниз. Дух у неё перехватило, она завизжала. Она ничего не видела, кроме быстро мелькающих мальчишечьих ног и не чувствовала крепко держащих её восемь рук. Слетев с крутого и высокого берега, ученики поставили её на землю. Все перевели дух.

– На пятёрку? – спросил Валера.

Она только кивнула головой и посмотрела наверх, все расхохотались. Наталья Григорьевна молча вынула и подала парням коробок спичек. Потом подумала и вынула дорогие тонкие сигареты.

– Только никому! – сказала она.

– Да что вы!

– Могила!

– Никогда!

– И мне!

– Вы настоящая учительница!

– Ладно, ставьте двойку, только дайте попробовать!

И все шесть учеников закурили её тонкие длинные сигареты.

Время от времени вытаскивая изо рта, закатывая глаза от удовольствия и кивая.

– Вещь!

– Ну а то!

– А вы? Наталья Григорьевна?

– А у вас какие?

Один учеников достал «Беломор». Учительница ловким

щелчком выбила папиросину, размяла её, как заправская курильщица, взяла спичку и чиркнула о брюки на тугом бедре, спичка вспыхнула, она раскурила папиросину, щелчком отправила горящую спичку в реку. Глубоко затянулась и пустила большое кольцо из дыма в сторону рыбаков-учеников. От всего происходящего те пришли в неопиcуемый восторг. Они стали пробовать: и чиркать спички и пускать кольца, пока один не закричал:

– Клюёт! Клюёт!

Все кинулись к воде. Наталье Григорьевне дали удочку.

– Тяните! Наталья Григорьевна! Тяните! Сильнее! – ученики ревели, махали руками, скалились и корчили страшные гримасы, свои удочки они уже вытянули со здоровенными рыбами. Удочка Натальи Григорьевны ходила из стороны в сторону.

– Подсекайте! Уйдёт! Ааааа! – бегали они вокруг, наконец, она докрутила катушку на удочке. Стало видно, как на мелководье ходит здоровенная рыба с полметра длинной.

– Щука! Тяните!

– Сазан это!

– Нет! Щука!

– Ааааа!!! – их эмоциям не было предела, кричали все, и больше всех учительница, не ну а что – азарт! Наталья Григорьевна взмокла во всех смыслах – от переживаний – она никогда не рыбачила, и – залезла случайно в воду по щиколотки. Наконец, общими усилиями полуметровая щука бы-

ла вытащена на берег.

– Ну, Наталья Григорьевна! Вот так да! – все собрались во-круг улова.

– Итак, – подвел итог Симонов. – Четыре сазана, два леща, ленок, окунь и...

Все посмотрели на Наталью Григорьевну.

– Вот так вот! – сказала она, щука дёрнулась и подпрыгнула.

– Ой! – вскрикнула Наталья Григорьевна, все рассмеялись.

– Ну, парни, начнём, – сказал Валера, и тут же про учительницу все забыли, ребята стали серьёзными: из рюкзаков появились доски, ножи, они начали чистить и потрошить рыбу. Откуда ни возьмись к ребятам прибежал лохматый и здоровый пёс по кличке Лохматый, увидев учительницу он остановился и залаял на неё, но после окрика одного из парней, отошёл и лёг недалеко, недобро поглядывая на Наталью Григорьевну. Этого Лохматого она часто видела около школы, все ученики заходя во двор, трепали его за ухо или гладили по голове. Теперь он пришел и на рыбалку. Симонов сделал в воздухе какие-то движения рукой и показал на учительницу.

– Саша, организуй.

И тут же непонятно откуда, может даже из воздуха появился раскладной стул и термос.

– Мы не долго, но подождать придётся нормально, – сказал организатор-Саша.

– Спасибо, – сказала Наталья Григорьевна, садясь на стул около костра, и беря в руки алюминиевую гнутую кружку, полную душистого горячего чая. – За оксюморон – пять.

– Это не оксюморон, это чабрец, мята ну и ... в общем, пейте, – сказал Саша.

Наталья Григорьевна рассмеялась, нет, она не станет сейчас объяснять значение слов, чабрец, так чабрец! Она отхлебнула чай, да было ещё что-то знакомое:

– Саша.. там... коньяк?

– С первого раза! Наталья Григорьевна! – Саша показал большой палец и пошел помогать чистить рыбу. От костра стало тепло, она сушила промоченную обувь.

И что? Она, питерская интеллигентка, должна учить их жизни? Вот сейчас здесь? Говорить, что в шестнадцать лет курить нельзя? И чай с коньяком на холодном ветру пить не стоит? Она поёжилась и отхлебнула. Мммммм, какая вкуснятина! Прямо бальзам! И согревает моментально! Она смотрела, как они, эти «ученики-рыболовы» ловко управляют с ножом: куски рыбы были ровные и чистые. Допив кружку она налила ещё половину – оторваться было нельзя от такого зелья – бодрящего и горячего! Выпила ещё. Вкусно! Глинтвейн по сравнению с этим просто дрянь – подумала она. Все парни обернулись.

– Что? – спросил Валера.

– Что? – ответила Наталья Николаевна

– Вы сказали, что вам глинтвейн не нравится?

Вот! Уже думаю вслух – ужаснулась учительница. Развезло!

– Да, полная ерунда, Симонов, даже не пробуй!

Парни также деловито отвернулись и продолжали варить уху, уже кипела картошка, рыба была промыта. Запахло специями. Пёс, который всё это время дремал недалеко, видимо понял – надо подходить ближе к раздаче. Он подбежал и оценил обстановку – не найдя противника в Наталье Григорьевне, спокойно лёг рядом с костром, вода время от времени носом. А поводить уже надо было! Куски рыбы в большом котелке медленно плавали и булькали. Симонов деловито помешал и что-то шепнул своему собрату по «кухне». Тот размеренным шагом подошёл к рюкзаку около Натальи Григорьевны и вытащил чекушку.

– Нет, ребята! Это уже перебор! – сказала учительница.

Симонов в плеснул немного в уху и заткнул чекушку сучком от ветки.

– Для скусу, Наталья Григорьевна!

– Ааа... ну, если для «скусу»...

– А теперь для аромата, – и Симонов взял из костра дымящую головёшку и, что-то шепча, окунул в котелок и сделал три круга в одну сторону и три в другую, потом вынул и бросил в костер.

– Каша из топора... – прошептала Наталья Григорьевна, такое она видела в первый раз. В миг появились железные гнутые и мятые, выдавшие виды тарелки, из ящичков был со-

оружен стол и накрыт клеенкой. Белый хлеб нарезан крупными кусками. Для Натальи Григорьевны накрыли ящик полушубком.

– К столу! Наталья Григорьевна!

– С удовольствием!

Запахи были такие, что даже пёс привстал на передние лапы и заскулил, жалуясь, что про него забыли! Обделили Лохматого!

– Цыц! Лохматый! И тебе будет!

И Лохматый успокоился – ну, не обидят, значит, хвост-то рыбий точно отдадут, подумал он по-собачьи. В центре стола в большой тарелке лежали куски рыбы и дымились, уху разлил по тарелкам Симонов. Наталья Григорьевна осторожно зачерпнула алюминиевой ложкой уху и отправила в рот. Закрыв глаза, она почувствовала – какой же это был вкус! Острота перца, соль и вкус ...вкус... она не могла подобрать слов и понять, что же это было? Что-то очень знакомое! Точно! Вкус костра! Только он был внутри! Чудеса! Она открыла глаза – двенадцать глаз на неё смотрели не моргая.

– Я в восхищении... – прошептала она, и зачерпнула ещё.

И тут же Симонов быстрым и точным движением разлил остатки чекушки по стаканам. Наталья Григорьевна не успела сказать и слова, как все мальчишки не поморщившись быстро выпили и стали есть уху, как ни в чем не бывало.

– Мне что? Показалось? – спросила она

– Нет.

Она помолчала.

– Ну, хоть бы тост сказали, там – «за рыбалку», или еще что, – пыталась вразумить их учительница.

– Зачем? Тосты пусть взрослые говорят, а мы дети, мы просто пьем, – сказал Валера.

– Хотите глаз, Наталья Григорьевна? – и ей в тарелку с новой порцией ухи приплыло два варенных рыбьих глаза и лавровые листья. Она брезгливо посмотрела, как они приветливо колыхались и улыбались ей из тарелки.

– Фуууу, Симонов! Забери!

Тот одним движением подцепил их и отправил в рот соседу Сашке.

– Какой кошмар, – вздохнула Наталья Григорьевна. – Ты, наверное, и мясо сырое ешь, Саша?

– Почему только Саша? – загалдели вокруг, и обещали принести ей строганину и сырую печень марала. На что Наталья Григорьевна с надеждой посмотрела на Лохматого, который возился с кусками рыбы и прошептала ему:

– Я с тобой поделюсь...

Когда уже всё было съедено, разлили тот самый волшебный чай на травах, и парни, разлеглись вокруг своей учительницы на песке.

– Наталь Григорьевна, а расскажите про Питер! – и перед ней возникла пачка «Беломора». Она медленно размяла папироску.

– Ну, слушайте...

Смысл жизни

Наталья Григорьевна медленно прошлась по классу, она была в строгом костюме и черных туфлях с красным низом на высоких каблуках. Ученики с восхищением смотрели на неё.

– Вот и всё, ребята, – сказала она, садясь на своё место у окна. – Ещё экзамены и вы – взрослые и свободные люди.

Она сняла очки в красивой тонкой оправе и слегка промокнула глаза. Некоторые ученики вздохнули, никто ещё не был взрослым и свободным, но так хотелось! Наталья Григорьевна уловила этот безмолвный вопрос.

– Быть взрослым не сложно, только те глупости, которые ты делал в детстве – делаешь всё реже и реже. Успевайте всё сделать в молодости, все главные поступки успевайте сделать молодыми! Чтобы хватило сил!

– А вы? Наталья Григорьевна? Вы, всё уже сделали? – слышался бас Силантьева с задней парты.

Наталья Григорьевна медленно надела очки и встала.

– Если то, что я сделала – это всё, то грош мне цена! – она помолчала. – Хотя, одно то, что ты Силантьев, «Мцыри» пишешь без двух ошибок в этом слове и знаешь, что это произведение Лермонтова, я бы сказала, что я сделала многое!

Силантьев что-то забурчал, а выпускники расхохотались. Наталья Григорьевна подошла и обняла огромного Силан-

тьева.

– Ооооо! – громко раздалось по классу, Силантьев густо покраснел.

– Ты сильный, – сказала, Наталья Григорьевна. – Найди себя.

Она села за свой стол.

– Что самое трудно вам предстоит в жизни, как вы думаете? – атмосфера в классе была уже весёлой.

– Экзамены!

– Точно! Экзамены!

– Да, это самое сложное!

Класс загудел, некоторые ученики схватились за головы.

– Ууууу... экзамены...

Наталья Григорьевна подождала, когда эмоции пройдут.

– Нет, – сказала она. – Экзамены вы сдадите, все. И потом вы их будете вспоминать как одну из самых ярких своих побед в самом начале самостоятельной жизни.

Она встала и медленно пошла по классу.

– Ну, так кто мне скажет, что самое трудное в жизни?

Все задумались, начали перешёптываться, переглядываться.

– Мужа нормального найти! – крикнула Кравцова, класс взорвался смехом так, что шторы зашатались. Наталья Григорьевна, вздохнув, покачала головой.

– Не без этого. А ещё?

– Может быть, трудно быть честным, всё время?

– Согласна. А надо ли? Всё время?

– Ну... Наталья Григорьевна... Вы же наша учительница и говорите, что не надо быть честным?

– Осталось тридцать минут, как я ваша учительница, Петров. Вот я сейчас честна с тобой, и видишь, тебе трудно, поверить в то, что не всегда нужно быть честным.

– Да я не про то... – Петров замялся. – Я про то, что это вы говорите... учитель.

– Да, ребята, самое трудное, оказывается в жизни – это простые и лёгкие вещи: слышать правду, говорить её, скрывать её, хранить её. Говорить, что любишь своих родителей, обнимать и ценить их. Вы не заметите, как привыкните к тому, что вы уже взрослые, и ваша беспечная юность – это будут лишь каникулы жизни, где вам уже всё можно, вы полны сил, и у вас очень мало обязательств. Легче всего вы будете любить то, с чем расстанётесь – школу, родителей, друзей. Пройдя испытания первой любви, вы повзрослеете сразу на десять ступенек, потому что это будет первая, настоящая любовь и потому несчастная. Потому что первая. Но, вы не должны унывать! Будет и вторая и третья! Более интересная и зрелая! Будьте творцами – вот что ещё самое трудное! Создавайте что-то новое. Оглянитесь! Вокруг вас нет ничего, что бы сделали вы! Вы сидите за партами, сделанными рабочими, учитесь по учебникам, написанными учёными, но где ваш вклад? Вы должны оставить свой след на этой Земле! Обязательно! Постройте дом, создайте семью, изобрети-

те автомобиль, напишите книгу, посадите дерево. Оставьте след. Не проходите по жизни бесцельно. Будьте смелыми! Что же главное в жизни? Дым над трубой – значит, дома тепло. Свет в окне – значит, тебя ждут. Роса по утру – значит, день будет жарким. Крики «Горько!» и звуки баяна – значит, будет новая семья. Плач малыша – значит, родился долгожданный ребёнок. Умейте радоваться просто так, умейте радоваться своим маленьким победам. Будьте амбициозны! Ставьте себе цели, и никогда не опускайте руки, если у вас не получается! Пробуйте! Думайте! И пробуйте по другому! Но не отступайте от своих целей! Умейте мечтать! Только мечта двигает человека вперёд и становится реальностью, если приложить усилия. Не бойтесь работы, никакой. Вам всё по силам! Любая работа! И физическая и умственная. И рутина и творчество. Вы – молодость и дерзость – можете всё! Не отступайте! Но и берегите себя! Умейте отдыхать, кто плохо отдыхает – тот не умеет работать! Читайте! Обязательно читайте! Некоторые книги будут вам настолько близки, что вы не поверите, что там пишут так, как вы думаете. А некоторые книги изменят вас, заставят погрузиться в глубину раздумий, в пропасть загадок, в туман истории, в дебри цифр. Считайте книги своими молчаливыми друзьями, которые могут дать совет, только когда их спрашивают. Чувствуйте! Не бойтесь своих чувств. Испытывайте эмоции! Больше и разных! Смотрите мир. Он очень большой! Живите широко! И если длину нам отмерила судьба, то ширину

мы отмеряем сами. В этом смысл жизни!

Наталья Григорьевна сняла очки и вытерла мокрые глаза, посмотрела на класс – у всех девчонок по щекам текли слёзы, мальчишки, по щекам которых уже прошла бритва и не раз, были серьёзны и молчаливы.

– Пожалуй, это мой самый главный урок, – сказала Наталья Григорьевна. – К нему я не писал конспект, не готовила план урока, не учила речь. И этот урок, скоро закончится.

Наталь Григорьевна посмотрела на часы.

– И если вы забудете личные окончания глаголов первого спряжения, то я вам прощу, а если вы не станете целеустремлёнными, а будете ленивыми и не способны к действию – нет. Я учила и воспитывала вас по своему разумению, как умела и могла, а теперь вы уходите. Совсем. Но главное то, что я в вас вложила что-то доброе и человеческое, что-то порядочное и душевное, надеюсь, этот кусочек моей души останется у вас навсегда, а у меня нарастёт новый. Но уже не такой. Потому что вы – мои первенцы!

Раздался звонок.

Девчонки в слезах кинулись со своих мест к Наталье Григорьевне обниматься, мальчишки молча сбились в кучу и тайком достали папиросы. За дверью всё это время стоял директор и хотел было войти с приказом о допуске к экзамену и зачитать его, но услышав речь Натальи Григорьевны, весь урок молча простоял под дверью и только иногда шмыгал носом и тёр глаза. Громко высморкавшись, он так ушёл в

свой кабинет, что-то бурча на ходу и размахивая приказом.

Май заканчивался.

Начиналась новая жизнь и целый мир ждал.

Сорокалетие Победы

Сорокалетие Победы в селе Покровка решили отметить грандиозным народным гулянием на Тихой Заимке. Пляски под гармонь, подарки на столбе для молодёжи и прочие забавы. Председатель был молод и горяч и хотел сжечь ещё Масленицу, но отговорили – идеологически не верно, да и сельчане не поймут. Не забыли, понятно, и про ветеранов, их было аж пятнадцать. Всем приготовили подарки – велосипеды. Ветераны должны были принять молодое поколение в пионеры, в комсомольцы и поручится за одного кандидата в партию. Сценарий- как по нотам. Душа председателя пела! Столов было наставлено в пять рядов, по десять метров, председатель любил масштабность, иногда он говорил на собраниях:

– Наш совхоз – это наш Титаник! И я – ваш капитан! И мы все на нем плывем по океану социализма! И я доведу вас до цели, товарищи!

Райком, райком- вот моё место, там, где поглубже – мечтал он.

Ветеранов посадил на почетное место, воздали словами должное, говорили длинно и трогательно, слезу пускали и

тостующие и виновники торжества – все еще крепкие старики.

– А теперь слово нашим ветеранам, – сказал председатель.

Звякая медалями выступили ветераны, желая мирного неба и доброго здоровья.

– Ну, а Виктор Ефимыч чего нам пожелает? И почему без медалей? Все сказали кроме вас, – молодой председатель наседавал.

Ефимыч пыхнул трубкой.

– Да уже носить их тяжело, – пробурчал Ефимыч, – да вроде всё сказали...

– Может Виктор Ефимыч знает интересную и весёлую историю про войну? Пусть расскажет, – не унимался председатель.

Все как-то притихли, веселых историй еще никто не рассказывал, в основном наоборот. Но Ефимыч не стал спорить, выбил трубку о каблук ялового сапога

– Да, была веселая...

– Слушаем! Слушаем! Интересная весёлая история нашего конюха! – председатель захлопал в ладоши.

– Служил я в НКВД...

– ... как в НКВД? – пискнул председатель, – ...ты же ... вы же... в смысле... конюх... у нас....

– Так вот, служил я в НКВД, и довелось мне стоять в первом круге на Ялтенской конференции, в охране товарища...

–... в смысле... товарища ...– голос председателя задро-

жали и он сел на стул.

– Да, товарища Сталина, правильно. Сталин всегда с Власиком тогда ходил, с охраной. А Власик, Николай Сидорыч, когда проходил мимо нас, нет-нет да даст кому-нибудь под дых, проверял так, чтоб всегда на стрёме, значит, были. И вот идут они мимо нас на встречу к американцам с англичанами, мы понятно по струнке, и тут товарищ Сталин говорит, чёго это мы так торопэмся, товариш Власык, а давай-ка покурим с нашэмы товарищэми. И достаёт, понятно, трубку и коробку «Герцеговины Флор». И напротив меня встал, смотрит. Власик мне башкой мотает сзади Сталина, мол, типа терпи, солдат, не вздумай мне тут в обморок ещё упасть. А чёго, я стою по стойке смирно, о борще думаю, да на Иосифа Виссарионовича тоже поглядываю.

– О борще? – просипел председатель в полной тишине.

– Ну да, и о котлетах, мы уже восемь часов стоим, пожрать бы не мешало. Стоим значит, молчим, Сталин трубку набиывает, усы топорщит, как зовут спрашивает, сержант Березняк! А имя-отчество у тебя эсть? Виктор Ефимович! А чёго эта ты, Выктор Эфимовыч, такой криволапый, спрашивает. С детства на конях езжу! отвечаю. Потом взял коробку с оставшимися папиросами и отдал мне, товарэщ Власик, прэвэдитэ патом этого кривоногага наездника ко мнэ. Власик проходя мимо меня пригрозил мне так кулаком величиной с гирию, и прошептал, смотри, мол не подведи, а что делать надо, спрашиваю, Власик только плечами пожал, и бросил на

ходу – что скажут, то и будешь. Разделили мы эти папиросы между бойцами, а на меня ребятки смотрят, как на смертника, ничо, мол, с каждым могло случится, может ещё увидимся, давай Витёк, не подведи. Докурил я подарок Иосифа Виссарионовича, да тут и охрана Сталина прибегает. Где тут сержант Березняк? А ну бегом к товарищу Сталину! В общем, попал я на обед ко всяческим американским президентам и английским премьерам, во главе с товарищем Сталиным, сидят, значится они, мороженное из вазочек кушают.

– Ты видел американского президента? – председатель упал со стула.

– Да вот как тебя, и даже за руку с ним здоровался, – председатель был в полуобмороке.

Вот, говорит, Сталин, этот сержант, вашего коня иноходного объездит, тут эти президенты – ну, ну! и по своему что-то – гылгылгыл. Тут переводчица, девчонка ещё совсем и говорит, показывая на меня, если этот солдат продержится в седле Армстронга минуту мы спишем долг на сумму и называет какие-то цифры. Ну что, спрашивает товарищ Сталин, сможешь? Смогу, говорю, только не понял что надо делать. Вышли мы все на улицу, ну я и спрашиваю у переводчицы, чего делать-то надо, с коня, говорит, не убейся, продержись минуту. А тебя как зовут, спрашиваю, нашел время, дурак – отвечает. Ну ладно, чего уж, гляжу – коняха стоит, и два здоровых американских полковника держат, и еще десять вокруг стоят, скалятся. Конь красивый, чёрный –

чёрный, здоровый как комод с антресолями, копытами всю землю вокруг себя вспахал, полканов таскает туда-сюда. Тут ко мне Власик подходит, ну, что, лейтенант Березняк, сможешь? Товарищ генерал, ошибаетесь, сержант я, нееее, говорит он, либо ты лейтенант, либо ты рядовой на руднике золото моешь, понятно, родненький? не подведи. Товарищ Сталин еще свою трубку поставил на кон против этих поганных английских папирос, так что ты уж продержишься на этой дикой коняшке, вздохнул Власик тяжело, и говорит, вот так мне никогда страшно ещё не было, и положил мне на плечо руку, я аж присел. Вот – и дает мне нагайку, вдруг пригодится, американская. Делать нечего, снял я портупею, подошел к жеребцу, а эти американские полковники, которые его держат, улыбаются во всю пасть и только слышно – есесесес, ну есть, так есть. Подошел я сбоку да как хлестну его плеткой по животу, он аж присел от боли и неожиданности, тут я быстренько хвать его за гриву, намотал на руку, да и запрыгнул на спину. Отпускайте! – кричу, есесес – улыбаются, да залез я! залез! замахнулся на них плеткой, тут до них дошло – выпустили они его – ну, понятно – конь в дыбы, да я крепко в удила вцепился – не скинет. Тут он брыкаться стал, и начал я его плеточкой охаживать, да с оттягом, да по глазам ещё, чтоб совсем успокоился, счет времени я вскоре потерял. Упал я с него только через пять минут, да неудачно так – как раз под копыта – чую хрустнули мои ребрышки – ну а что, имеет права, ему тоже досталось – еле на ногах сто-

ит, бока разбиты от моей плётки, а у меня – сломан нос, ребра и сотрясение. В полной тишине меня отнесли в лазарет, помню какой-то американский военный сказал по-русски – русски золдат не здаится, а я ему неприличный жест показал и послал, тоже по-русски. Но ему это не перевели. К вечеру ко мне в лазарет приехали Черчилль и Рузвельт, хотели посмотреть на «русского, который не сдаётся», а с ними эта переводчица молоденькая, которая имя мне не говорит. Гы-гы-гы, говорит Черчилль, вам было не страшно, переводит молоденькая, нет, говорю, скажи, страшно в штыковую идти. Тут американец – гы-гы-гы-гы-гы-гы, вы держитесь на коне лучше наших ковбоев, где вы этому научились, ты ему переведи, говорю, что мол, пока всех баб в деревни объездишь – научишься. Я такое переводить не буду, говорит, вот расскажу товарищу Власику какую вы похабщину тут несёте! Да ладно, может мы с тобой тоже покатаемся, спрашиваю. По-краснела она – хлесь мне по мордам! и выбежала. Тут значится эти два президента и расхохотались – догадливые видать, жмут мне руки – русгий золдат не стаются – ага, говорю, сволочи вы заморские, не сдаются. Есесесес – и скалятся во весь рот, а Черчилль достал портсигар, где сигары с палец толщиной и – на мне, смоки-смоки, говорит, гуд-гуд. И Рузвельт из кармана часы на цепочке достаёт – и тоже – гуд-гуд! клок-тайм! Змельый русски, гуд-гуд, говорят и оба хлопают по ребрам, по сломанным, собаки... В общем, через десять дней меня выписали. Я бегом в штаб – а там никого из на-

ших, только начштаба – ну брат! ты даёшь! – и вручает мне пакет, а там – погоны лейтенантские, орден Красной Звезды и трубка с запиской «Молодец, солдат. И. Сталин». Показал я записку с трубкой штабным, покивали те бошками, поцокали. Ну чего стоишь, лейтенант, беги в магазин, обмывать орден, звание да подарок! Крууугом! Бегом арш!

Виктор Ефимыч раскурил трубку, выпустил дым, достал из кармана потертые часы на цепочке и открыл крышку.

– Пятнадцать ноль-ноль.

– ...а это ... те самые... это та самая...

– Те, те... та, та...

– ...товарищ лейтенант НКВД...

– Майор я уже.... Майор.

– ... так а что ж ты...простите... вы... конюхом-то...

– О, брат, это другая история, ещё интересней...

конкурс

Участников на музыкальный конкурс было так много, что его решили продлить до вечера. Распорядительница бегала со списком и искала по фамилиям детей, которые уже устали ждать и разбрелись кто-куда по музыкальной школе. Дети бродили по этажам толпами и по одиночки. Кто-то пытался репетировать, кто-то глазел на жизнь школы, висящий в фотографиях на стенах и все наступали друг другу на ноги. Половина детей искала туалет, другая половина хотела пить.

– Домбра! Вальс цветов! Петрова!– кричала распорядительница и бегала по этажам. – Где домбра? Вальс!

Но домбра не отвечала и решили пропустить. В углу под лестницей уже рыдали две скрипки.

– Что такое? – подбежала распорядительница. – Какой класс? Откуда? Вы когда выступаете?

– Третий класс...ыыыы... из Шушенского... ыыыы... мы не можем выступить...ыыыы...мы смычки потеряли...ыыыы...– и дружно заревели.

Распорядительница схватилась за голову, и со словами: «Дети наши будущие... инфаркты...», убежала. Из концертного зала то и дело раздавались аплодисменты родителей, громче всех хлопали родители детей, которые выступали. Звучали баяны, скрипки тех, кто ещё не успел потерять смычки, домры тех, кто ещё не потерялся сам, фортепиано, виолончели, аккордеоны, и даже! один саксофон!

Музыкой Моцарта и Бетховена, Шуберта и Шопена, сонатами и польками, маршами и полонезами, этюдами Черни и Черикова были измотаны лица детей. Взрослый человек, не сталквивающийся в жизни с настоящей музыкой, ни когда не поймёт двенадцатилетнего ребёнка, закладывающего на фортепиано или баяне, расходящиеся гаммы в ре-диез-миноре двумя руками. Так что не говорите, что вы поняли жизнь, пока не научитесь отличать большую терцию от малой квинты.

Ах! Как же играл дуэт скрипок! Пальцы летали по грифу

так, что их было не видно! Паганини! Каприс двадцать четыре! Я стоял с баяном на перевес и смотрел в щелку. Всегда завидовал скрипачам – какой же лёгкий инструмент! Я уже замотался таскать везде баян! Как вдруг – бац! и смычок первой скрипки улетел в комиссию! Ура, всё, не видать им первого места – вздохнули мы облегчённо. Эти Абаканские детишки который год отбирают у нас первые и вторые места. Всё! Фиг вам! Руки-крюки! От такой неожиданности ученица из Абаканской музыкальной школы встала в ступор и зарыдала, вторая скрипка продолжала играть. Пока председатель комиссии подобрал смычок, пока вылез, пока подал...

– Продолжайте... – говорит.

А чего продолжайте? Кончился Паганини! Всё! Вывели эту скрипку под ручку и в истерике – а что вы хотите? Нервы – это такая поганая вещь. Ну а валерьянкой в школе ещё с утра начало пахло – родители закладывали.

К обеду распорядительницу уже трясло: смычки так и не нашлись, домбра тоже, один баян из Саяногорска пошел погулять вокруг школы да так и не вернулся – пошли искать. Нашли на автобусной остановке, чуть в центр города не уехал, надоело ему здесь, домой захотел, за сто двадцать километров. Потом какой-то мальчик плюнул на виолончель какой-то девочке и теперь она Рахманинова на нём играть не хочет. Потом оказалось, что есть недалеко магазин с мороженым. Мороженым?! Всё! Мальчишек почти не осталось – все побежали в магазин и очередь на конкурс сбилась. Рас-

порядительница тоже побежала в магазин, а оказалось – нет мороженого. Ну, правда! Ну, какое мороженное в восемьдесят втором году? Опять фиг вам! Потом оказалось, что подходит очередь аккордеона из Черногорска. Быстро надев на него инструмент, папа как – то неловко подтолкнул сына, и тот полетел в концертный зал, запнувшись о порог. Приземлившись прямо перед комиссией, стало понятно, что в столицу за аккордеоном они летали зря, и денежный вклад из сберкассы любимой бабушки потрачен впустую. Рассыпуха в чистом виде, наглядно. Вот так люди и бросают музыку – в прямом смысле этого слова! Тут и моя очередь наступила.

– Иди, – уже осипшим голосом равнодушно говорит распорядительница, и так лицо себе обмахивает и внимательно смотрит – а что это там девочки кружок по интересам устроили?

– Что там у вас, девочки?

И девочки показывают ей ободранного, вшивого, всего в лишаих и репьях котёнка.

– Мы его нашли, он бездомный, сейчас мы ему колыбельную Брамса сыграем и он уснёт.

Из последних сил скривив брезгливую гримасу, распорядительница пожелала им, что бы те, если и заразились чем, то только лишаём, а холера и дизентерия так уж и быть, пусть их обойдут стороной, если они тот же час не выкинут эту заразу из Храма! Музыка! И не вымоют руки с хлоркой! Иначе они у них отвалятся и смычки держать им будет нечем! Но,

этого я уже не слышал, а сидел в концертном зале и думал, как бы мне сыграть, и лучше без запинок и ошибок «Турецкий марш» Вольфганга Амадея. Самое главное было попасть в верхнее «ми» правой и в «ля» левой не глядя. Я посмотрел на комиссию – той, как мне показалось было всё равно – попаду ли я или нет. Они шептались, председатель дремал, мой преподаватель кивнула. После того, как я сбацал, председатель открыл глаза и посмотрел на меня, я поклонился как и полагается высококультурному человеку, продавшему не дорого свой талант, он тоже кивнул, но только глазами.

Когда начали объявлять места – меня не было ни первым, ни вторым, ни даже пятым или десятым. Я был только пятнадцатым! Падла! – думал я, проспал всё, этот председатель!

– Радуйся, – сказала мне преподавательница. – Что пятнадцатый.

– Это почему? – обиженно спрашивал я.

– Ну, потому что, на первые пять мест ты точно не играешь, даже на первые десять, а дальше вы все одинаково плохо играете. Или одинаково хорошо. Ну, вот дальше места по алфавиту и пустили. У тебя на какую букву фамилия?

– На «Д»... – сказал я, впервые не веря в справедливость и честность окружающего мира.

– Ну, нормально. А у кого-то фамилия и на «Ф».

И я обрадовался.